

**ДМИТРИЙ
ГУЛЯЕВ**

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ

2017

Альтернативная история со Сталиным, промежуточным патроном и хрустом французской булки... Первая половина двадцатого века — это время, когда течение жизни невероятно ускорилося. Технический прогресс воплощало в жизнь мечты фантастов, вчерашние чудеса сегодня становились нормой, а завтра безнадежно устаревали. Белокрылые парусники были сменены чадящими пароходами, нелепые экипажи превратились в вереницы блестящих лаком автомобилей, а странные этажерки, на которых сумасшедшие пытались оторваться от земли и разбивались на потеху публике, вдруг обернулись черными птицами апокалипсиса и с воем обрушили бомбы на голову. Жить стало интересно и... страшно. Именно этот период, начало двадцатого века, определил пути развития земной цивилизации. А могло ли все сложиться по-другому?

Предисловие.

Первая половина двадцатого века — это время, когда течение жизни невероятно ускорилося. Технический прогресс воплощало в жизнь мечты фантастов, вчерашние чудеса сегодня становились нормой, а завтра безнадежно устаревали. Белокрылые парусники были сменены чадящими пароходами, нелепые экипажи превратились в вереницы блестящих лаком автомобилей, а странные этажерки, на которых сумасшедшие пытались оторваться от земли и разбивались на потеху публике, вдруг обернулись черными птицами апокалипсиса и с воем обрушили бомбы на голову. Жить стало интересно и... страшно. Сумасбродные теории, еще вчера казавшиеся феерическим бредом, сегодня стали для миллионов людей непреложной истиной. Эта истина, подтверждая слова одного из вчерашних мечтателей, грубой и зримой силой сметала незыблемое и создавала невозможное. Все бросились строить рай на земле. Кто-то, стоя по колено в грязи, но с горящими глазами возводил города и заводы. Кто-то натягивал на столбах колючую проволоку и тщательно размечал места под будущие вышки и бараки. Кто-то увлеченно печатал деньги. Все были уверены в правильности своего пути. Именно этот период, начало двадцатого века, определил пути развития земной цивилизации. Могло ли все сложиться по-другому? Был ли наш путь, тяжкий и кровавый, с тупиками и взлетами, предопределен законами развития, или правит бал Его Величество Случай? Кто знает, сколько людей — столько и мнений. Мне показалось, что могло быть и так, как описано в этой книге.

ВСЕ МОГЛО-БЫ БЫТЬ ИНАЧЕ...

История не знает сослагательного наклонения

ПРОЛОГ

1896 г. 18 мая.

Москва.

В комнате на первом этаже неказистого и слегка кривоватого домика царил полумрак.

Тускло горела лампадка у иконы. За столом сидели два человека. Лица скрывались в темноте, были слышны только голоса. Один голос, молодой и звонкий, звучал с пьяной истеричностью, прерываясь всхлипами. Второй, негромкий, но хорошо поставленный, произносил слова уверенно и с какой-то странной интонацией, как будто молитву читал.

— Как он мог! Как он мог так поступить! Это плевок в душу! В душу всему народу!

— Только мы, защитники народа, можем спасти его от кровавого тирана...

— Я соседку нашу видел, Анечку... она как живая... А сколько ещё народу на Ходынке подавило!

— Только смерть тирана может спасти народ...

В подвале этого дома тоже говорили два человека. У обоих голоса были взвинчены, они явно сильно нервничали.

— Сейчас Викентий его обработает, он уже почти готов...

— Тихо ты! Не маши руками, а то мы прямо отсюда на Луну отправимся, как у Жюль Верна. Что толку, что он готов! У меня ещё ничего не готово! К детонаторам я вообще даже не приступал...

— А разве нитроглицерину нужен детонатор?

— Ты хочешь дать ему нитроглицерин? Да если его просто уронить...

— Если уронит — значит судьба... а вот если донесет... Мы войдем в историю, а Николашка...хе-хе... отправится прямиком на Луну!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ГЛАВА 1

1901 г. Санкт-Петербург.

Маркиз Ито Хиробуми был в бешенстве. Конечно, внешне это никак не проявлялось, ведь негоже самураю терять лицо, но внутри все кипело. Как смели эти гайдзины, эти северные варвары открыто высказывать ему, а в его лице и всей Империи Восходящего Солнца свою спесь и презрение. Да, его Империя молода и пока не так сильна, как хотелось бы. Но это не значит, что она стерпит плевки в лицо.

Ито искренне желал разрешить имеющиеся противоречия к обоюдному согласию. Но русские не желали идти ни на какие уступки и хамили, хамили, хамили. Конечно дипломатический этикет и самурайская выдержка не позволили выплеснуться чувствам наружу, но всё это наводило на грустные мысли. Его миссия провалена. Японию толкают к войне с Россией, причем толкают как силы внутренние, так и внешние. И эта война, вот прямо сейчас, у него на глазах становится неизбежной. А война с огромной Северной Империей, несмотря на все заверения друзей с Острова, может завершиться крахом для его страны.

Приглушенно звякнул колокольчик и маркиз обернулся к двери кабинета. Слуга, неслышно войдя и поклонившись, протянул ему конверт из плотной бумаги без единой

пометки. Вскрыв конверт, Ито замер в недоумении.

— Прошу Вас, не ставя никого в известность, проследовать за подателем сего.

Николай.

P.S. Письмо сожгите, либо возьмите с собой.

Ито вопросительно посмотрел на слугу.

— Письмо принес офицер в форме жандармского корпуса. В серой форме.

Что это? Идиотская провокация? Но зачем? Переговоры и так сорваны, ему осталось только собрать вещи и уехать восвояси. И вдруг конфиденциальное приглашение от самого Императора.

Если не знаешь, что делать — делай шаг вперед! Ито быстро спустился в прихожую, где ждал посланец. Тот не говоря ни слова, протянул ему плащ с капюшоном и изобразил рукой нечто, видимо означающее "следуйте за мной".

— Что за детские игры! — Возмутился Ито про себя, но за жандармом проследовал.

Трясаясь в закрытой карете и ругая себя за несоответствующую его статусу авантюру, маркиз вспоминал, что он знает про "серых" жандармов. Особый Отдел Охраны ЕИВ Третьей канцелярии появился в 96 году после покушения на Николая, в котором погибли его жена, брат, сестра и её муж. Тогда было объявлено, что раз обычная охрана не способна защитить от террористов, то будет создана специальная. Однако вскоре по России поползли слухи один другого страшнее. Будто в "серые" берут сплошь убийц без чести и совести, что клянутся они царю на крови невинных младенцев, что любому из них человека прихлопнуть, что муху, а кого убьют — им за это ничего не будет. Почву для слухов давали и участвовавшие случаи пропажи весьма высокопоставленных чиновников. Был и нету, как сгинул.

Пока Ито предавался размышлениям, кляня себя за легкомыслие, недолгое путешествие закончилось во внутреннем дворе какого-то особняка. Пройдя по узким, полутемным коридорам и миновав несколько постов охраны, провожатый распахнул перед маркизом дверь и пропустил вперед.

— Здравствуйте, господин премьер-министр — услышал он на безупречном английском — Прошу простить за столь экстравагантное приглашение, но это было обусловлено полной конфиденциальностью наших переговоров.

Навстречу маркизу из-за большого письменного стола поднялся молодой человек в офицерском мундире без погон, в котором с трудом можно было узнать Императора Белая, Малая и прочая.

— Прошу Вас. Кофе? Коньяк?

Когда за вестовым в том же сером мундире закрылась дверь, Ито, подбирая максимально вежливые формулировки, спросил у Николая:

— Ваше Императорское Величество, мною неоднократно подавались прошения об аудиенции, но...

— Вас каждый раз посылали.

— Куда?

— В английском языке нет соответствующих терминов.

— Понятно, Ваше Величество (хотя ничего не понятно) но что же изменилось?

— Ничего, просто те люди, с которыми Вы вели переговоры, не представляют интересы России. Они представляют интересы свои, своих хозяев, различных групп и даже зарубежных

держав, но никак не Российские.

— И господин премьер министр?

— И он тоже. Господин Витте давно путает свои интересы и государственные.

Мозаика в голове Ито наконец то сложилась. Все как у нас — старые кланы давно поделили пирог власти, молодому императору ничего не досталось, и он пытается их подвинуть. Вот откуда весь этот опереточный антураж.

— Ваше Величество. Вы предлагаете...

— Я предлагаю Вам...ЗАГОВОР!

Ито подпрыгнул. Сказалось напряжение последних дней и нервотрепка от всего этого маскарада. Мысли закружились в бешеном хороводе.

— Русский Император сошел с ума! Понятно, почему его к власти не пускают. Он же такого наворотит...

Но, увидев смеющиеся глаза Николая, Ито разозлился.

— Ах ты, щенок — подумал он — Я же тебя вдвое старше, а ты фиглярствуешь.

— Прошу Вас, не сердитесь — сказал Николай и прошел в центр кабинета, где на большом столе для совещаний лежала крупномасштабная карта Дальнего Востока.

— Идите сюда, я постараюсь Вам все объяснить.

В этот момент он показался старому дипломату студентом на экзамене, который знает урок, но всё равно волнуется. А может так оно и было, и он стал одним из тех, кто вблизи видит, как держит свой бесконечный экзамен Император Всея Руси.

— Мы с Вами принадлежим не только к разным народам, но и к разным культурам. Различия между нами не позволят возникнуть доверию и дружбе, мы слишком отличаемся друг от друга.

Наличие же общих интересов, напротив, позволяет нашим странам, действуя совместно, добиться большего, чем поодиночке. Наш общий враг- это Китай.

— Китай!/? — маркиз, казалось, выплюнул это слово, выражая своё презрение. — Но это же смешно!

— Не торопитесь смеяться. Население Поднебесной составляет 400 миллионов человек уже долгое время. Просто китайская территория не может прокормить большего. Однако последние достижения агротехники позволяют добиться от земли вдвое, а то и втрое большей урожайности. И рано или поздно эти достижения доберутся до Китая. Вам хочется иметь рядом врага с населением миллиард человек?

— И что Ваше Величество предлагает для борьбы с "китайской угрозой"? — улыбнулся Ито.

— Смотрите — карандаш в руке Императора обвел название Урумчи. Это Уйгурия. Они имеют отличный от ханьцев язык, другую веру, и весьма их не любят. Двух казачьих полков хватит, чтобы защитить королевство Уйгурия, или республику Уйгуристан от китайской армии, и заодно гарантирует лояльность к России их президента... или хана, неважно. Далее. Это Внешняя Монголия. Земли пустынные и малонаселенные. Тут для образования и сохранения "Великой Монголии" хватит пары батальонов. Далее — Северная Маньчжурия, или Желтороссия.

Здесь благодаря восстанию "боксеров" и мм...неразумности императрицы Цыси у России есть прекрасная возможность для аннексии. Южная Маньчжурия — тут хорошо будет смотреться "независимое" государство, вассальное Японии. Корея. Если она станет частью Японской Империи — значит так им на роду написано. Ляодун. Ключ к Желтому

морю. В аренду на 99 лет, или 999... Японии, конечно. На юге Поднебесной так же проживают народы, отличные от центральных провинций. И там вполне возможно образование двух или трёх государств, подконтрольных вам.

Ито Хиробуми был в шоке от того, как лихо молодой Романов кроит карту соседней страны. Но вот то, что он отдавал Японии, превосходило самые смелые ожидания.

— Ваше Величество, но наши предложения...

— Я в курсе ваших предложений — перебил Николай. — Вы предлагали нам то, что и так было у нас в руках, и при этом требовали уступок. А оскорбительная форма ответа следствие того, что очень многим нужна война между нашими странами.

— Но ваши лесные концессии в Корее...

— Обычная афера. Прикрываясь словесами об экспансии России на Восток, высокопоставленные воры просто набивали свой карман. В России что, леса мало? Да у нас его столько, что всю Корею можно в три слоя бревнами завалить. А с аферистами уже разбираются... те, кому по службе положено. Мы не можем ставить благополучие отдельных подданных выше благополучия страны. А прежде чем откусить кусок, стоит подумать, как его проглотить.

— И что Вы потребуете за это?

— За Корею — ничего. Мы просто не заметим вашей экспансии на полуостров. А вот за Ляодун мы хотим Курилы.

— Что, опять? — Ито чуть не открыл рот от удивления. — Вы их уже забирали, потом отдавали. Зачем они вам? Бесплодные острова без населения.

— Чтобы не ходить на Камчатку через чужие проливы.

— Но это ещё не все. За последние годы мы немало вложили и в сам Артур, и в ЮМЖД и в порт Дальний. И вот за всё это мы хотим денег, и много.

— Ваше Величество, финансы Японии...

— Я в курсе маркиз. Но ведь из Петербурга Вы направляетесь в Лондон?

Ито внутренне похолодел. Откуда утечка? О планах его поездки знал ограниченный круг людей. Получается, среди них есть предатель?

— Почему Вы так думаете?

— Очень просто. В случае провала переговоров война неизбежна. А на случай войны неплохо иметь союзника. Наиболее же близкие отношения у Японии именно с Великобританией.

— Но теперь переговоры...

— Провалились с оглушительным треском. Вы едете в Англию, с высокой вероятностью заключаете с ней военный союз, получаете новые кредиты и только потом начинаете новые переговоры с Россией, но уже с более сильных позиций. И Россия на этих переговорах терпит сокрушительное дипломатическое поражение.

— Вы так спокойно говорите об уроне престижа Вашей страны.

— Да, поскольку это позволит нам закрепиться в Желтороссии. Это будет выглядеть как подачка слабому и не вызовет противодействия великих держав.

— А как мы будем решать финансовые проблемы?

— Деньги, как таковые, нас мало интересуют, тем более, что кредиты в Англии и САСШ вам дадут на закупки военных и промышленных товаров. Например, в Филадельфии есть такой заводчик Крамп. Он похвалялся построить во Владивостоке хороший судоремонтный завод.

Вот пусть и строит, а вы оплатите. Кстати и вам выгоднее покупать на эти кредиты станки, а не корабли. Корабли нужны к войне, а раз война откладывается, то придется этим кораблям стоять в порту. А к следующей войне они безнадежно устареют.

— Но Россия сама сейчас строит корабли.

— Скажу Вам по секрету — улыбнулся Николай — Мы сильно сократили корабельную программу. Точнее перераспределили. Кораблей строим меньше, а заводов больше.

На самом деле Судостроительная Программа была отменена вовсе не из желания сделать японцам приятно. Так же не соответствовало действительности официальное заявление о нехватке средств в казне. Просто Николай считал, что вливать деньги в бездонную бочку нет смысла, им можно найти куда более толковое применение. Броненосцы, которые устареют не успев сойти на воду, а при наших темпах постройки это случится обязательно, сейчас нам особо и не нужны. Вот если бы на носу была война, тогда да, нужно спешно строить корабли. Если же войны удастся избежать дипломатическими средствами, то обойдемся без них. Лучше на эти деньги верфи модернизируем. А чтобы не было простоя, станем делать то, что способно принести прибыль, например торговые суда или ледоколы. Для военных нужд будем строить всякую мелочь. Прожектов существует множество, какой из них реален, а какой является фантазией может показать только эксперимент. Вот и поэкспериментируем, на малых судах это не будет столь затратно.

— Ваше Величество, а как мы будем осуществлять... — Ито замялся и взглядом показал на карту — Планы по разделу Китая?

— Мы — никак. Китайцы сами справятся. Власть Цыси очень непрочна. И она сама делает всё, чтобы её потерять. А наместники провинций, генералы, да и просто энергичные люди в Китае с удовольствием потянут одеяло на себя. И будут тянуть, пока оно не порвется. Если же нужному генералу подарить саквояж с золотом и при этом пообещать в десять раз больше — он ваш всей душой. А если его войску прислать старых винтовок — он станет одерживать победы. А уж ежели подарить ему пару вагонов консервов, то окружающие признают его гением и благодетелем. Для управления этим процессом достаточно десятка наших...или ваших специалистов. А вот когда в нужной нам области установится нужный нам режим, то можно и войска туда послать. В ограниченном количестве, исключительно с целью поддержания законности.

— А как, по Вашему мнению, на это отреагируют великие державы?

— Они будут делать то же, что и мы, только с запозданием. Кто поглупее — те пошлют в Китай солдат. А вот кто поумнее, как англичане, те пошлют ушлых молодцев с саквояжами денег и револьвером в кармане. Так что нашим "специалистам" предстоит много работы.

— Вы предлагаете объединить усилия против англичан?

— Ни в коем случае. Просто мы с Вами разграничиваем сферы интересов. Если вы договоритесь с ними о том же — это ваше дело.

— Ваше Величество, я непременно доведу до своего Императора Ваши предложения и надеюсь, он прислушается к моему мнению. — Ито встал и отвесил церемониальный поклон.

— Я тоже на это надеюсь — Николай поклонился в ответ.

— И вот — он протянул визитку, на которой был лишь адрес и улыбнулся — Если будет что-то срочное — телеграфируйте на любое имя. Мы же с Вами в заговоре.

Возвращаясь в посольство, старый дипломат анализировал прошедший разговор. Ведь Николай, сам того не зная, озвучил планы, которые только вызревали в Японии. При этом Русский Император хотел для себя того, что для Японии не представляло никакой ценности. Экспансия на Север японцами даже не рассматривалась — холодно там! При всей нехватке земли, что существовала в Империи Восходящего Солнца, остров Хоккайдо оставался малонаселенным именно по этой причине. Японии надо было закрепиться в Корее и получить доступ в Китай. Ранее все попытки Страны Восходящего Солнца оторвать кусок от одряхлевшей Поднебесной Империи наткнулись на организованное сопротивление европейцев. И во главе этого сопротивления неизменно стояла Россия, раз за разом заставляя Японию отступить. Теперь же невмешательство северного соседа развязывало руки для осуществления самых дерзких планов по ограблению Китая. Остаются американцы и британцы. Американцев, скорее всего, устоит какая-нибудь торговая преференция, а вот с англичанами придется делиться. Но ведь и британцы заинтересованы в Японии! Они рассчитывают, что мы будем противостоять России, сдерживая её экспансию. Иначе, зачем Великобритания помогает нам строить флот, оснащает армию? С учетом же прошедшего разговора.... Это не союз и не договор. Союзник всегда может предать, любой договор будет пустой бумажкой, если противоречит интересам одной из сторон. А вот понимание соседом, что ему нужно то, что не нужно тебе, дорогого стоит. Формально находясь в конфронтации, Россия и Япония станут действовать совместно лучше любых союзников.

Маркиз Ито не любил русских. Как настоящему самураю, ему было бы намного приятнее разговаривать с трусливыми гайдзинами при помощи меча. Но холодный разум политика подсказывал, что война с северным соседом, что назревала на Дальнем Востоке, как гнойный нарыв, чревата неожиданностями. Разрешение проблем с Россией дипломатическими средствами, напротив, открывало его стране великолепные возможности.

Николай устало откинулся в кресле. Переговоры со старым японцем, от которых зависело так много, выжали его досуха, его лицо осунулось и уже совершенно не напоминало того восторженного недоросля, который расписывал заморскому гостю грядущее благолепие. Ему пришлось буквально ломать себя, наступать себе на горло, разговаривая с маркизом в таком тоне — деловом и подчеркнуто дружелюбном. Японцев он презирал, считал их "желтомордыми макаками", а после того случая, когда японский полицейский пнул его сапогом по задку, просто ненавидел. Подумаешь, на храм языческий помочился! Так нет, посмел, скотина, руки (в смысле ноги) распустить. На память у Николая остался маленький шрамик над бровью от столкновения со стеной описанного им храма и стойкая неприязнь к Японии и японцам. Нынешнее дипломатическое поражение любви к ним не прибавило. А это именно поражение, Россия вынуждена отступить под натиском молодого хищника, который высунул в цивилизованный мир свою мордочку и сразу принялся хватать то, что плохо лежит. Абсолютно никому не нужные острова, которые Империя получит от Японии, послужат только для того, чтобы подсластить пилюлю. Однако все это необходимо для того, чтобы не допустить войны. Николай нисколько не сомневался в том, что Российская Империя разобьет Японию в пух и прах. Просто не сопоставимы между собой эти государства по силе, как военной, так и экономической. Когда стало ясно, что японцы на запугивание не поддаются, и дело идет к войне, Николай озабочился вопросом: во что нам эта война встанет и что мы с неё получим. Генералы, озадаченные

Императором, быстро предоставили ему список своих нужд на грядущую кампанию. Этот список представлял собой толстенный том, в котором было скрупулезно перечислено все, потребное армии для победы над супостатом. Большой части этих пушек, снарядов, и так далее, вплоть до портянок, на данный момент просто не существовало. Огромное количество военного имущества надо было произвести, доставить на Дальний Восток, и там уже снабдить им несформированные ещё части. О цене данного мероприятия генералы скромно умолчали, а Николай уже имел представление о том, в какое количество полновесных золотых рублей обходится содержание одного солдата в Порт-Артуре. Адмиралы, на запрос о нуждах Флота для войны с Японией прислали не один, как армейцы, а три пухлых тома. Там перечислялись многочисленные броненосцы, крейсера и прочие канонерки, причем указывалось, что построить все это богатство Россия сама не сможет и надо закупить корабликов (и побольше, побольше!) за границей. О цене не было сказано ни слова, но и так было ясно, что денег уйдут горы. И что мы получим с Японии после победы? А получить с неё нечего, у них сейчас-то кроме долгов ничего нет, а уж после поражения и подавно не будет. Их даже контрибуцией не обложишь. Точнее обложить-то можно, но вот платить Япония сможет только после того, как рассчитается с имеющимися долгами. Господа Варбурги и Шиффы, вцепятся в японцев как клещи и не отпустят, пока не выдохнут досуха, нам и не останется ничего. Спрашивается, а зачем нам тогда воевать? Тратить несметные деньги, да и потери у нас, как ни крути будут, и все ради чего? Славы с такой победы точно не получишь, подумаешь — дикарей побили!

Он понял глаза и столкнулся взглядом с Аликс. Она улыбалась ему с портрета такая нежная, такая молодая.

Навсегда молодая. Император закрыл лицо руками и тоскливо, по-волчьи завыл. Перед его глазами снова встал тот день, который перечеркнул всю его жизнь. Они веселой, шумной кампанией вывалились из дверей дома французского посла, и, смеясь, пошли к экипажам. Он здорово перебрал на приеме, и его пошатывало. Тут он увидел, что у него развязался шнурок на ботинке. Отпустив руку жены, он присел, чтобы завязать его, но шнурок непослушно, как живой, вырывался из пальцев. Впереди раздались какие-то крики. Он поднял голову и увидел растрепанного мужичка, который бежал к ним. В руках у него был какой-то кувшин. Зачем кувшин? — Подумал он — мы ничего такого не заказывали. И тут мужичок упал, и наступила тьма.

Когда он очнулся, то перед глазами плавали цветные пятна, а вокруг раздавалось какое-то мышинное шебуршение, сквозь которое пробивались приглушенные обрывки разговоров... сильнейшая контузия... осколочные мягких тканей... быр-быр-быр по латыни...только отменное здоровье...с Божьей помощью. Николай облизнул пересохшие губы и прохрипел — Аликс — закашлялся и повторил — Где Аликс?

— Ваше Величество, Вам нельзя волноваться — раздался преувеличенно доброжелательный голос — Все будет хорошо, Вы поправитесь...

И вот тут он понял, что хорошо уже не будет. Никогда. Сначала он просто тихо плакал. Но постепенно, внутри него, стала появляться жуткая, черная ненависть. Они убили её. А вместе с ней они убили того, бывшего Николая, и сейчас в нем зарождался совсем другой человек.

У Николая было много времени, чтобы все как следует обдумать. Несомненно, всю компанию бомбистов быстро поймают и повесят. Но вот добраться до тех, кто дергал за ниточки, управляя безмозглыми исполнителями, у жандармов наверняка не получится. Слишком далеко они находятся, слишком высоко сидят. Да и не будет никаких прямых улик. А дотянуться до этих людей и вцепиться им в глотку ему хотелось больше всего на свете. Раньше вся его жизнь была посвящена Алисе. И даже смерть первенца, сразу после родов, не смогла омрачить будущее. Они ещё молоды и здоровы, у них ещё будут дети. Управление страной он воспринимал как постылую обязанность, от которой нельзя отказаться. Теперь же у него кроме этой страны, в которой он волей судьбы был Императором, ничего не осталось. До врагов, которые убили Аликс, простой человек Николай Романов не дотянется никогда в жизни. А вот Государь Всея Руси дотянуться сможет. И если его враги являются врагами России, то тем хуже для них.

Но вот для того, чтобы обрушить на врагов всю исполинскую мощь России, Николаю нужна власть. Не формальная, шумно- помпезная с молебнами за здоровье и прочей мишурой. Он и так уже Император, и прочая, и прочая... Ему нужна власть реальная. А вот этого у него было маловато. Многочисленные Великие Князья, толпы чиновников и генералов объединенные в группы по интересам, висели у него на руках и ногах тяжелой гирей. Один Двор Владимировичей чего стоит! Да и тапан со своей камарильей имеет влияние, как бы не большее, чем у Императора. Правда, как ему уже сообщили доброжелатели, после смерти детей Мария Федоровна здорово сдала и часто говорила то об отъезде на родину, в Данию, то вообще об уходе в монастырь. Раз нет власти, а она ему нужна, значит её надо каким-то образом получить. Способ, каким садились на трон многие из его предшественников ему не подходил. Не станет же он при помощи гвардейских полков свергать самого себя! Сюр какой-то! Поскольку грубый способ не годится, надо придумать более тонкий. Сумел же Иван Четвертый так придавить своих бояр, что они вздохнуть боялись! Решено, новой опричнине быть! Только без внешнего антуража, вроде волчьих голов.

Создать новую Службу Охраны ему, после такого громкого теракта, ни кто не запретит. И подозрений у всех тех, кто стоял у него на пути к реальной, а не иллюзорной власти это не вызовет. Подумают, что он просто боится, и от страха создает еще один забор вокруг собственной персоны. В службу эту он будет отбирать людей самолично. Поднимать из грязи в князи, одаривать неслыханными милостями и требовать за это безусловной личной преданности. Когда он создаст послушный только ему инструмент, можно будет потихоньку убирать одни персоны, и на их место ставить другие. И плевать на все законы! Он лично даст индульгенцию своим людям на любые преступления! На войне, как на войне!

Укрепив свое положение можно будет подумать и о реформах. Сейчас Российская Империя представляет из себя слишком рыхлое образование, да и внутренних проблем накопилось изрядно. В таком виде она для его целей совершенно не подходит, а значит вторым пунктом будет усиление и укрепление России. Для любых преобразований нужны в первую голову деньги. Формально, являясь главой дома Романовых, он мог распоряжаться огромными средствами. Эти деньги находились на зарубежных счетах и считались собственностью фамилии. Счета эти регулярно пополнялись, в основном за счет перекачки денег из Российской казны. Смешно, подумал Николай, получается, что я сам у себя ворую! Если сейчас запустить руку в кубышку, то быстро заработаешь апоплексический удар табакеркой, а вот если заранее прижать всех, чтобы пикнуть не смели, то доступ к этим средствам откроет перед ним новые возможности.

Но в одиночку все это не осилить, нужны союзники. Первым в голову пришел Великий Князь Николай Николаевич. Особым умом не блещет, но в откровенных подлостях тоже не замечен. К тому же популярен в армии, а это, учитывая склонность гвардии к Владимировичам, ценно. Можно будет сыграть на противостоянии армейских и гвардейских... Николай перебирал в уме имена и фамилии. Хоть и мало, но есть, есть люди, которых можно облечь доверием и получить в ответ верную службу.

Ох-ты Боже мой! Как он чуть не забыл самое главное! Ведь сейчас, после смерти стольких представителей Дома Романовых, он скрипнул зубами от боли, что резанула сердце, Наследницей Престола является Ольга! Они же в детстве прекрасно ладили! Правда после принятия Николаем решения о её замужестве, сестренка нешуточно на него обиделась, а разузнав побольше о женихе вообще затосковала и забилась под крылышко к татам. Ну-у, это мы легко исправим, брак с герцогом Ольденбургским, казавшийся выгодным в тот момент, сейчас уже таковым не является. Обойдется плешивый мужеложец без русской княжны!

Формальным Наследником-Цесаревичем в данный момент был Великий Князь Георгий Александрович, и только за ним в очереди на престол стояла младшая сестра. Но Георгий уже год, как не вставал с постели, все понимали, что его дни сочтены. Туберкулез, увы, но это приговор без обжалования. И вообще, при решении вопроса, кому править, а кому в сторонку отойти, значение имеет не то, что написано в пожелтевшем манускрипте, а та сила, что стоит за спиной. Николай вспомнил безобразный скандал, что учинила татам прямо у гроба отца. Она припомнила Николаю все его пьяные похождения и дурацкие выходки. Мария Федоровна настаивала на том, чтобы трон унаследовал Георгий. Не гоже править Россией тому, кто в голом виде с непотребными девками скачет, да ещё позволяет все это фотографировать и на весь свет распространять. С доводами Императрицы были согласны и большинство Великих Князей. Не видать бы Николаю трона, если бы не плохое здоровье Георгия.

Младшую сестру, после покушения, он впервые увидел, когда уже избавился от назойливой заботы врачей и начал потихоньку заниматься делами. Ольга вбежала в кабинет и бросилась ему на шею.

— Ники, ну как же так, за что? Аликс, Мишкин, Ксения, Сандро...

Николай долго утешал плачущую сестру, гладил по голове, шептал какие-то слова. Когда Ольга немного успокоилась, он усадил её в кресло, напоил водой. Ольга подняла взгляд на брата, и вдруг ахнула, прижав ладони к лицу.

— Ники, у тебя цвет глаз изменился! И виски совсем седые!

Николай криво улыбнулся — Поседеешь тут!

— Оля, нам надо серьезно поговорить. Ты можешь сейчас меня выслушать?

— Да, конечно — Ольга вытерла платком слезы и совсем по-детски шмыгнула носом. У Императора защемило сердце. Бедная девочка, тебе и так в жизни досталось, а я еще добавлю.

Николай открыл инкрустированный деревянный ларец, стоявший на столе и достал из него старинный пергамент.

— Прочти.

Ольга читала текст и не могла понять, о чем речь... мужска полу... женска полу..

— Что это?

- Это указ Павла о престолонаследии. Ты теперь Наследница.
- Но я...
- Оленька, мы с тобой вдвоем остались, нам этот крест нести.

ГЛАВА 2

1902 г.

Санкт-Петербург.

Выписки из стенограммы заседания Госсовета от 23.03.1902.

Присутствовали: Е.И.В. Николай, в.к. Николай Николаевич, ген. от инфантерии Куропаткин А.Н., адмирал Тыртов П.П., контр-адмирал Макаров С.О. и др.

...Поскольку финансирование крепостного строительства полностью прекращено...

— А почему полностью? Было же сказано — работы близкие к завершению довести до конца!

— Ники, я продолжаю настаивать, что отказ от строительства крепостей пагубно повлияет на оборону Империи.

— Дядя, ну сколько можно! Ведь ты сам прекрасно знаешь, что время крепостей кончилось, когда появились пушки. Значение могут иметь лишь крепости приморские, в силу географии их нельзя обойти и враг вынужден проплывать мимо их орудий.

— Ага, и поэтому ты передал их флоту.

— Так им по кораблям стрелять. Моряки этому лучше обучены. Кстати, Степан Осипович, чем порадуете?

— Ваше Императорское...

— Степан Осипович, на заседаниях Госсовета титулование отставить.

— Слушаюсь! Ва... простите. Государь, после реформирования учебного отряда прошло полгода. Штат почти полностью заполнен, программа обучения составлена и начала выполняться. Стреляем ежедневно.

— Вы так за месяц все стволы расстреляете. Нападет супостат, а у кораблей пушки негодные.

— При нападении врага, команде этих кораблей только молиться остается. Хоть с целыми стволами хоть нет. Пушки старых кораблей, со стволом в тридцать калибров, для боя уже малопригодны. А так польза будет и немалая. Мы же не рекрутов неграмотных учим "сено солома", мы кондукторов и младших офицеров, которым служить ещё много лет предстоит, премудростям артиллерийским обучаем. Вы же артиллерист Павел Петрович, должны понимать, что пока на учениях семь потов не прольешь, толку от стрельбы не будет. А чтобы стволы подольше прослужили, уменьшенный заряд используем. Да на складах эти стволы ещё есть в запасе.

— Вы их на старых системах учите, а как придут на корабли, где новые пушки стоят заново переучивать придется.

— Не придется. Пушки у нас старые, а вот прицелы и системы управления огнем — новейшие. На кораблях первой линии ещё не на всех такие.

— И как успехи?

— Пока скромно. Но то, что теперь унтерам офицерские погоны светят, усердия в учебе

им прибавило. И вообще, изменение принципа комплектования флота оздоровило атмосферу на кораблях. Мордобоя стало меньше. А то заехал матросу в рыло, а он возьми да и выбейся в адмиралы.

— Ну Вы и фантазер Степан Осипович. Где ж это видано...

— Павел Петрович, сказал ведь Петр Первый: "Небывалое — бывает". Будущее покажет.

Большая Российская Энциклопедия СПб 2012г

...Учебный Артиллерийский отряд просуществовал до 1914 г. Был преобразован в Морскую Артиллерийскую школу(см) и Морскую Артиллерийскую академию(см) В нем обучались:

полный адмирал — 1

адмиралов — 4

капитанов 1 и 2 ранга — 38...

...Морская Артиллерийская Школа (МАШ) существует с 1914 г...

...Из-за невысокого социального происхождения большинства учащихся, они получили на флоте обидное прозвище "Машки". Несогласие с таким названием выпускники школы выражали меткой стрельбой по врагу, а так же мануально.

Выписки из стенограммы заседания Госсовета от 25.03.1902.

Присутствовали: ЕИВ Николай, министр финансов Коковцев В.Н. адмирал Тыртов П.П вице-адмирал Авелан Ф.К. контр адмирал Макаров С.О. и др.

...Владимир Николаевич, а почему в проекте бюджета Вы вот эти статьи урезали? Степан Осипович обидится.

— Николай Александрович! Я понимаю, что нужно выделять средства на морские эксперименты. Но не впустую же! Эти турбинные миноносцы серии "Ураган" делают нас посмешищем в глазах всего цивилизованного мира! Что ни выход в море так обязательно авария или какая другая неприятность. И как на грех обязательно на глазах иностранных газетчиков! Во всех зарубежных газетах карикатуры печатают, и, простите, на Вас в связи с этим.

— Степан Осипович, а что Вы скажете?

— Турбинные миноносцы германской постройки отличаются надежностью и превосходят обычные в скорости. А в бою любой моряк за пару лишних узлов душу заложит.

Будущее, несомненно, за турбинным двигателем. А многочисленные аварии оттого, что котлы и турбины нашей постройки пока несовершенны. Да и машинисты еще с этой механикой не освоились. И эти четыре корабля специально построены, чтобы на ошибках учиться.

— Дороговато ваше учение выходит.

— Дешевле, чем потом, на боевых кораблях, всю их службу с "больными" машинами мучиться.

— А люди? Вот в отчете: Взрыв котла, семеро погибло...

— Это служба морская, а не хоровое пение! Их в бою вражескими снарядами будет на куски рвать, и если они к этому не готовы, нечего на флоте делать!

— Спокойнее Степан Осипович!

— Виноват, не сдержался.

— Семьям пенсию выписали?

— Так точно, хотя двое сиротами были...

— А газетки эти с карикатурами будьте добры, моему адъютанту отдайте. Мы на досуге посмеёмся, если смешные....если не смешные тоже посмеёмся, но позже, над рисовальщиками.

— Так, по "Ураганам" — понятно, по ледоколам понятно, по порту тоже...Кстати, а кто предложил порт и город Николаевым-на-Мурмане назвать?

— Ваши подданные, в едином порыве...

— Вот если я Вас, Владимир Николаевич, пошлю в Николаев, Вы куда поедете? На Юг на Север или на Дальний Восток? Как местные жители город называют?

— Ээ...Мурман или Мурманск.

— Вот пусть и будет Мурманск.

В этом особняке не светилося ни одно окошко. Да и как им светиться, если все окна фальшивые и изнутри заложены кирпичом? Все настоящие окна выходили во внутренний двор и вот в них свет часто горел за полночь. В кабинете за столом заваленном бумагами два человека решали вопросы жизни и смерти. Жизни и смерти чужой, а заодно и своей, потому что проигрыш для них означал смерть.

...Так, взятки, взятки, просто хищения, опять взятки...Все ясно — имения в казну, фигуранта...сами знаете куда.

— Государь, а почему его под суд нельзя? Здесь же воровства на триста лет каторги? — Начальник Особого Отделения Сергей Васильевич Зубатов был сторонником более мягких способов борьбы с преступниками. Он считал, что убеждение принесет больше пользы, чем принуждение, и резкость молодого Императора его несколько напрягала.

— Потому что судить его будут такие же как он. И думать будут: "Вот мы его сейчас осудим, а там глядишь, и за нас возьмутся" И найдутся смягчающие обстоятельства, это — не доказано, то навет злостный. В результате вор и взяточник вместо Сахалина поедет в Ниццу, нервы потрепанные лечить. Вот когда вобьем в головы накрепко, что красть — грешно, а у государства ещё и смертельно опасно, вот тогда и можно будет таких как он на суд выставить и под рукоплескание общественности на рудники ссылать. Я знаю Ваше стремление действовать убеждением. Но этого убеждать поздно. Он ваши слова за слабость посчитает и в душе над Вами насмехаться будет.

— Николай Александрович, с казнокрадами все понятно: там в голове кроме жадности нет ничего. А с революционерами как быть? Ведь умные и образованные люди попадают. Просто напридумывали себе химер и воюют с ветряными мельницами. Химеры придуманные, а вред настоящий. Если не окоротить их — напакостят. А головы умные под топор — жалко. Они же много пользы России принести могут. Вот недавно одного поймали — банки грабил, при этом сам нищий, все деньги на свою революцию передавал. И ведь умный — поймать мы его поймали, а ни доказательств, ни свидетелей нет. Пришлось выдумывать хоть что-то и в ссылку. А ведь если бы доказали, ему по новому уложению петля грозила. Я велел вернуть с этапа. Может смогу переубедить, ведь не ради корысти он закон преступал.

— Ох, смотрите, Сергей Васильевич, не заиграйтесь.

— Государь, каждый казненный или арестованный революционер — им в минус, а перешедший на нашу сторону — ещё и нам в плюс.

— Поступайте, как посчитаете нужным. Все полномочия для этого у Вас есть

— Благодарю за доверие, Ваше Величество!

На заседание Госсовета Великий Князь Николай Николаевич опоздал. Он ввалился в зал заседаний большой, шумный, пропахший порохом и очень довольный.

— Здравствуй Ники, здравствуйте господа, хочу вас обрадовать и немного повеселить.

Ник-Ник вальяжно развалился в кресле, будто был не на заседании высшего органа Империи, а в полковом собрании города Урюпинска.

— Во первых — контракт с датчанами подписан на наших условиях — он победно оглядел собравшихся — Бедные даны по всему миру мыкались со своим механизмом, никому не нужным, а тут мы, благодетели. — Великий Князь хохотнул.

— За умеренную сумму они продали нам все патенты и согласны строить завод. Ники, документы уже у тебя в канцелярии. Площадка под Владимиром, как договаривались.

— Ваше Высочество, а так ли уж нужен этот "пулемет"? — спросил кто-то.

Ник-Ник хмыкнул и, открыв папку с отчетом, стал зачитывать отдельные фразы.

...Полуэскадрон за три минуты обратил в бегство банду хунхузов. На поле боя найдено убитых -56, раненых — 72...

...сотня в обороне отбила атаку нескольких сот бандитов. Убитых не считали, так как их было слишком много...

...зайдя во фланг, открыли огонь из ружей Мадсена. Противник уничтожен.

...после чего взял пулемет раненого товарища и гнал банду до границы.

— Мои кавалеристы просто в восторге. Хунхузы тоже. Ха-ха. Естественно этот отчет никто датчанам не показывал.

— А как с Максимом?

— Ники и смех и грех. Сначала цену заломил — просто непомерную, да еще хотел за каждый выпущенный у нас пулемет три тыщи золотом. И тут подходит к нему жандарм, из твоих, из серых, и показывает толстую книгу. Говорит "Вы знаете что это? — Нет — Это Уложение о наказаниях в редакции 1901 г. Шпионаж по нему карается... мм...вплоть до повешенья. — Какой шпионаж?? — Ну Вы же собираетесь считать сколько пулеметов выпустит Россия. А это сами прочитайте — ...сбор сведений военного характера...мм... вплоть до повешенья. А Максима этого Хайрама, наверно ещё в Англии застращали, что в России иностранцев медведями травят. Вот он в лице переменялся и всё быстро подписал.

— Дядя, а он когда в Англию вернется, не откажется?

— Куда ему деваться, он в долгах как в шелках, а тут ещё с нами судиться. Кишка тонка!

1902 г.

Манчжурия.

Прапорщик Алексей Золотарев пребывал в унынии. Вообще-то он не был склонен к холерической смене настроений. Просто калейдоскоп последних событий в его жизни изрядно его смутил. Он заканчивал обучение в Императорском Техническом Училище, и плавно переходя из статуса студента в статус инженера, думал о строительстве карьеры на крупном казенном предприятии, когда один из знакомых непрозрачно намекнул, что он находится на крючке у охраны и будет арестован в ближайшие дни. На изумленный вопрос Золотарева "Зачто?" Был дан пространный ответ о провокаторах и зубатовских агентах. На

самом деле посещение революционных кружков было скорее данью моде, нельзя быть студентом и не быть бунтарем. Но, будучи человеком с "техническим" складом ума, Алексей часто ловил агитаторов на отсутствии логики, и поэтому его было желательно из этой среды убрать. А то вдруг студенты не будут товарища Баумана слушать, а будут неудобные вопросы задавать. Знакомый посоветовал Алексею скрыться или хотя бы просто уехать подальше. Куда ехать? Как? Молодой человек просто не представлял. Все решилось на занятиях математического кружка. Преподаватель, отставник с правом ношения формы, любил порассуждать о прелестях военной службы. Он постоянно противопоставлял упорядоченную армейскую жизнь студенческой безалаберности. Услышав от Алексея невразумительные пожелания, где-то послужить и куда-то уехать он удивился, но, как и положено офицеру, действовал быстро и решительно. Для военных же такой кадр, как Золотарев, был весьма ценен. Поди-ка, замани инженера в армию! Воспользовавшись тем, что на данный момент Россия формально находилась в состоянии войны с Китаем, ему присвоили звание прапорщика. И не успел Алексей понять что к чему, как оказался с новенькими погонами на плечах в поезде следующем на Дальний Восток.

Прибыв в Харбин, Золотарев с удивлением обнаружил, что в штабе до него никому нет дела. Его долго направляли из кабинета в кабинет, потом пожилой штабс-капитан взял его бумаги, пробормотал под нос "Прэлестно, прэлестно " и, выписав ему предписание на батарею капитана Жуковского, выпроводил за дверь. Никто не знал, что за капитан Жуковский и где расположена оная батарея. Спас Алексея какой-то поручик, который быстро и четко разъяснил ему, что на батарею завтра с утра поедет бричка с припасом, переночевать можно на вот этом диване, а сама батарея суть подразделение опытовое, для испытаний некоей новомодной штуkenции. На вопрос "Какой? " поручик порылся в планшетке и протянул Алексею мятую страницу из журнала на английском языке. С грехом пополам, переведя текст с мутными иллюстрациями, Золотарев понял, что автор статьи пулемет Максима несомненно видел, но устройства не знает и принцип работы понимает смутно.

Его прибытию на батарею её командир явно обрадовался и с возгласом " Вот как удачно Вы приехали" суматошно заметался по расположению. Оказалось, что у одного из пулеметов развалился станок. А поскольку без станка пулемет использовать нельзя, то надлежит ему, прапорщику Золотареву оный пулемет сдать в штаб. То есть пол дня трястись в бричке, возвращаясь туда, откуда он ранним утром выехал.

Солнце припекало, клонило в сон, но сидеть было очень неудобно. Кроме пулемета в бричку погрузили прилагаемые к нему коробки с лентами. После того как пулемет на очередной кочке больно стукнул его по ноге, Алексей крикнул ездовому "Останови-ка братец". Совместно с пожилым возницей они долго перекладывали тяжеленную бандуру и так и этак, чтобы можно было нормально ехать. Наконец инженерное образование прапорщика вместе с крестьянской сметкой рядового дало результат. Пулемет расположили на сиденье стволom назад, коробки слева, Алексей сел справа и, вытянув ноги, облокотился на кожух. "Поехали" сказал он и чуть не выпал из брички, так как пулемет опрокинулся назад, злорадно булькнув при этом. Вредную железку примотали к спинке сиденья найденной у запасливого ездового проволокой. Наконец-то можно было расслабиться.

Мерное покачивание совсем было сморило Золотарева, когда раздался истошный крик

"Вашбродь, хунхузы!" Оглянувшись, он увидел полтора десятка людей в халатах, которые верхом на низеньких лошадках их догоняли. "Вот незадача, а я, дурак, револьвер в саквояже оставил" подумал он. И тут он вдруг ясно вспомнил статью в английском журнале "Вставить ленту в приемник с правой стороны. Дважды потянуть рычаг на себя. Поднять вверх предохранитель. Нажать большим пальцем на гашетку"... Прodelав трясущимися руками все эти манипуляции, Алексей поднял глаза и увидел хунхузов совсем близко. Лица их были перекошены в крике, халаты развевались, он чуть не задохнулся от ужаса и тут пулемет в его руках вдруг застрекотал, как огромная швейная машинка, лента рывками заползала справа и уже пустая выплескивалась слева. Бронзовые ручки сильно толкались ему в ладони, а впереди все смешалось в какую-то кучу-малу и затянулось пылью. Когда пустая лента выпала из пулемета, его руки сами схватили короб и снова зарядили пулемет, совершенно без участия мозга. Вторую ленту он выпустил в пыльное облако, которое образовалось на месте всадников. Больше коробок не было и он замер, не зная что делать. Из пыльного облака никто не появился, потом его снесло ветром в сторону, и Алексей увидел на дороге какую-то неопрятную гору тряпья. Бричка подпрыгивая удалялась от неё. Потом она замедлилась и остановилась. Алексей почувствовал, что кто-то трясет его за плечо.

— Вашбродь, как это Вы их, а?

— Не знаю — сказал Алексей и его начало сильно знобить.

— Выпить Вам надоть, вот у меня есть. Оно завсегда помогает!

Алексей совершенно бездумно приложился к фляжке, не чувствуя вкуса.

— Вы пейте, пейте, у меня еще есть...

Пикет на въезде в Харбин был поражен до глубины души зрелищем брички, в которой на облучке сидели в дымину пьяные молодой офицерик и пожилой солдат. Обнявшись, они горланили странную песню:

Посмотри на карте
Там где зреет в марте
Там где зреет в марте
Первый апельсин
Там из под маслины
Смотрит на долины
Смотрит на долины
Пулемет Максим!

Разудалая песня моментально стала популярной в Желтороссии и неофициально считалась гимном пулеметчиков. Бричка Золотарева или официально "Станок Золотарева обр.1902 г." была принята на вооружение Российской Армии.

1902 г.

Санкт Петербург.

— Проходите, молодой человек, располагайтесь поудобнее и внимательно слушайте. Ваше дело принято к особому производству и вести его буду я, Зубатов Сергей Васильевич.

— За что мне такая честь?

— За Вашу умную голову. Вы совершили множество преступлений, практически не оставив следов. Наши следователи не смогли собрать достаточных доказательств вашей вины.

— И теперь Вы постараетесь это сделать?

— Нет, я постараюсь Вас переубедить.

— Вы собираетесь сделать из меня агента и провокатора? Какая глупость!

— Нет, агентов и провокаторов у нас в достатке. Если вам будет это интересно, то позже я ознакомлю Вас с их списком. Поверьте — он длинный.

— Что же тогда Вам нужно?

— Нам нужно что бы Вы все свои силы, всю свою энергию направили не на разрушение, а на созидание, что бы Вы не ломали, а строили. Вам понятно, чего мы хотим?

— Мне понятно, что Вы сошли с ума.

— Вы своими словами ещё раз доказали, что живете в воображаемом мире, где реальность не искажена даже, а перевернута с ног на голову. Судите сами: Вашу самую радикальную теорию социального равенства придумал фабрикант, сын фабриканта из семьи фабрикантов. Одной рукой он писал, как уничтожить эксплуатацию, а другой продолжал эксплуатировать своих рабочих. Вашу "естественную" теорию происхождения человека пишет богослов, то есть профессиональный переливатель из пустого в порожнее. И так ловко пишет, что, не имея ни одного доказательства убеждает всех, что его теория верна. Вы все видите наоборот. И естественное желание созидать, а не разрушать воспринимаете как душевную болезнь. Хотя чему удивляться, если даже в детской книжке, как образец чести и благородства, вам описывают похождения изменников и подонков, по которым веревка плачет.

— Что за книжка?

— Три мушкетера.

— Дюма-то чем вам не угодил? Он самодержавие свергать не предлагал.

— Я прикажу Вам в камеру принести книжки. Вы их прочитайте ещё раз внимательно, с карандашиком в руках. И начните именно с "Трех мушкетеров". И читайте не как приключенческий роман, а как перечень неких фактов. А уж потом сами делайте вывод.

Выписки из стенограммы заседания Госсовета от 04.04.1902.

Присутствовали: ЕИВ Николай, министр путей сообщения князь Хилков, министр финансов Коковцев, младший флагман Балтийского флота контр-адмирал Макаров. И др.

...Полностью завершить строительства восточного участка в 1903 году и таким образом замкнуть Транссиб с учетом Байкальской паромной переправы.

— А Кругобайкальская дорога?

— По планам еще не менее трех лет.

— Что сдерживает?

— Сдерживает, прежде всего, пропускная способность уже построенных участков. А чтобы их расширить нам опять же не хватает поставляемых материалов. Замкнутый круг.

— Владимир Николаевич, мы можем выделить дополнительное финансирование?

— Можем, резервы есть. Мы не можем быстро доставить в Сибирь тысячи тонн грузов.

— Степан Осипович, "Ермак" сможет провести большой караван судов на Енисей?

— Несомненно, Государь! Я сам возглавлю экспедицию и уверен в успехе.

— Вы господин контр-адмирал будете сидеть в штабе, в Санкт Петербурге и руководить. А мерзнуть на мостике найдете кого помоложе!

— Если моряк не выходит в море...

— Вы чуть ли не ежедневно в море выходите. Вот чухонцы жалуются, что от вашей

непрерывной пальбы коровы не доятся и дети заикаются. В Гельсингфорсе у населения нервные припадки случаются от грохота орудий.

— Князь, если в этом году Вы получите большой караван со всем необходимым, когда ждать завершения работ?

— В следующем году пустим первый поезд вокруг Байкала, а полностью дорога войдет в строй в 1904 году.

— Отлично и сразу начинайте расширять дорогу согласно плана второй очереди. Поток грузов на Дальний Восток будет только нарастать.

— Степан Осипович, а как поживают ваши опыты на Ладожском озере?

— Николай Александрович, опытовая станция работает с полным напряжением сил. Если коротко, то топим, поднимаем, латаем и снова топим разными способами.

— В мае будет заседание Госсовета по флоту. Результаты ваших опытов должны быть не только собраны, но и обдуманы.

— Слушаюсь!

ГЛАВА 3

Март. 1903 г.

Санкт Петербург

Матвей стоял возле столба и с большим трудом складывал буквы в слова. "Мы Николай Второй...Свобода совести...Выборы в земство...Отмена недоимок..." Насчет недоимок понятно, это хорошо, насчет выборов — тоже, будут мужики друг друга за бороды таскать и кулаками махать. А вот насчет совести — непонятно. Она либо есть у человека, либо нет её, а свободу вроде ещё позапрошлый Ампирадор объявлял. Короче, мудрят बारे от излишней своей учености, а крестьянину потом все шишки достанутся. В городе Матвей был уже третий день. Две ночи он провел в ночлежке. В первую ночь у него стащили все деньги. Во вторую пытались спереть валенки, но он был начеку и воришка получил тумачков.

Мимо, заставив его посторониться, процокала каблучками барышня, затянута в дубленку с выпушкой. "Экие фифы тут ходят" подумал Матвей и вернулся к чтению бумаги на столбе, с мудреным названием "Манифест". Обернуться его заставил крик, а точнее сдавленный писк. Высокий и тощий оборванец в драном бушлате, картузе и длинном шарфе оттолкнул давешнюю барышню в сугроб и, вырвав у неё сумочку, стремительно неся в сторону Матвея.

"Ах ты, шантрапа городская! " Вся досада из за украденных денег, вся нелюбовь к тем, кто работать не хочет, была вложена в один удар. Картуз полетел в одну сторону, шарф — в другую, а воришка грохнулся на мостовую. Подняв дамскую сумочку, Матвей подошел к девушке и протянул, возвращая.

— Вы барышня на снегу не сидите то. Оно по женской части не полезно.

Из под сбившейся на бок заячьей шапочки на Матвея глядели огромные голубые глаза. Девушка несколько раз хлопнула ресницами, а потом отчаянно покраснела. Она неуверенно протянула ему руку и Матвей одним движением выдернул её из сугроба. "Легонькая какая..."

— А Вы его не убили?

— Не — Матвей довольно ухмыльнулся — У меня удар верный. Полежит чуток и оклемается. Будет знать, как маленьких обижать.

— Я не маленькая, я Наталья Хлодовская! А Вы...

— Матвей Бакатов я. Из Тверской губернии.

"Вот барышня странная, на Вы называет и вообще, разговаривать не гнушается" подумал Матвей. Ему было невдомек, что девушка видит не крестьянского парня в залатанном колушке, а витязя в сверкающих доспехах. Шестнадцать лет, месяц март.

— Вы наверно в Питер учиться приехали?

— Я в завод хотел наняться...

И Матвей, неожиданно для себя, рассказал совершенно незнакомой барышне, как увидел в первый раз чудо — локомотив, как захотелось ему самому управлять грохочущим железом, но на завод его не взяли и он не знает теперь, что делать.

Девушка ненадолго задумалась.

— Матвей, а дрова колоть Вы умеете?

— Чего там уметь-то...

Наталья решительно взяла Матвея за рукав и потащила за собой.

— Нам истопник нужен. Иван Фомич у нас заболел, и дрова рубить просим дворника соседского.

А обучением Вашим я сама займусь!

Ошеломленный напором Матвей не возражал и покорно следовал за девушкой. Так судьба его повернула на дорогу, что ведет к холодным волнам Северного моря, где над водой стелется черный дым и где напoлзают в окуляры серые силуэты вражеских кораблей.

Мишке весь день не везло. Сначала он спалился на Сенном рынке и еле унес ноги. Потом долго болтался по улицам, но подходящих фразеров не было. Наконец заприметил барышню, которая шла, открыв рот и выждав момент рванул у нее ридикюль. Но и тут не повезло налететь на какого то деревенского с пудовыми кулаками. "У сиволапый, попадись мне только, я тебя на куски порву!" В животе бурчало от голода, а еще Кныш злобиться будет, что пустой на хазу вернулся.

Однако атаман их невеликой ватаги ругаться не стал. Он был чем-то доволен и слегка пьян.

— Так, жульманы, слухай сюда! Мне фразерок один наколку дал верную. Хавира одна есть, сторожа нет, жильцы в заграницу подались.

— А что за фразер, не прокинет? Да и ему самому, что там надобно?

— Фразер из благородных, а хата эта его дружка. Тот ему насолил чем-то, вот он и хочет отомстить. Ему с той хаты кроме бумаг, что найдем, ничего не надо. А найти там можно много, фатера богатая!

Мишка перевалился через забор и замер прислушиваясь. В большом заснеженном парке было темно и пусто, лишь рядом сопел кто-то из их банды. Впереди темнела громада особняка. Да тут и правда будет, чем поживиться подумал он, когда тени от кустов вдруг метнулись к нему, земля улетела из под ног, а рот забился снегом. В голове была лишь одна мысль "Опять не повезло".

Кныш сидел на жестком, неудобном табурете и лихорадочно соображал что говорить.

Украсть они ничего не успели, а что через забор залезли, так это извиняйте, гуляли мол, заблудились.

За столом сидел пожилой мужчина в полицейском мундире и что-то старательно писал. В неярком свете пятилинейной лампы тускло поблескивал эполет. Кныш потихоньку успокоился, ведь ему ничего страшного не грозит. Он завертелся, но тут же получил тычок в ребра от стоявшего сзади бугая. Полицейский отложил ручку, потянулся, и посмотрел на Кныша.

— Ну что, господин Воскобойников Петр Евлампиевич, есть ли у Вас, что поведать нам?

— Ваше благородие, не виноватый я ни в чем!

— Нет так нет, дело Ваше — и уже обращаясь к бугаю сзади — вешать их утром будем, не возиться же в темноте.

— Как вешать, за что?

— За шею вестимо, у нас по-другому и не вешают, мы ж не изуверы какие.

— Помилуйте, Вашеблагородие, не губите душу христианскую, безвинный я!

— Ваша банда давно уже всем надоела, вот только руки до неё не доходили. А тут вы сами к нам пришли, не упускать же момент. Разве что заинтересуешь нас чем-нибудь — лениво говорил полицейский.

— Кто наводку дал? — вдруг рявкнул он.

— Фраер один...

— Что за фраер, кто свел, где встречались? Все вспоминай поганец, может и спасешь шкуру свою никчемную!

И Кныш стал захлебываясь рассказывать, пытаясь вспомнить мельчайшие подробности.

— Ваше Величество, прошлой ночью шайка мелких грабителей попыталась проникнуть в здание, принадлежащее нашей службе. Сама банда интереса для нас не представляет, это дело полиции, а вот заказчик данного ограбления явно не прост. Похоже следы ведут в английское посольство.

Август.1903 г.

Санкт-Петербург.

— Господа адмиралы проходите, садитесь. Прежде чем решать на Госсовете, какой у нас будет Морская программа, я хочу знать, как её видят сами моряки — Приветливый тон Императора никак не выдавал его раздражения. А повод для злости был. Уже год шли бесконечные разговоры о будущей Морской Программе, а дело с мертвой точки не двигалось. Предыдущая программа была отменена, как "не соответствующая", а новой не было. Моряки никак не могли определиться, что же им надо. Николай решил подтолкнуть адмиралов, пусть он дилетант и в морских вооружениях разбирается неважно, но если не дать им хорошего пинка, так и будут болтать до бесконечности. К тому же он перед совещанием проштудировал подборку информации по теме, которую сделали для него адъютанты, и вполне мог подкинуть профессионалам пару провокационных вопросов.

— Для начала немного конфиденциальной информации. Вам известно, что у нас четыре не связанных морских театра. Строить на каждом из них мощный флот нереально. Следовательно, эти театры надо связать между собой, хотя бы частично. Проблему северного

морского пути нам помогут решить новые ледоколы. По образцу "Ермака" заложено четыре, плюс пять ледоколов поменьше. В Архангельске строится верфь, которая будет делать специальные суда для Севера, вдоль всего побережья Северного Ледовитого Океана работают картографические и гидрологические экспедиции. Эти работы не только улучшат снабжение Сибири, но и позволят маневр кораблями из Тихого Океана в Северную Атлантику.

А вот проблему других театров решит строительство Беломоро-Балтийского и Волго-Донского каналов.

— Государь, Вы хотите сделать то...

— Что не доделал Петр Первый. В больших масштабах. По проекту каналы и шлюзы будут проходимы для судов до десяти тысяч тонн водоизмещения.

— Но это же огромный объем работ! Пирамида Хеопса!

— А мы строить все это не лопатой будем. Сейчас наши представители в САСШ закупают наисовременнейшую строительную технику — локомобили и...ээ...экскаваторы. Полсотни механиков проходят обучение в Америке. Правда, уже меньше: кто заболел, кого застрелили...дикая страна!

Формируется специальное строительное управление. Его возглавит господин Свиягин. Как забьет в следующем году золотой кистиль на КВЖД. В этом управлении мы хотим совместить военную дисциплину с высокой оплатой и надеемся на хорошую работу.

— Получается, что можно будет перебрасывать крейсера...

— Вплоть до броненосцев береговой обороны. И эта наша возможность должна быть не афишируема. С написанием статей в научные журналы придется проститься — Император выразительно посмотрел на Макарова.

— Но любой грамотный человек, увидев размеры канала, сможет определить его характеристики — Макаров искренне не понимал, как научная работа может принести вред.

— Канал будет охраняться как особо важный объект. А ежели какой иностранец гербарии начнет на берегу собирать, так и утонуть недолго...

— Шпиономания до добра не доведет — пробурчал себе под нос недовольный адмирал. Но Император услышал.

— Степан Осипович, а разве Вам хочется вести эскадру, когда её курс заранее известен неприятелю? Нет? То-то же. Но это преамбула. Прошу Вас Зиновий Петрович.

Начальник Морского Генерального Штаба встал, откашлялся, и стал торжественно зачитывать доклад, почему-то косясь на Макарова. Хотя понятно почему — соперничество двух адмиралов шло ещё с юности и было известно всему флоту.

— Ваше Величество! Морской Генштаб провел большую работу по анализу результатов стрельбы Учебного Отряда. Тут не было счастья, да несчастье помогло. Когда стали разбираться с новейшими на флоте десятидюймовыми орудиями, выяснилось, что эти орудия существуют в трех разных вариантах, значительно отличающихся друг от друга. Пушки привели к единому виду, а образовавшиеся "лишние" стволы отдали Степану Осиповичу. В результате у нас образовался большой объем статистических данных. Если бы не эти стрельбы, то для такого количества статистики надо небольшую войну провести. И вот результаты просто парадоксальные. Вероятность попадания на дистанции 35 кабельтов не на много меньше чем на 25...

— Но ведь рассеяние снарядов... — Тыртов, профессиональный артиллерист, не верил в нарушение строгих математических законов. Но в то, что такой же артиллерист

Рожественский обманывает Государя, он поверить тоже не мог.

— Павел Петрович мы сами были изрядно удивлены. Шанс попадания по движущейся и маневрирующей цели в первую голову зависит от мастерства стреляющих и совершенства прицелов и только потом от дистанции.

— Маневрирующей? Степан Осипович, а не боялись миноносец, что щит буксирует, утопить?

— Государь, я в своих комендоров верю! Тем более что первую стрельбу лично наводил — вскинулся Макаров.

— Ты Степан, ещё заряжать начни — Рожественский сочился ехидством.

— Если надо я и в трюм полезу...

— Отставить, господа адмиралы! — рявкнул Николай, останавливая свару — Кто командир миноносца?

— Лейтенант Колчак, я его еще по северным экспедициям знаю.

— Поощрите храбреца, Степан Осипович. Стрельбы учебные, но снаряды-то настоящие. Продолжайте, Зиновий Петрович.

— Таким образом, в бою при начале стрельбы с дальних дистанций, тактика сближения с неприятелем на пистолетный выстрел просто неосуществима. Корабли, прежде чем сблизятся, изобьют друг друга до полной потери боеспособности. Из чего МорГенштаб делает вывод — будущий морской бой будет вестись на дальней дистанции. Степан, имей мужество признать, что ты сам, своими опытами свою же теорию опроверг! — В голосе Рожественского звучало торжество. Макаров выглядел явно расстроенным.

— Далее. Раз бой ведется на большой дистанции, следовательно, средний калибр становится бесполезным. Его снаряды просто не смогут пробить броню, даже самую тонкую.

— А пристрелка? Из четырех орудий главного калибра пристреливаться можно до исчерпания боезапаса. Пока залп летит, пока поправки введут, враг уже курс сменит. Мы на крейсерах опробовали новую методику пристрелки — второй плутонг дает залп, не дожидаясь падения снарядов первого. Результаты — отличные, уже наставление пишется! Макаров оживился. Хоть в чем-то удалось обойти давнего соперника.

— Из четырех да, все верно. А кто сказал, что орудий главного калибра должно быть четыре? — вдруг подал голос Николай. Адмиралы засмутились. Как объяснить Императору элементарные вещи, которые знает каждый мичман и при этом не умалить Высочайшего достоинства?

— Для залпа необходимо минимум три пушки, лучше четыре. Иначе среднюю точку падения не определить. Это законы баллистики... — осторожно начал объяснять Тыртов.

— А если их будет восемь? Или вообще двенадцать? И пристреливаться можно по вашей методике новомодной, и на поражение такой огонь развить, что супостата сметет! — Николай с видом победителя посмотрел на адмиралов. Не даром он перед совещанием изучил проекты будущих кораблей, порой даже совершенно фантастические.

— И как вы их на броненосец поставите? Как на паруснике по бортам? — Тыртов не понимал, куда клонит начальство.

— Размещение таких орудий возможно только в башнях. Для зарядания крупнокалиберных пушек необходима машинерия, а её можно поместить только в башне — меланхолично выдал справку Авелан.

— Двенадцать пушек, шесть башен, это где все поместится? — Тыртов излучал скепсис.

— Почему шесть? А по три пушки в башню не влезет? — Николай смотрел на

адмиралов с торжеством. Приятно чувствовать себя самым умным. Даже если это не совсем так.

— Ваше Величество, эдак мы совсем в фантазии ударились — Тыртов был в явном замешательстве. Серьезное совещание превращалось в обсуждение ненаучной фантастики.

— Павел Петрович, если мы с вами сейчас правильно предугадаем направление развития флота, то сможем не как всегда, вечно догонять, а напротив — моду диктовать. Я дам задание Металлическому заводу — пусть возьмут молодых инженеров и посадят их башню трехпушечную рисовать. Может толк и выйдет.

— И все равно корабль получается слишком большой. Башни мы ещё впихнем, а на машины соответствующие места не хватит — Рожественский быстро считал что-то на бумажке и задумчиво теребил бороду.

— Да и стапелей таких у нас нет- добавил Авелан.

— Если будет у нас определенность с размерами корабля, начнем новые стапеля строить. А вообще то надо с проектирования самих пушек начать. Раз условия стрельбы изменятся, значит и орудия должны быть другими. Федор Карлович, распорядитесь, что бы министерство составило требования на новые орудия, на всю линейку от трех до двенадцати дюймов. Заодно подумайте и о более крупных калибрах. Технический прогресс идет семимильными шагами, возможно в будущем будут нужны орудия в четырнадцать и более дюймов.

— А зачем скорострелки новые? Орудия Канэ одни из лучших в мире! — удивился Рожественский.

— А затем, что любые орудия рано или поздно устареют. И замену им лучше заранее проектировать, а не когда жареный петух клюнет!

— Государь, если бой будет происходить на дальних дистанциях, то мой расчет на легкий снаряд тоже оказывается не верным, и снаряды нужны тяжелые! — Макаров встал, покраснел, борода его растрепалась. У адмирала был такой вид, будто он собирается нырнуть в прорубь.

— Ну Вы прямо: — Не вели казнить... — Николай весело улыбался. Его задумка провокационными вопросами расшевелить моряков удалась.

— Степан Осипович, главное Вы своей работой сделали, а что теория ошибочна, так новую пишите! Сами же её и проверите.

— Николай Александрович, пусть мои тактические воззрения оказались неверны, зато все расчеты непотопляемости полностью подтвердились. Подопытные суда нами были по несколько раз утоплены и подняты. Заодно была выявлена малая эффективность орудий калибром три дюйма и менее. В списанный миноносец два десятка снарядов всаживаем, они его насквозь прошивают, потом подходит на баркасе аварийная партия и все дырки заделывает. А после пары попаданий из стодвадцатки Канэ его уже поднимать со дна приходится.

— Вот мы с вами и определили облик будущего корабля. Двенадцать орудий главного калибра в башнях по три и 120 мм противоминный калибр. Проведем конкурс с такими условиями и посмотрим, что получится.

1903 г. Октябрь
Санкт-Петербург.

Наташа сидела в кресле с книгой и делала вид, что читает. На самом деле лежащая на коленях книга была вовсе не открыта, девушке было не до книги, она смотрела в окно. Ей даже пришлось передвинуть тяжеленное кресло, чтобы видно было лучше. А за окном происходило поистине завораживающее действо. Там Матвей рубил дрова. Несмотря на холодную погоду он разделся по пояс, и Наташа с замиранием сердца наблюдала, как играют мышцы под загорелой кожей. Конечно, порядочной девушке смотреть на неодетого мужчину крайне неприлично, но оторваться от зрелища она не могла. Она была так увлечена наблюдением, что не услышала, как открылась дверь и в комнату кто-то вошел. Раздавшиеся за спиной голоса заставили её сжаться в комочек и покраснеть. В комнату, где сидела Наташа вошли тетки, причем обе сразу. Это было наихудшее из того, что можно придумать.

Когда от скоротечной чахотки умерла мама, то воспитание маленькой девочки взяли на себя её старшие сестры. Отец-то месяцами дома не бывает, морская служба не позволяет. Две старые гримзы, как называла их про себя Наталья, явно поставили перед собой цель свести бедную девушку со свету. Обучение языкам и разным наукам у девочки негативных эмоций не вызывало, надо, так надо. Да и давалось это обучение ей без особого труда. Но вот этикет и правила приличия вызывали у неё просто бунтарский протест. То нельзя, это нельзя, так неприлично, этак не положено, да это просто издевательство какое-то! Ведь хочется побегать, попрыгать и даже залезть на дерево. Но куда там! Ходи спокойно, спину держи ровно, не вертись, не смейся громко... Ужас! И теперь Наташа приготовилась к длительной и нудной нотации. Она ещё сильнее скрючилась в кресле, вдруг не заметят? Тетки и правда не заметили девушку, высокая спинка кресла её полностью скрывала. Зато они увидели Матвея во дворе. И тут Наталья услышала такое, чего от двух старых дев услышать не ожидала никак. Она покраснела ещё больше и была готова провалиться сквозь землю вместе с креслом.

— А херувимчик-то неплох, мне бы лет десять скинуть, так я бы его у Наташки запросто отбила!

— Ох, Машка, из тебя уже песок сыпется, а все туда же! Хотя натуру не переделаешь, как ты была в молодости вертихвосткой, так и осталась! Помню я, как ты на балу у Воронцовых перед моим Ванюшей жопой вертела, да все без толку! Он на тебя даже не смотрел и танцевал только со мной. Эх, если бы не сложил Ванечка голову под Плевной, все бы иначе повернулось...

— А ты, Лизка, как была дурой бестолковой, так и осталась! Ведь предлагал тебе граф Шиловский руку и сердце, нет, ты своему поручику верной была... Ну ладно, ладно, не дуйся, все это уже быльем поросло.

— Да Маша, в этом ты права. Все это было очень давно, а кажется, будто вчера. А мальчик и правда неплох. И дело не в том, что он сложен, как Аполлон, а в том, что у него голова есть. Потуги Натальи его чему-нибудь обучить поначалу у меня смех вызывали, а теперь вижу, что может и толк быть. Ты бы помогла ей в этом.

— Помочь-то я могу, да какой в этом смысл? Иметь истопника, говорящего по-французски? Девочка и так слишком много времени с ним проводит, к добру это не приведет.

— Ну вот, ревнительница приличий нашлась. Не забывай, что времена нынче не те, многое изменилось и ещё меняться будет. Указ о кухаркиных детях отменен, при наличии знаний вполне сможет молодой человек поступить куда-нибудь... да хоть в Морское. Вот и станет офицером, а при соответствующем продвижении по службе и дворянином.

— Ну ты Лизка и фантазерка, как романов про рыцарей в детстве начиталась, так и до старости не уймешься. А Наташу вскорости ожидает первое в жизни крупное разочарование...

Продолжая разговор женщины покинули комнату, а Наташа испытала огромное облегчение. Мало того, что подслушивать нехорошо, так еще такие интимные подробности, явно не предназначенные для чужих ушей... Однако каковы у неё тетушки, никогда не скажешь, что эти воблы сушеные такие чувства романтические могли испытывать. Но вот сказанное ими её серьезно озаботило. Она учила Матвея словесности и истории с географией просто потому, что ей нравился сам процесс, и о будущем не задумывалась. А задуматься придется. Если сословные различия встают у неё на пути, то она приложит все силы, чтобы их преодолеть. Раз тетки не против помочь — значит помогут, никуда не денутся. И когда отец приедет, надо его спросить, какие предметы для поступления в Морское Училище нужны. Своего Матвея, ох, как сладко заныло сердце от этих сказанных про себя слов, она никому не отдаст! Если надо, чтобы он стал морским офицером, значит станет, не будь я Наталья Хлодовская!

ГЛАВА 4

1904 г.

Нижний Новгород

Из трехосного вагона первого класса на перрон нижегородского вокзала вышла странная компания. Первым спустился капитан Генерального Штаба с безупречной выправкой и аристократическими манерами. За ним — подпоручик-сапер. Высокий, чуть сутулый, с худым усталым лицом. Третьим на перрон спрыгнул прапорщик — артиллерист в мешком сидящей форме, молодой и румяный. И последним из вагона выскользнул с поистине змеиной грацией казак 26-го Донского полка с новеньким Георгием на груди. Военные встали в кружок, капитан достал часы, и что-то негромко произнес. Казак кинул руку к своему роскошному чубу и тут же ловко ввинтился в вокзальную толпу.

— Алексей Алексеевич — неуверенно сказал прапорщик — Все же мы вместе едем, может стоило взять его с собой? Он же, как Георгиевский кавалер, имеет право посещать рестораны...

— Ох Алеша, какой же Вы, в сущности, невоенный человек — вздохнул капитан — Семен казак и с детства впитал все тонкости субординации. В бою он может заорать генералу "Ложись дурак!", но в мирной обстановке проявит отменную строевую выправку. В ресторане он будет стеснять нас, а мы его. Не волнуйтесь, за время стоянки поезда он успеет поесть, выпить и охмурить вдовушку. Пойдемте же в ресторан, вагонная кухня изрядно надоела.

Офицеры вошли в ресторан и стали оглядываться, ища место.

— Дмитрий Михайлович, какими судьбами? — из за столика махал рукой круглолицый усатый штабс-капитан с перекрещенными пушками на погонах — проходите же сюда!

— Позвольте представить: генерального штаба капитан граф Игнатъев, прапорщик Золотарев. Следуем в столицу. — Подпоручик Карбышев представил своих спутников. —

Штабс-капитан Гобято — представился артиллерист.

— Инженер и механик, мой знакомец по Маньчжурии — добавил Карбышев — А Вы Леонид Николаевич как здесь очутились? Помнится, мы в последний раз виделись под Шуанченом.

— Вот там я и получил ранение, был в отпуске, а теперь — штабс понизил голос — назначен на новый полигон.

— А чем не устраивает Ржевка? — удивился Игнатьев — там и к Питеру ближе.

— Во-первых, Ржевку моряки оккупировали. Мы, со своими сухопутными калибрами, там как падчерицы. А во вторых тем и плохо, что ближе и к Питеру и к глазам лишним.

Игнатьев с уважением взглянул на Гобято — Наконец-то и у нас начинают понимать важность сугубой секретности всех военных испытаний. А то не успели новую пушку отстрелять, как в иностранных журналах все данные уже печатают.

Обед был хорош и офицеры перешли к ликерам и разговорам.

О чем говорят мужчины за столом? О дамах, благородных и не очень, о лошадях и об оружии. Комбинацию: выпивка — закуска — дамы обсуждают, когда ничего перечисленного нет, а есть только кони и оружие. Разговор за столом крутился вокруг разнообразных вооружений, способов и случаев их применения и путей развития.

— Да случайно все получилось, он мне в ногах мешался, вот и привязал — горячо убеждал собеседников Алексей Золотарев — А когда с гауптвахты вышел — подумал, что если пулемет на штырь поставить, лучше будет...

Граф отвлекся от беседы и вспомнил, с чего начался их вояж. Когда в штабе округа узнали, что Император желает лично наградить отличившихся в Маньчжурии, все от седых полковников до молоденьких писарей пришли в ажиотацию. Все понимали, что награда из рук Государя это билет в счастливое будущее. Начались интриги, пошли писаться доносы, работа была заброшена напрочь. Какая работа, когда такой шанс светит! Начштаба, как Цезарь, одной рукой брал и читал кляузы, а другой черкал список героев с собой, любимым, во главе. Фамилии писались и вычеркивались, когда сверху лег листок с четырьмя именами. Полковник поднял глаза и увидел какого-то бесцветного ротмистра. Рост средний, лицо невыразительное. Что за наглость!

— П-А-Ч-Ч-И-М-У БЕЗ ДОКЛАДА!!! — От начальственного рыка вскинулись лошади коновязи.

Ротмистр протянул ему другую бумагу. Прочтя текст и подпись полковник подумал: "Хорошо на стуле сижу, а то колени что-то ослабли"

— Государь желает видеть указанные персоналии. Честь имею!

Граф вынырнул из воспоминаний. Разговор за столом продолжал крутиться вокруг технических новшеств.

— Дмитрий Михайлович, перевозка орудий локомотивами опробовалась в балканской войне и себя не оправдала. Локомотив своими колесами застревает везде где можно и нельзя!

— Леонид Николаевич, — вмешался в разговор Игнатьев. — Помнится в 96 году на промышленной выставке здесь, в Нижнем, некий самоучка демонстрировал паровоз, едущий по бесконечным рельсам.

— Это как? Что за фантазия?

— Очень просто, — Игнатъев достал карандаш и на салфетке сделал набросок —

Пластины соединенные шарнирно оборачиваются вокруг нескольких колес.

— И это чудо может ехать?

— Да и довольно уверенно. Сам видел.

1904 г.

Санкт Петербург.

— Господа — Император оглядел стоящую перед ним во фрунт четверку — Я не буду награждать вас орденами. За свои подвиги вы их уже получили, а давать кресты за то, что ко мне приехали — глупо.

— Я послужу вам золотой рыбкой, исполню ваши желания — с полной серьезностью сказал он.

— Казак, что хочешь?

— В-А-Ш-Е-И-М-П-Е-Р-А...

— Отставить! Говори коротко!

— Государь, учиться хочу.

— На унтера?

— Никак нет, на офицера!

— А сдюжишь?

— Так точно!

Император чиркнул в блокноте.

— Служи, казак, атаманом станешь — он улыбнулся — а может и фельдмаршалом.

Когда, преклонив колено, Семен Михайлович Буденный будет получать из рук Императрицы маршальский жезл, он вспомнит эти слова.

— А Вы, прапорщик?

— Ваше Величество, — запинаясь и краснея произнес Золотарев — Я человек в армии случайный, я инженером на завод устроиться думал...

— Приходите завтра на Путиловский к директору, не откажет — и сделал еще запись.

— Подпоручик?

— Государь. Прошу направить меня на полигон под Нижним.

— А откуда Вы про него знаете?

— Случайно встретил сослуживца...

— Вот и вся наша секретность — пробурчал Николай — И что Вы, сапер, на артиллерийском полигоне делать станете?

— Ваше Величество, на полигоне будут много стрелять по мишеням. А если вместо мишеней соорудить полевые укрепления, то можно проверить их эффективность и опробовать любые новации.

— Дельно, завтра в моей канцелярии получите направление.

— А Вы граф?

— Прошу личной аудиенции!

— Ваше Величество, занимаясь по службе сбором информации военного характера, я убедился, что разведки у нас, в сущности, нет. Рекогносцировка на местности, поиски пластунов и всё. Агентурная разведка не ведется вовсе. Офицеры штаба вынуждены

довольствоваться слухами среди китайских крестьян. Это неприемлемо, о чем подавал рапорт на Ваше имя.

— Благодаря этому рапорту Вы здесь и находитесь. Граф, раз Вы так хорошо понимаете необходимость военной разведки, то Вам её и создавать. Я направлю Вас к господину Зубатову, который сможет Вас многому научить. И не кривитесь. Сергей Васильевич специалист в этом деле. Через месяц жду Вас с докладом.

1904г

Финский залив. Борт яхты "Штандарт"

— Кузен, ты не слишком тиранишь бедных финнов? Твои псы цепные уже прославились на весь цивилизованный мир своими изобретениями. Вот почитай газету: Столыпинский вагон, Столыпинский галстук."...Жуткий ряд виселиц на въезде в Гельсингфорс в народе называют улицей или, на местный манер, линией Маннергейма." — Кайзер Вильгельм со вкусом прочитал отрывок из статьи.

— Вилли, если финны не хотят становиться русскими то скатертью дорога. Однако если они уедут в Америку, то станут американцами, если в Швецию — шведами. Это считается нормальным. Вот у тебя в Рейхе все подданные — немцы. А почему у меня в России должны быть какие-то особые народы? У меня все, независимо от происхождения — русские! Бунтовщиков же во всех странах вешают.

— А поляки? Они русскими не станут никогда, в этом весь смысл их существования. Всех повесишь?

— Польше я дам независимость.

— Что??? — Вильгельм от удивления поперхнулся.

— Вилли, у меня есть план грядущих преобразований. Этот план могут осуществить только Россия и Германия вместе, и он даст нашим народам долгие годы благоденствия! Ты хочешь продолжить дело своего деда? Объединить немецкий народ?

— Конечно, но Австрия наш естественный союзник... — Вильгельм был несколько ошарашен напором русского Императора.

— Давно ли твои войска их лупили в хвост и в гриву?

— Ну, положим, тогда ещё не мои...

— Не важно. Важно то, что из Франца-Иосифа песок сыпется. Лоскутная Империя держится чудом. Венгры давно хотят отделиться и не скрывают этого. А нам надо исправлять ошибку, допущенную в сорок восьмом году. Николай Павлович тогда сильно погорячился, спасая Двуетдиную Монархию от развала, за что и поплатился потом... Ничего, мы эту ошибку исправим. Предательство прощать нельзя!

— Ты хочешь поддержать венгерских сепаратистов? Где же логика?

— Логика как раз есть. Своих революционеров давить, чужих — кормить.

— Но это же... — Вильгельм замялся, подбирая слово вместо слова "подло" Николай его прекрасно понял.

— Вилли, мой долг заботиться о русских, твой — о немцах. О других народах пусть думают их правители.

— Ты знаешь, какой вид фехтования у венгров национальный? — неожиданно спросил Николай.

— Никогда не интересовался, сабли какие-нибудь — ответил Вильгельм.

— У них национальным считается поединок на боевых топорах!

— Какая дикость! — Вильгельма передернуло, когда он вообразил себе последствия такой дуэли.

— Вот и представь: по Вене расползаются слухи, один ужаснее другого. То говорят о русских казаках, которые едут верхом на медведях, то о страшных венграх, которые своими топорами всех порубят, то ещё что — нибудь, столь же глупое. И тут ты. На белом коне, во главе германских войск, приходишь и всех спасаешь. Венские обыватели понесут тебя на руках вместе с лошадьё!

Вильгельм расхохотался, представив такую картину.

— Хорошо, но причем тут Польша? — утирая слезы спросил он.

— Смотри: В Польше поднимается восстание. Россия медлит с подавлением бунта. Англия и Франция его поддерживают, хотя бы политическими заявлениями. Вслед за Великопольшей восстает Краков. Польша объявляет независимость, и её тут же признают Англия, Франция и еще кто-нибудь из мелких шавок. Англия сделает это не задумываясь о долговременных последствиях, просто в силу инерции своей антироссийской политики, а остальные побегут за ними, как всегда бегали. Глядя на это, объявляют о независимости венгры и словаки.

— А Богемия?

— Присоединишь к себе вместе с Австрией. В суматохе никому и дела не будет. Кусок Адриатического побережья захватывает Италия, они давно хотят. На Балканах начинается война всех против всех. Что-то возьмет себе Болгария, что-то Сербия — это уже не важно.

— И зачем тебе это все?

— Россия лишается давнего врага — Австрии. Мы отделяем земли с недружественным населением — хотят свободы, получают её сполна. Англия теряет единственного возможного союзника на материке.

— Как, а Франция?

— Вилли, они тебя боятся до мокрых штанов. В одиночку Франция не рискнет воевать.

— Почему в одиночку, вместе с Англией. Да и у тебя с ними союз.

— У меня с ними оборонительный договор, я его вчера ещё раз перечитал. Если ты нападешь на Францию, то я обязан вступить. А вот если они сами полезут, или с кем нибудь за компанию, я и пальцем не шевельну. Ни одна дивизия с места не тронется. И что будет в результате такой войны? Германская армия марширует по Елисейским полям, а британцы сидят на острове, отгородившись флотом. Думаю на этот анализ у лягушатников мозгов хватит. Французы скорее к тебе в друзья набиваться начнут.

— Но все же, разжигать бунт в собственной стране...

— А бунт будет лишь для иностранных наблюдателей. Полякам позволят выйти на организованную манифестацию, помахать заранее заготовленными флажками и не более того. А все будущее руководство Польши мы заранее возьмем...

— За яйца! — Вилли захохотал.

— Именно так, и будут они хором петь, что им скажут. Главное — пропадает единственное препятствие для Русско-Германского союза. При наличии такого союза большая война в Европе — невозможна!

— У Германии существует много вопросов по разделу колоний — задумчиво произнес Вильгельм.

— Эти вопросы и будут решаться в колониях. Пошлешь крейсер или батальон пехоты и

заменишь любого папуасского вождя.

— Но Англия...

— Не ползет воевать из-за того, что на пальме один людоед сменит другого. Когда этот людоед сотоварищи съест всю колониальную администрацию — никто не удивится, такое уже не раз бывало. А когда новая, к примеру французская или бельгийская, администрация прибудет в колонию, выяснится, что место уже занято. А уж если где-то далеко один крейсер обстрелял другой крейсер, существуют дипломаты. Они напишут нужные ноты, сделают заявления, и весь инцидент останется в прошлом.

— Ники, ты сейчас проявляешь просто иезуитскую хитрость. Как же ты умудрился проиграть дипломатическую войну с Японией?

Николай улыбнулся:

— Раз все видят проигрыш большой России маленькой Японии, значит наша дымовая завеса сработала. Смотри сам — мы подарили то, чем никогда не владели — Корею. Мы продали то, что нам не нужно — Квантун. Мы получили то, что нам надо — Северную Маньчжурию. В результате такой политики мы теперь с Японией существуем как бы в разных плоскостях. Наши страны не стали дружественными, но их интересы более не пересекаются. А вот с Британией и САСШ японцы скоро столкнутся в соперничестве за влияние в Китае. И главное, мы устранили угрозу войны на дальней окраине Империи, где снабжение войск будет сильно затруднено. Теперь эта окраина вместо вооруженного тупика превратится в ворота на весь Дальний Восток. И кстати, рекомендую Германии воспользоваться этими воротами. Ваше присутствие в Китае чисто номинальное. А там грядут большие перемены, Поднебесная Империя доживает последние дни.

— И когда же намечается, задуманный тобой передел Европы?

— Не скоро. Я даже не могу сейчас точно сказать, сколько лет уйдет на подготовку таких грандиозных изменений. Торопиться нельзя, все должно делаться очень осторожно, в глубокой тайне. Но я все же рассчитываю, что хотя бы лет за десять мы управимся...

Вильгельм Второй, Кайзер Германской Империи направлялся домой и все время напряженно обдумывал разговор с Николаем. Оборонительный договор подписан, французские дипломаты бьются в истерике, а все их газеты рыдают о загубленной "Деве-Франции", проклятых тевтонах и коварных русских дикарях. Английские газеты визжат о предательстве, хотя на эту тему лучше бы молчали, сами всю жизнь всех предавали. Но вот план передела Европы, который Николай ему предложил, вызывал у него опасения. Слишком много получала Германия, слишком мало Россия. В такую наивность русского Императора он не верил. Бесплатный сыр сами знаете, где бывает. Хотя...может мальчик просто заигрался? Ведь получив население и науку Австрии, заводы Богемии, Рейх станет непобедим. Переварить все это за десяток лет, а там посмотрим, кто в мире самый главный.

— Ваше Величество, а Вы не боитесь чрезмерного усиления Германии?

— Опасаюсь. Однако, Сергей Васильевич, другого выхода у нас нет.

— Почему, разве нет иных вариантов?

— Дело в том, что наша промышленность, ростом которой мы так гордимся, нам не принадлежит. Она почти вся либо английская, либо французская. Это значит, что в любой момент нас могут взять за горло, и требовать чего угодно. В противном случае армия останется без пушек, флот без кораблей, а мы с Вами будем снова писать при свечах.

— Но ведь завод электролампочек в Петербурге стоит!

— Вот только русского в этих лампочках — лишь воздух, которого там нет! А свой завод мы построить не можем. Нам не продают необходимые патенты.

— И как нам в этой беде помогут немцы?

— За политические и торговые преференции они продадут нам необходимые станки и привелеи. Они сцепятся в конкурентной борьбе с англичанами и французами, ослабят их позиции на Российском рынке, что позволит нам на нем укрепиться.

— И все равно, простите, Ваше Величество, но я считаю, что Германия получает слишком жирный кусок.

— На то, чтобы освоить все полученное богатство, Рейху потребуется не менее двадцати лет. А за двадцать лет Россия значительно усилится. Все эти годы мы будем меньше тратить денег на содержание армии, и больше на развитие производства. Кроме того, я надеюсь, что за это время увеличится количество совместных русско-германских предприятий. Промышленникам, ведущим совместные дела с Россией, война между нами невыгодна. Они всячески будут противиться попыткам перевести Русско-Германские противоречия в вооруженный конфликт, так как это ударит их по карману. Я же приложу все усилия для того, чтобы временная дружба с немцами пошла нам впрок. Закупаться в Германии будут в первую очередь станки и машины. Это дороже, чем покупать конечный продукт, но в перспективе позволит нам быть экономически самостоятельными, а не Германской полуколонией.

— Получается, что у нас планы на тридцать лет вперед!

— Сергей Васильевич, Вы сами увидите, как это мало!

ГЛАВА 5

1905 г.

Санкт Петербург.

— Ваше Императорское Величество! Уповаю только на монаршую милость, дабы оградить меня от клеветников и завистников!

— Господин Луцкий, прекратите юродствовать! Вам дана аудиенция не для того, чтобы я кляузы Ваши слушал! Ваши нефтяные машины для флота не подошли в силу их низкой надежности и малой мощности, эксперимент на "Видном" это показал. Я пригласил Вас для другого. В настоящее время, в Германии закупается оборудование для завода автомобилей. Мне на этот завод требуется главный инженер. Служба на казенном заводе означает для Вас — классный чин, высокий оклад, положение в обществе. Так же она означает ответственность за результат.

— Несомненно, приложу все силы... А где будет этот завод?

— Рига, Лифляндской губернии. В устройстве завода будет оказана помощь от РБВЗ, контракт уже заключен. Кто займет должность начальником завода, я пока не решил, но он будет администратором, а вся техническая сторона дела ляжет на Вас. От завода потребуется сконструировать и пустить в производство грузовой автомобиль для нужд армии. Требования к этому автомобилю сейчас составляются, но одно уже несомненно — он должен быть мощнее, чем тот, что Вы предоставили на испытания в позапрошлом году. Все детали этой машины должны производиться у нас, в России. Он должен быть прост и

надежен, как крестьянская телега.

— Ваше Величество, автомобиль — механизм, весьма сложный технически...

— А Вы приложите всю Вашу изобретательность, чтобы получилось то, что нам надо, а не то, что Вам производить удобнее. Вам знакомы машины фирмы Шарон?

— Несомненно, но причем тут французы?

— Военное ведомство заказало им блиндированные автомобили проекта князя Накашидзе, для эксперимента. Получилась интересная машинка, но одно уже ясно — шасси у Шарона слишком дорогое и слишком сложное, а, следовательно, ненадежное. Вам надлежит сделать лучше. Дерзайте Борис Григорьевич, уверен, что все у Вас получится!

Николай отложил в сторону очередную папку и закрыл глаза. Сколько же их!

Вдруг ему показалось, что перед ним лежит очередное дело — Романов Н.А... растрата... хищение... потворство хищению... В какую стопку откладывать? "Исполнять", "Не исполнять" или "Повременить" Он понял, что смотрит на себя прежнего, как на постороннего человека, причем смотрит с безгловым презрением.

— Николай Александрович, Вы устали, отвлекитесь, а я Вас развеселить попробую — оторвал его от самокопания Зубатов.

— Помните, я Вам рассказывал про джигита хитрого? Который банки грабил, а все деньги на свою партию отдавал.

— Да, припоминаю — Николай с трудом вспомнил, о чем речь — И как, удалось Вам его убедить?

— Я с ним и так и этак, носом в их талмуды тыкал: смотри, говорю это — же не просто бред, а бред людоедский. В книгах этих не общество всеобщего благоденствия прописано, а какая-то каторга сахалинская! Абрек — ни в какую, стоит на своем. А поймал я его "на слабо". Говорю ему:

— Все равно вы рай свой изуверский построить не сможете, так как умеете только ломать. Он и взвился — мол строить лучше вас сможем, дайте только возможность "На!" говорю — поезжай на новую стройку и докажи. И направил его на Спецстрой, там не забалуешь. Фамилию, конечно, сменили, чтоб не знал никто. И забыл я про него, дел хватает. На той неделе был я на Беломорканале с проверкой. И вспомнил о своём протеже. Спрашиваю, где такой-то. А мне в ответ: Вы про начальника участка господина Сталина? Очень, очень перспективный молодой человек. Участок — один из лучших, после смены до полночи за книжками сидит, учится, далеко пойдет! Когда же он у вас начальником стал? А его сам Николай Сергеевич Свиягин из бригадиров продвинул, как прежний заболел. Он же не инженер ни разу! А начальнику главное работу организовать, а это он умеет.

— А вот ещё один типус. Подписал бумажки не глядя, и стал в результате казнокрадом на многие тысячи рублей. Когда до него дошло, что его вокруг пальца обвели — совсем ополоумел. Нет бы ему к нам пойти или просто подождать немного. Мы компанию эту уже арестовывать собирались. Нет, гордыня одолела. Ворвался к генералу в разгар совещания и заявляет "Ваше превосходительство, Вы — подлец!" И из револьвера ему в лоб, Бах! Кто на совещании был, сплошь крысы тыловые, один в окно сиганул, другой под стол. А этот герой в приемную выходит, револьвер бросил, руки на груди скрестил и говорит "Арестуйте меня, я преступник" Лорд Байрон местного разлива. По закону ему со всеми смягчающими обстоятельствами — каторга, по совести даже не знаю, что с ним делать. Другого кого

завербовал бы в агенты и дело с концом. А этот не пойдет, щепетильный слишком. У нас, бывает, очень грязную работу делать приходится, с отбросами разными общаться.

— Он у Вас здесь?

— Да внизу.

— Схожу, побеседую. Со мной не ходите, дайте провожатого.

Безучастно сидящий на нарах человек в арестантской робе даже не пошевелился на звук открываемой двери. Когда же тусклая лампочка осветила лицо вошедшего и он услышал негромкое но властное приказание "Оставьте нас!" глаза у него вылезли на лоб. Он вскочил и вытянувшись во фронт отрапортовал:

— Арестованный Савельев, Ваше Императорское Величество!

Николай сел на нары, вытянул ноги и закурил. Потом указал на противоположную скамейку:

— Садитесь, поговорим.

Савельев присел на краешек нар и замер, умудряясь даже сидя сохранять строевую стойку.

— Разрешаю обращаться без чинов. Скажите, чем вызвана столь острая реакция с Вашей стороны на банальное воровство? Вы разозлились из-за того, что Вас обманули как младенца?

— Нет, Государь! Мне...мне за Державу обидно!

Николай надолго замолчал. Савельев сидел не дыша, и совершенно не понимал, что за чудеса тут происходят.

— Я получаю много разных сведений из разных источников — неожиданно заговорил Император и Савельев вздрогнул — Министерства, разведка, контрразведка — все сообщают мне различную информацию. Но во всех этих структурах сообщение проходит через множество инстанций, так эта система устроена и этого не изменить. На каждой ступени иерархии информация искажается, вольно или невольно. В результате ко мне приходит доклад не соответствующий действительности. Я хочу создать подразделение, в котором от наблюдателя сообщение поступит непосредственно мне. Это подразделение не может быть многочисленным, и тем больше ответственности ложится на каждого его сотрудника. От руководителя этого отдела потребуется в первую очередь честность — Николай не мигая уперся взглядом в лицо арестанта — Вы согласны на такую службу?

— Конечно... Так точно, Ваше Императорское Величество!

— Тогда не рассиживайтесь тут, полковник, пойдемте у Вас впереди много работы.

— Но я ротмистром был...

— Вы Государю своему на слово верите?

Совершенно сбитый с толку, Савельев встал, заложил руки за спину и...по арестантской привычке вышел из камеры впереди Императора. Николай шел за ним и посмеивался в усы.

Многие сотрудники внутренней тюрьмы, видевшие эту картину, потом делились впечатлениями: "Видать совсем страшный убийца, раз его сам Государь Амператор конвоирует!"

1906 г.

Санкт Петербург

— ...Взвесив все обстоятельства, комиссия пришла к выводу, что лучшим является проект инженера Бубнова. Он наиболее полно отвечает заданию и в то же время соответствует нашим производственным возможностям — закончил свой доклад академик Крылов — ученый, кораблестроитель, председатель комиссии конкурса на лучший броненосец для Российского флота. Так же он был соавтором победившего проекта, но об этом скромно умалчивал.

— Алексей Николаевич, меня в этом проекте смущает слабое бронирование борта — Николай с интересом листал чертежи. У него не было специального инженерного образования, но базовый объем знаний был превосходный, а голова светлая. Вынужденный принимать решения, связанные с разнообразной техникой, он волей-неволей научился разбираться в ней, пусть и поверхностно.

— Николай Александрович, это обусловлено техническими ограничениями...

— Как, ведь у нас есть корабли с более толстой броней!

— Производство новейшей закаленной брони встречает на Ижорском заводе определенные трудности. Они могут катать толстые листы, но качество не гарантируют. Иван Никанорович Воскресенский, директор завода, жалуется на устаревшее оборудование. Девять дюймов они обещают стабильно, все что толще — минимум половина брака. Мариупольский завод может делать и больше, там новейшие американские станки, но в Питер с Мариуполя как везти?

— Да пока у нас нет водной транспортной связи — только вокруг Европы, а это долго и дорого. Ну чтож, приступайте к детальному проектированию. Про английский "Дредноут" Вы знаете. Хотя полных данных у нас по этому кораблю нет, ясно, что он превосходит все имеющиеся, броненосцы на голову. А следовательно ведущие морские державы скоро начнут строить нечто подобное, и не хотелось бы опять оказаться в отстающих.

— Ваше Величество, но пушки ещё не приняты! А если...

— Никаких если не будет! Новые орудия уже вовсю палят на полигоне, иногда и здесь слышно. Даже при внесении в их конструкцию изменений, на корабль это не повлияет. И постарайтесь учесть мое пожелание, по усилению бронирования. Если не борт, так башни и палуба. Я конечно дилетант в этом вопросе, но все-таки Император!

— Сергей Васильевич, Вы уверены в этих сведениях?

— Ваше Величество, все сведения, собираемые о лицах принадлежащих Высочайшей Фамилии проходят тройную проверку, понимаем, что не на мужика сиволапого и даже не на чиновника мелкого материл собираем. Информация о том, что Великий Князь Сергей Михайлович имеет профит от французов, в частности от Шнейдера, поступала и раньше. Но, только убедившись окончательно, я осмелился Вам доложить. Я хоть ни разу не артиллерист и вообще не военный, но данные испытаний, по мнению экспертов, однозначно свидетельствуют в пользу орудий Круппа. Генерал-инспектор делает заключение о преимуществе Шнейдера, после чего на его счета поступают деньги. Дают взятку даже особо не скрываясь.

— Жаль, я был о Сергее намного лучшего мнения. Придется его мягко отстранять, например в отпуск отправить, на курорт какой ни будь подальше. Более крутые меры нам

пока не по зубам, даже это отстранение придется продавливать. Он же не один там кормится?

— Остальные фигуранты намного более мелкие.

— Вот с ними можно по всей строгости, и делу польза и намек всем, что шутки кончаются.

— Ники, а ты не слишком круто поступил с Серго? Он, из-за своей опалы, сильно переживает!

— Дядя, ну какая опала, посуди сам, Сергей — несомненно, хороший человек, но мне на это месте нужен в первую голову артиллерист. Тем более никто его в отставку не отправлял, он в отпуске пусть и длительном. Поедет в Ниццу, развеется, отдохнет. А такие грубые вопросы, как пушки и снаряды, мы и сами решим. Ему это явно в тягость, а мы с тобой люди не столь утонченные, нам бы только пострелять. Лучше расскажи, как идет реформа в армии.

— С трудом. Офицерский корпус воспринимает унтеров не как младших офицеров, а по старому, как нижних чинов. Практика в войсках для курсантов военных училищ, что была введена на германский манер, вызывает резкое неприятие. Разве что на Дальнем Востоке новшества встретили положительно.

— Оно и понятно, там хоть и не полноценная война, но частенько стреляют. А под пулями быстро становится ясно, что правильно, а что нет. А как с артиллерией?

— Развертывание по новому штату идет медленно. Уж больно много пушек мы в войсках решили устроить. Не хватает как офицеров, так и обученных нижних чинов. Но потихоньку, с Божьей помощью, справляемся.

— Дядя, я думаю, что пора браться за реформирование гвардии. Как ты смотришь на то, что гвардейские полки будут передаваться под твоё подчинение? Не все сразу, постепенно, но надо эти авгиевы конюшни чистить.

— Ох, Ники, смотри, осторожнее с этим. Ты знаешь мое отношение к гвардейским бездельникам, но только попробуй их тронь, столько шума будет! Володька просто так их не отдаст, да и кроме него там серьезных фигур хватает, сопротивляться будут отчаянно!

— Ничего, не наскоком, а планомерной осадой мы своего добьемся. А ты уж постарайся сделать из этого сборища пьяниц действительно отборные войска.

— Ваше Величество, эти суммы для бюджета совершенно неподъемны! — Министр финансов Коковцев был искренне расстроен, отказывая Императору, но твердо стоял на своем.

— Владимир Николаевич, закупка химических заводов в Германии нам жизненно необходима — давил на него Николай.

— Но где брать деньги? На патронный завод наскребли, на станкостроительный уже выворачивали все карманы, больше просто нет! Поймите, Николай Александрович, все, что мы сэкономили на крепостном строительстве — съели железные дороги, сокращение армии обходится нам чуть ли не дороже содержания прежней. А морская программа!

— Владимир Николаевич, Ваш "плач Ярославны" я слышу регулярно, однако деньги Вы каждый раз находите. А еще говорят, что иудеи лучшие финансисты!

— Ваше Величество, я от такой жизни не то что в иудеи, я в буддийские монахи подамся. Буду медитировать на свой пупок и ни каких финансов! Но если без шуток, то денег

и правда нет.

— Вот реквизиты. На этот счет придет недостающая сумма.

— Государь, но откуда?

— Этого Вам лучше не знать.

1906г

Нижегородская губерния.

— Очередь! Банг! Бум! Банг! Бум! Банг! Бум! Стрельбу закончил!

Офицеры опустили бинокли.

— Какая прелесть эти новые германские снаряды! — произнес невысокий плотный артиллерист с погонами штабс-капитана. Леонид Николаевич Гобято, начальник полигона, не скрывал своего удовлетворения результатами испытаний.

— Ваши новые бризантные гранаты — жуткая мерзость! Мои саперы этот люнет четыре дня строили, а Вы его в несколько минут срыли! После такого обстрела защитникам этого укрепления обороняться будет просто негде.

— Защитники кончатся ещё во время пристрелки. Перелетные снаряды выкосят их всех осколками.

— Но укрепление построено согласно всем наставлениям! — начальник саперной части полигона Карбышев был сильно раздосадован.

— Дмитрий Михайлович, артиллерия развивается стремительно, а наставления написаны во времена Крымской кампании.

— Вы правы Леонид Николаевич. Ничего, к следующим стрельбам я что-нибудь придумаю.

Чух-чух-чух... Мимо них, отчаянно дымя проехал странный механический агрегат и пушки стали цеплять к нему орудие.

— И как Вам этот сухопутный пароход? — Карбышев указал на несуразную конструкцию.

— Лучше лошадей. И следить за ним, как за конями не надо, изобретатель рад-радешенек, что его наконец оценили. Он возле своего механического чудовища днюет и ночует. А к следующим стрельбам Вам никак не успеть, по плану они послезавтра.

Карбышев задумался.

— Скажите, каково тяговое усилие этого агрегата?

— Не знаю точно, но пушки таскает легко. Давайте у его создателя спросим.

— Федор Абрамович, а сможет Ваш механизм землю рыть, даже не рыть, а сгребать в кучу?

Блинов смущенно тер промасленные руки ветошью. Его сильно удивляло вежливое обращение господ офицеров к нему, пароходному машинисту. Он не знал, что проведя много времени в бесконечных переходах по степям и сопкам Желтороссии, офицеры "маньчжурцы" сильно изменили свое отношение к нижним чинам. Еда из одного котелка и ночевки у одного костра быстро сближают. А пули, летящие в них во время скоротечных стычек с хунхузами, делают тех, кто сражается рядом с тобой "своими" независимо от звания и происхождения.

— Вашбродь, в Англии локомотивы давно плуги таскают.

— Федор Абрамович, ну сколько можно повторять, без чинов. Вы лучше скажите, можно ли не плуг прицепить, а большой отвал, чтобы землю не вспахивал, а сдвигал?

Карбышев обошел вокруг паровика, попинал сапогом опорное колесо, потом достал бумагу и стал что-то рисовать. Гобято и Блинов заинтересованно заглядывали ему через плечо.

— Вот, смотрите, сюда крепим две клепаные балки, сюда — отвал. Едет вперед и гребет землю.

— А когда поедет назад, зацепится вот здесь.

— Надо балки закрепить шарнирно...

— А вот сюда зацепить трос и лебедкой поднимать отвал.

Блинов ткнул в рисунок пальцем, оставил масляное пятно и смутился.

Офицеры одновременно посмотрели на механика.

— А Вы голова! — уважительно протянул Гобято и потер руки в предвкушении новой интересной инженерной задачи — пойдемте же скорее в мастерские, не терпится попробовать.

На следующий день солдаты саперной роты были изрядно удивлены тем, что их работу по насыпке бруствера делает машина. А Федор Блинов был счастлив. Он знал, он верил, что его изобретение будет полезно. И его мечта сбывалась у него на глазах.

— Федор Абрамович, — к нему подошел Гобято. Штабс-капитан был серьезно озабочен — Надо Вам вторую машину строить, да машинистов на неё учить. А то эту Дмитрий Михайлович ни за что не отдаст, а мне пушки возить нечем.

В Императорском Политехническом Музее замызганный листок с масляным отпечатком пальца висит в рамочке под стеклом. Подпись гласит: "Первый чертеж первого бульдозера"

1906 г.

Санкт Петербург

— Антон Францевич, проходите, с нетерпением жду Вашего доклада.

Начальник Артиллерийского отдела ГУК, генерал-лейтенант Бринк открыл папку и хорошо поставленным голосом стал зачитывать:

— Ваше Величество, по программе перевооружения флота нами были разработаны орудия калибром 75мм, 105мм...

— Господин генерал-лейтенант, разве Вы не в курсе, что флот отказался от пушек менее четырех дюймов — резко перебил его Император — С кораблей снимают сотни стволов, и мы не знаем, что с ними делать. А Вы тратите деньги и время на разработку ненужного орудия!

— Государь, разрешите объясниться!

— Слушаю.

— Новая семидесятипятимиллиметровка изначально разрабатывалась как орудие экспериментальное. Это позволило применять различные новшества, отработать новые сплавы для ствола, новые замки и другие приспособления. Мы многократно переделывали конструкцию, и получили в результате пушку с невиданной доселе надежностью и скорострельностью. Благодаря этим экспериментам, последующая разработка пушек калибром 105 и 120 миллиметров прошла значительно быстрее и с меньшими затратами.

Многие технические решения были использованы и для более крупных орудий. В результате имеем сокращение, как расходов, так и времени.

— Понятно, Вы меня убедили, хотя подход оригинальный. А как с крупными калибрами?

— Шестидюймовка получилась вполне приличная. Там главная трудность была с заряджанием, но все преодолели. Теперь башенные орудия крейсеров не будут отставать в скорострельности от палубных. Пушки калибром восемь и десять дюймов сейчас проектируются. Мы с ними особо не спешим, зная, что кораблей с таким калибром в ближайшее время закладывать не будут. А вот двенадцатидюймовое орудие вышло — просто загляденье. Когда опытные образцы отстреливали, Степан Осипович чуть не пел от счастья. Четырнадцатидюймовку сейчас просчитываем, и она тоже обещает получиться удачной. Далее мы пока не заглядываем, хотя я уверен, что в будущем появятся пушки и большего калибра, но 356мм для наших заводов сейчас — это предел.

— Ну что же, спасибо за двенадцатидюймовки, успели вовремя. В этом году будем новые броненосцы закладывать.

— А все же, Ваше Величество, жаль, что флоту 75мм не нужна. Замечательная пушечка получилась.

— Может её на новые тральщики, мины расстреливать?

— Мины расстреливать из трехдюймовки — перебор. Кстати, для этих целей у нас другое орудие придумали. Двое молодых инженеров, вдохновившись всеядностью пулемета "Максим", сделали пулемет переросток, калибром 23мм. Когда испытывали свое детище, их спрашивают — для чего сей агрегат? Они говорят: "Не знаем, но стреляет здорово!" И тут, какой-то морячок и предложил плавающие мины из него уничтожать. Говорит — "Тральщик на волне качается, мина — тоже, из пушки пока попадешь, обычный пулемет её не берет, а ваш — запросто".

— А по весу этот пулемет как?

— Не тяжелее 57мм Гочкиса.

— Возможно и правда, полезным окажется. А пушку вашу замечательную в музей Артиллерийский поставим, как образец технического совершенства.

— Ваше Величество, она и правда совершенна. Представляете, полуавтоматический затвор с досылателем работают на любых углах заряджания, хоть по птицам стреляй.

— А Вы, Антон Францевич, слышали об американских воздухоплавательных опытах братьев Райт? Вот прилетят они к нам в Россию, чудеса свои показывать, а мы по ним шрапнелью, нечего тут летать!

ГЛАВА 6

1908г

Нижегородская губерния.

В погожий летний день, по проселочной дороге, на опушку леса выехали верхами два офицера в форме Русской Императорской Армии.

— Ну Дмитрий Михайлович, показывайте Вашу позицию. А то все от любопытства сгорают, что же это саперы вторую неделю роют. Говорят, что Вы решили устроить цветочную клумбу.

— Какую клумбу?

— А зачем ещё к вам водовозка ездит каждый день? Не иначе цветы поливаете! Так и где же Ваши укрепления?

— Они перед Вами.

Впереди простирался заросший травой луг, в полутора километрах от офицеров поднимаясь пологим склоном. Стрекотали кузнечики, над высокой травой мельтешили стрекозы. Далее, на горизонте темнел лес. Картина была идиллически-мирной. Никаких бастионов на поле не было.

Карбышев тронул коня.

— Леонид Николаевич, давайте проедем вперед, и Вам все будет ясно.

Когда они подъехали ближе Гобято смог разглядеть укрытые дерном брустверы. По всему склону змеились глубокие траншеи, местами перекрытые бревнами и засыпанные землей сверху.

— Обратите внимание на эти блиндажи. Они предназначены для установки пулеметов и укрыты бревнами в три наката. Со стороны фронта их защищает бруствер большой толщины, уязвима только амбразура, но в нее ещё попасть надо. А водой мы поливали дерн, чтобы не пожелтел и не выделялся.

В траншеях тут и там стояли чучела, связанные из соломы и обшитые дерюгой. У одного из чучел на голове была старая фуражка, и углем нарисованы унтерские погоны. На мешковине была сделана кривая надпись: "Фефебел Дур..." Далее надпись обрывалась. Очевидно, тут грамотею прилетело по затылку от вышеупомянутого фельдфебеля.

— Ну что же, постреляем. К нам как раз пришли новые орудия на проверку.

Спустя два дня все офицеры полигона собрались подвести итог испытаниям.

— ...Семидесятисемимиллиметровый шрапнельный снаряд по новым укреплениям абсолютно не эффективен. Бризантные гранаты этого калибра — тоже. Гаубица калибром сто пять показала себя намного лучше, но с блиндажами и она не справилась. Одно прямое попадание блиндаж выдерживает, а попасть два раза в одно место — сами понимаете, снарядов не хватит. Для уничтожения подобных укреплений нужен более крупный калибр. Или же надо подтаскивать пушку в упор и стрелять по амбразурам.

— У нас есть горная "Шкода". Пушка легкая, а щит большой. Если её подтащить поближе, прикрываясь щитом?

— Стрелки врага вам этого сделать не дадут. Неужели Вы думаете, что они будут просто так смотреть, как вы в поле с этой пушкой корячитесь?

— А если в поле выехать на передке? Выскочил, орудие с передка — долой, БАМ и нету!

— Вот Вы подпоручик, завтра и попробуете — подвел итог совещания Гобято.

Наутро все собрались смотреть на обещанное представление. Упряжка с орудием бешеным галопом вылетела на поле, лихо развернулась и...у пушки отвалились колеса. То, что эксперимент закончен было ясно. Молодой подпоручик смущенно топтался возле разбитого изделия богемских мастеров.

— Не зря я в отчете написал, что лафет у неё никуда не годный — подошел Гобято — Пушечка неплохая, а лафет слабый. Не продумали австрияки конструкцию. Везите её в мастерские, там что-нибудь придумаем.

— Как везти то Вашбродь, колеса-то поломатые?

Капитан оглянулся и увидел дымящий в стороне бульдозер.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вон на тот механизм сверху погрузите и довезете до мастерских.

Солдаты хоть и не сразу, но смогли взгромоздить разобранный трактор.

— Привяжите, чтобы не свалилась — крикнул Гобято и вдруг осекся. Ему вспомнился давний разговор в привокзальном ресторане "Я его привязал, чтоб не падал". Он отошел в сторону и глубоко задумался.

Вечером того же дня капитан Гобято горячо убеждал штабс-капитана Карбышева:

— Штурм Ваших укреплений пехотой абсолютно бесполезен. Их можно уничтожить только артиллерией крупных калибров. Учитывая, что такая артиллерия стреляет издалека, снарядов нужно просто немыслимое количество! Вот я и подумал, а если маленькую пушку поставить на трактор, да обшить броней, то можно подъехать поближе не боясь пулеметного огня.

— На наш трактор поставить ничего не получится, там все место паровой котел занимает. Я, правда, слышал об экспериментах с блиндированием автомобилей. Но там ставят только пулеметы, да и предназначены эти машины для движения по дороге. На поле боя они просто не проедут.

— Значит надо совместить "Бесконечные рельсы Блинова" с автомобильным мотором!

— Леонид Николаевич, Вы разбираетесь в керосиновых двигателях?

— Когда-то давно чинил один, с корабельного катера.

— Все равно, нужен специалист. Я напишу нашему общему знакомому, Алексею Золотареву. Он сейчас на Путиловском работает, пусть посоветует, к кому обратиться.

1908 г.

Санкт Петербург

Премьер-министр Российской Империи, а по совместительству министр внутренних дел Столыпин, вошел в кабинет и поздоровался с Императором и Наследницей, сидевшими за столом.

— Проходите, Петр Аркадьевич, располагайтесь. Мы с нетерпением ждем Вашего рассказа. Как вообще проходила Ваша поездка?

— Николай Александрович, в первую очередь меня поразила скорость, с которой теперь можно добраться до Дальнего Востока. Полторы недели в пути против полутора месяцев — это фантастика! Удивил также комфорт в поездке. Новые мягкие вагоны из Риги — просто чудо. А в сочетании с американскими паровозами получается приятное путешествие.

— Скоро начнут поступать новые паровозы с Коломенского завода. Эти локомотивы ещё быстрее, но продолжайте.

— А ещё я воочию убедился, насколько необозримы и пустынные эти земли. Государь, надо пересматривать переселенческую программу в сторону увеличения! Мною сделаны предварительные расчеты. В общей сложности, за десять лет, надо переселить не менее десяти миллионов человек. Из них пять-шесть в Желтороссию, а остальных в Приморье и Сибирь.

— Каково нынче население этих земель?

— Там нет и одного миллиона человек, и это на огромном пространстве! Живущие там

маньчжуры, дауры и прочие народы чрезвычайно немногочисленны. Сунгаринское казачество растет в числе быстро, но их тоже немного. Охотно остаются увольняемые солдаты, но и это капля в море. Пока на земле прочно не сядет русский крестьянин — эти земли нельзя считать русскими.

— А китайцы?

— Ханьцев там практически не осталось. После указа Императрицы Цыси был просто какой-то исход из этих земель. Правда часть их не ушла и подалась в хунхузы, но скоро и их не станет. Либо сбегут в Китай, либо будут уничтожены. Пока же беспокойно, постреливают. Нас в поездке сопровождал блиндированный поезд, так они пару раз палили куда-то.

— Ну, это они скорее перед Вами красовались, насколько мне известно, от железной дороги хунхузов давно отвадили.

— Скажите, а как вы помогаете переселенцам обосноваться на новом месте? — неожиданно подала голос сидевшая чуть в стороне Ольга.

Все, кто бывал на совещаниях у Императора, привыкли, что она молча сидит в стороне и только слушает, не вмешиваясь в разговор. Поэтому вопрос Наследницы престола несколько сбил премьеру с толку.

— Ваше Высочество, крестьянам выдаются подъемные...

— И где они, посреди степи будет покупать семена или инвентарь? Надо сразу выдавать минимально необходимое количество припасов, материалов и оформлять это в виде займа. Деньги можно и пропить, а с инструментами это сделать сложнее.

— Петр Аркадьевич, предложение моей сестры вполне разумное. Надо организовать закупки и перевозку сельхозинвентаря на государственном уровне. При этом деньги будут вкладываться в наши предприятия, что тоже принесет пользу. И ещё один нюанс. Если при переселении из центральных губерний мы используем в основном пряник, то для некоторых областей не стесняйтесь и кнут применить. В первую очередь это острова Моонзундского архипелага. Эти земли предназначены нами для строительства новой базы флота, и наличие местного населения там не предусматривается. Живущие на островах чухонцы занимаются рыбной ловлей. Вот и пусть ловят красную рыбу в Приморье вместо мелкой балтийской кильки. То же касается некоторых районов Лифляндии и Полесья, более подробные сведения Вам предоставят.

— А там что будет?

— Там будут обширные охотничьи угодья.

Столыпин удивился. Император не был замечен в сильном увлечении охотой. Но пожелание Государя — это приказ. Да и жители нищих белорусских деревень вряд ли будут сильно противиться переселению из своих поганных болот на плодородные земли Маньчжурии.

Николай никому не доверял свои планы в полном объеме. Больше других знали, в силу своей работы Игнатьев и Зубатов, но тоже не всё. Пограничная стража обустроивала рубеж по Западному Бугу и Неману "В целях предотвращения контрабанды из Царства Польского". Спецстрой строил железные и шоссейные дороги "В рамках программы развития Западных губерний" Генштаб проводил маневры "в местах Высочайше указанных", армейские магазины и склады строились в местах учений. А все вместе это образовывало проект "Засечная Черта". Мысль создать его пришла царю в голову, когда он размышлял о

том, что дружба с немцами рано или поздно закончится. "Дешевое сырье для Германской промышленности это хорошо, но ведь оно может быть и бесплатным, не правда ли?" А развитие русской промышленности неминуемо столкнет её в конкуренции с немецкой. Влияние "друзей" с Острова тоже не надо сбрасывать со счетов. Сторонники Великобритании есть как в Германии, так и в России. Они приложат все силы, чтобы столкнуть две Империи в противостоянии, выгодном англичанам. Следовательно, война неизбежна. Он конечно сделает все возможное, чтобы её оттянуть, но никакие усилия войну не отменят.

Будущая война, как в один голос говорили все военные теоретики, будет маневренной.

Крепости будут обходить наступающими войсками, и влияния оказать не смогут. Да и прикрыть крепостями полторы тысячи верст — никаких сил не хватит. Однако был в русской истории пример прикрытия протяженной границы. Это Засечная Черта, которая ограждала Русь от набегов с Юга. Конечно, начинать сейчас валить лес на будущей западной границе не стоит, но опытом предков можно воспользоваться. Известная русская беда может стать спасительной. Если нет дорог, не очень то и поманеврируешь. Достаточно выселить немногочисленное население Полесья и грунтовые дороги быстро зарастут, мосты обветшают без ухода, и местность станет непроходимой. Отсутствие населения не позволит фуражирам снабжать армию, все припасы придется вести издалека. Великая Армия Наполеона растворилась на Российских просторах именно из-за отсутствия снабжения. Этому процессу неплохо помогали русские партизаны. И здесь опыт предков нам поможет. Не мужики с топорами, а специально обученные войска, вроде егерей. Гусары Дениса Давыдова, только на новый лад. Они будут воевать так же, как и столетие назад — жечь обозы с фуражом, нападать на небольшие гарнизоны, в общем, сделают жизнь захватчиков неприятной, но короткой. А пока враг будет пробираться сквозь бурелом, кляня природу, начальство и партизан, Русская армия встанет на подготовленных позициях, имея в тылу сеть рокадных дорог и склады с припасами.

Для обеспечения потребностей импорта и экспорта хватит небольшого количества магистралей с увеличенной пропускной способностью. Эти дороги мы будем усиленно расширять, что скроет от иностранного наблюдателя все, что происходит в стороне от них. При наступлении, противник будет вытягиваться вдоль этих магистралей, следовательно, направление его ударов будет нам заранее известно. А раз известно, то можно на этом направлении построить, нет, не крепости, а небольшие укрепления, нанизав их как бусинки на нить, на полотно дороги. Они не будут иметь целью остановить врага, только задержать, а если противник вместо лобового штурма начнет их обходить по буеракам — скатертью дорога. Им бы ещё Сусанина в проводники, хмыкнул Николай. Кстати хорошая мысль. Надо спросить у инженеров можно ли создать болото там, где его раньше не было.

Пока же неспешно, незаметно грабилась Польша. Те предприятия, что можно вывезти — вывозились, те, что нельзя — меняли владельца, становясь собственностью безликих компаний с иностранными названиями. Ведь Польша, когда станет независимой, громко объявит о конфискации российского имущества "В компенсацию за многолетние унижения" Не оставлять же полякам во владение железную дорогу? Дорога эта будет в собственности шведской или швейцарской фирмы, чтоб соблазна отнять не было.

А главное, Польша лишалась людей. Энергичные и авантюрные ехали на Дальний

Восток, честные и смелые — шли в Российскую армию, умные поступали в университеты Питера и Москвы. Варшавский же университет подвергался всяческой дискриминации, преподаватели технических дисциплин сманивались. Вот и останется Польша без инженеров, зато с философами и историками. Они вам расскажут о великом прошлом и не менее великом будущем Польши. Заодно и объяснят, почему жрать нечего. Конечно жаль отдавать землю, политую русским потом и русской кровью. Но если не отрезать сейчас большую часть тела, завтра придется отрезать намного больше. Заодно и армия в случае войны не будет находиться "на польском балконе". Когда армия стоит в Польше, то у нее может быть только два варианта действий — немедленное наступление или поспешное бегство. Вариант первый приведет к потерям и, скорее всего к поражению, а следовательно превратится во второй. А уж если оставлять территорию, то лучше это делать без противника за спиной. Будущая политическая ориентация новообразованного Польского государства Николая совершенно не волновала. Поляки между собой договориться никогда не могли, а уж с другими державами и подавно. Если один пан пойдет воевать за Германию, то его сосед будет сражаться за Россию исключительно из чувства противоречия. Причем оба будут называть себя истинными патриотами Польши и клеймить оппонента за предательство. Такой союзник нам даром не нужен, пусть лучше у врагов под ногами мешаются.

ГЛАВА 7

1910 г.

Минская губерния.

Минутная стрелка чуть заметно двинулась. Пора! Неслышно скользнула в сторону дверь купе. Так, в коридоре пусто, вперед! Мягкое покачивание и стук колес, приглушенный свет. Каучуковые подошвы бесшумно ступают по ковровой дорожке. Из купе проводника доносится громкий храп — снотворное сработало, это хорошо. Темный тамбур. Чуть лязгнув, поезд сбавляет ход. Все рассчитано верно. Открыть дверь, спустится по ступенькам, закрыть её обратно. Прыжок в темноту, перекат, встать отряхнуться. Отлично, первый этап выполнен.

Он шел по опушке леса и довольно улыбался. Проникнуть на закрытую территорию оказалось не просто, а очень просто! Солнце уже взошло, щебетали птички и шумели деревья. Погода была прекрасной, и вообще жизнь удалась!

Его задание заключалось в оценке новых русских железных дорог. Пропускная способность, мосты, депо и прочее. Из окна вагона многого не увидишь, и он спокойно сошел с поезда на одном из полустанков и собрался все как следует рассмотреть на месте. Однако на перроне к нему подошел местный полицейский и вежливо поинтересовался, что нужно господину хорошему. На британский паспорт городской отреагировал, как ему поначалу показалось, правильно. Он козырнул и предложил проследовать за ним. Однако вместо того, чтобы отвести к здешнему начальству, которое и удовлетворит любопытство заморского путешественника, отвел в кабинет к какому-то жандарму. Жандарм радости от встречи явно не испытывал, смотрел злобно и задавал глупые вопросы. Что значит, с какой

целью? Как это закрыто для иностранцев? Что вы себе позволяете, я британский журналист! Но аборигены были непреклонны и посадили его на следующий поезд.

Ко второй попытке он подготовился более основательно. Паспорт на имя мещанина Почечуева, поезд, который проходит интересующий участок ночью, снотворное в чай проводнику. Прыжок прошел удачно, он ничего себе не сломал и не подвернул. Можно спокойно прогуляться по окрестностям и все разглядеть. Его заинтересовал странный куст сбоку от тропинки, по которой он шел. Подойдя ближе, он собрался его ткнуть подобранной палкой. В этот момент он увидел, что из куста на него смотрят чьи-то глаза, а потом в голове взорвалась бомба.

В себя он пришел от дикой боли в затылке. Охнув, он приподнялся и осмотрелся. На теле у него было только нижнее белье, а сам он лежал на голых досках, явно в тюремной камере. Сосредоточиться никак не получалось, так сильно болела голова. В темечко стучала всего одна мысль: "Сволочи! Нет, ну какие же сволочи!" Спустя какое то время загремели ключи, затопали сапоги, камеру наполнили какие-то люди. Ему посветили фонариком прямо в глаза, от чего он зажмурился, а потом достаточно бесцеремонно подхватили под руки и потащили по коридору. Наконец его привели в помещение напоминавшее кабинет, с дешевой казенной мебелью, и усадили на стул. Стул был жестким и неудобным, босым ногам было холодно. Сидящий напротив него за столом человек в мундире полиции хмыкнул и протянул бумажку с каким-то порошком и стакан воды. Он бездумно выпил порошок и через пару минут боль стала уходить, а в глазах прояснилось. Полицейский с усмешкой спросил:

— Ну что, очухался? Говорить можешь? Тогда рассказывай, откуда ты взялся, красивый такой.

— Я подданный Великобритании, Сидней Рейли. Очевидно, подвергся нападению бандитов. Что за дикая страна! Если Вы мне поможете добраться до английского посольства, буду очень Вам благодарен.

— Конечно мы Вам поможем! — полицейский был само радушие — вот только на парочку вопросов ответите и сразу поможем.

— Я бы хотел одеться. У Вас найдется какая-нибудь одежда для меня?

— Конечно, конечно, Ваша одежда Вас устроит? Ведь это ваша одежда? — полицейский открыл дверцу шкафа.

— Да моя, где я могу переодеться?

— Точно Ваша? А куда же делся житель Ананьевского уезда Херсонской губернии? В кармане этой одежды лежали документы на имя Ксенофонта Егоровича Почечуева.

— Не знаю никакого Почечуева, я британский подданный...

— Совсем недавно Вы были турецкоподданным — тон полицейского оставался таким же доброжелательным — Вот сами посмотрите — он достал из ящика стола фотокарточку — Только тут фамилия Массино написана.

— Соломон Розенблум, кончай Ваньку валять! — вдруг рывкнул кто-то сзади.

Сидней Рейли даже не вздрогнул. Ему было хорошо, он летал в облаках, согреваемый ласковым солнышком, а кабинет с жандармами остался где-то там, внизу.

— Слушай, Николай Иванович, похоже, ты с опиум переборщил. Смотри, как он улыбается!

— Да откуда мне знать, сколько давать надо было, доктор сказал: "Сильнейшее сотрясение, надо боль снять, вот порошок". Ну я и дал ему весь, а он сомлел, болезный.

— А кто это его так приложил?

— Петров, кто же ещё. Он как раз молодых натаскивал, а тут этот красавец идет. Ну он и показал, как ворогов задерживать надо. Филеры, что от поезда за англичанином шли только подбежать успели, а он уже готов.

— А правда, что Петров, когда он в Желтороссии служил, то с одного удара японского лазутчика, как его, синоби, насмерть положил?

— Врут наверное, хотя кто знает, всё может быть, японцы народ хлипкий, а рука у есаула тяжелая. Дежурный! Волоките этого субчика в камеру, да поаккуратнее! Проспится — продолжим.

1910 г.

Санкт Петербург.

— Ваше Величество, нами получены новые сведения, подтверждающие наши подозрения об английском следе.

— Сергей Васильевич, насколько Вы уверены в том, что это правда?

— Мы пятнадцать лет собирали информацию буквально по крупинкам. Теперь я могу со всей ответственностью сказать — это англичане. Покушение 96 года является результатом работы британских агентов, причем указания приходили с самого верха.

— Насколько высокого верха?

— Чтобы ответить на этот вопрос надо начинать охоту в самой Британии. Вы понимаете, что руководители высокого ранга сами на задания не ходят.

— Нет, лезть туда пока рановато. Но работу в этом направлении все равно продолжайте, может еще что всплывет.

1910 г.

Владимирская губерния г. Ковров.

В кабинете начальника Ковровского Оружейного Завода под потолком плавало облако табачного дыма. На большом столе громоздились папки с бумагами и рулоны чертежей вперемешку с недопитыми чайными стаканами. За столом сидели три человека в глубокой задумчивости. Причина задумчивости была в том, что у них не получалось. Не получалось у них то, что они считали главным делом своей жизни. Построить и запустить завод, добиться его нормальной работы у них получилось. Даже внести множество усовершенствований в продукцию у них получилось. А вот создать свое оружие, такое, которое прославит имя автора и Россию, не выходило никак.

Есаул Токарев поморщился, вспоминая, что ему сказали в Главном Артиллерийском Управлении.

— Вы пытаетесь придумать самозарядную винтовку. Мы прекрасно понимаем, что такое оружие, будь оно создано, изрядно увеличит мощь нашей армии, не ретрограды какие-нибудь, за наукой следим. Но Вам необходимо помнить, что новая винтовка не должна быть

существенно дороже старой — иначе мы просто не сможем оснастить её армию. Про вес и надёжность, надеюсь Вам напоминать не надо. Вот когда сможете сделать такое оружие — милости просим!

Начальник завода, Владимир Григорьевич Федоров, с отвращением затушил недокуренную папиросу и хлебнул остывшего чая.

— Господа конструкторы, давайте все же подведем итог наших посиделок. Меня жена уже заждалась, да и вам домой пора, задержались мы сегодня.

— Федор Васильевич, Вам следует начать отрабатывать газоотводную схему. Новые виды винтовочного пороха дают меньше нагара, и мне кажется, должно получиться.

— А старые наработки, что просто выкинуть? — Токареву было обидно до слез — столько лет работы зря!

— Почему выкинуть, там много полезного, например магазин. С завтрашнего дня и начинайте.

— Теперь о Вас Василий Алексеевич. Точнее об оружии для пилотов и шоферов. Последняя модель магазина для Браунинга была, я бы сказал, несколько несуразной.

Магазин на двадцать патронов, созданный по требованию министерства, торчал из рукоятки пистолета чуть ли не на полметра.

— Владимир Григорьевич, они сами не знают, чего хотят! — старший оружейный мастер завода Дегтярев развел руками — требуют пистолет с огневой мощностью пулемета!

— Давайте мы с вами сами сообразим, что же им надо. Для вооружения экипажей броневых автомобилей и пилотов дирижаблей нужно оружие меньшее, чем винтовка, но большее, чем пистолет. Кроме того, им необходим магазин большой емкости. Вес оружия особой роли не играет — им его носить на себе не придется. Получается короткий самозарядный карабин под пистолетный патрон. Вот смотрите — Федоров быстро набросал эскиз — Раз оружие тяжелое, приклад делаем нормальный, а не приставной, магазин — не в ручке, а впереди.

Токарев с Дегтяревым склонились над рисунком.

— Владимир Григорьевич, какую автоматику Вы думаете применить?

— Самую простую, свободный затвор. Раз она на пистолетах работает, то здесь без жесткого ограничения по массе, будет работать ещё лучше. Кстати, при увеличении веса затвора, станет возможен не только самозарядный, но и автоматический режим огня. Вот и получается, как Вы его назвали Василий Алексеевич, пистолет-который-пулемет. Все, хватит на сегодня, завтра жду вас с новыми предложениями, а сейчас — по домам.

На следующий день конструкторы пришли с эскизами будущего оружия.

— Вы что, по ночам работаете? Это вы господа бросьте, мне ваши головы днем свежие нужны! — ворчал Федоров — ну показывайте.

— Федор Васильевич, по моему будет лучше, если газоотводную трубку перенести вверх. Вот так — Федоров сделал набросок — у Вас упростится вот этот узел и вот этот. Понятно? Тогда действуйте. А что у Вас, Василий Алексеевич? Гм, неплохо, но боюсь будут проблемы с пружиной магазина. У нас, на опытном производстве, её конечно сделают, но даже для малой серии это не реально. Возможно, надо попробовать сделать магазин с часовой спиральной пружиной. Их то у нас в России делать научились.

Когда все вопросы были решены и конструкторы собрались уходить, Дегтярев достал из

кармана конверт.

— Владимир Григорьевич, мне тут знакомый оружейный мастер письмо из Харбина прислал. Когда войсковые испытания Вашего автомата закончились, ему в мастерскую принесли полсотни стволов. Мол оружие есть, а патронов к нему нет, придумай что-нибудь. Он и придумал. Выточил в казенник вкладыш под патрон Арисаки. Там у них этих патронов полно.

— И что же из этого вышло? — невесело спросил Федоров. Автомат, в создание которого он вложил душу, после испытаний был напрочь отвергнут.

— Неплохо вышло, автомат вполне надежно стреляет, вот сами почитайте.

Когда подчиненные ушли, оружейник прочитал письмо и схватился за голову. И было от чего. Автомат, кустарно переделанный на допотопный японский патрон, работал лучше, чем со штатным боеприпасом! Почему? Так понятно почему — патрон Арисаки намного слабее, нагрузка на механизм меньше. Отчего же нет жалоб на ухудшение баллистики? Ведь у японского патрона она намного хуже! Федоров вытащил из шкафа все отчеты по испытаниям и стал их перечитывать, делая выписки. Спустя пару часов он устало откинулся на стуле. Статистика говорила, что его оружие применяли на дистанции не более трехсот метров, следовательно, великолепная баллистика его патрона оказалась неостребованной. А это значит, что надо делать новый патрон, по мощности примерно как у Арисаки, но конечно более совершенный. Конструктор обложился справочниками и углубился в расчеты.

Разве мог оружейный мастер из Харбина, чье имя так и осталось для истории неизвестным, предполагать, что его письмо коллеге, с описанием технического курьеза, перевернет всю российскую, да и мировую оружейную промышленность? А именно такой переворот совершил, созданный Федоровым, патрон 6.5x40. То ли предвидение гениального русского оружейника, то ли слепой случай, сделали его детище идеальным "промежуточным" патроном. Неоднократные попытки многочисленных конструкторов сделать что-то лучшее, изменив калибр, приводили к обратным результатам. Патрон же Федорова, и через сотню лет оставался в строю. Естественно, за эти годы он прошел многочисленные модификации, но, тем не менее, можно было взять из музея автомат образца 1912 года и, зарядив его наиновейшими патронами, уверенно "поражать живую силу противника".

1910 г.

Остров Эйзель.

Памяти майора Александра.

Серо-зеленый холм выбросил четыре длинных языка пламени, и наблюдатели на соседней возвышенности вскинули бинокли. Далеко, у самого горизонта, маленькая черточка миноносца тащила длинный и низкий щит. Водяные всплески встали позади мишени. Спустя полминуты все повторилось. После каждого залпа упругая воздушная волна толкала стоящих людей, пытаясь опрокинуть их на землю. Несмотря на изрядное расстояние, удар дульных газов был весьма чувствителен. На этот раз два снаряда легли

недолетом, а два — перелетом.

— Однако Александров мастер! — сказал один из наблюдателей — со второго залпа накрытие!

Третий залп дал попадание в щит. Четвертый тоже дал попадания, но два или три было не ясно, так как щит развалился, и стрельбу на этом закончили.

— Давайте спустимся вниз, господа — негромко произнес невысокий молодой человек в офицерской форме без знаков различия. Простое русское лицо, кроткая бородка. Мужчина, благодаря непримечательной внешности, мог легко затеряться в толпе. Правда, совершенно седые виски и тонкий шрам на лбу, уходивший под прическу, говорили о том, что этот человек в своей жизни успел хлебнуть лиха.

— Ваше Величество, надо было с самого начала стрельб быть на КП — с раздражением пробурчал пожилой адмирал с одышкой пробираясь меж кустов голубики — там и оптика, видно лучше, и от стрельбы не глохнешь...

— Степан Осипович, не ворчи — улыбнулся Император — Не хотелось смущать стреляющих. Твой же ученик тут командует. Будешь хвалить за отличную стрельбу?

— Вот когда будет первым снарядом вражескому адмиралу в глаз попадать, тогда и похвалю, а пока не за что. Им еще учиться и учиться!

Внизу холма был неприметный провал в земле, укрытый кустами. Там их встретила блестящая свежей краской бронедверь и часовой в парадной форме. По бокам двери, из амбразур, злобно смотрели тупые рыла пулеметов.

Потом было торжественное построение, молебен, долгий осмотр батареи. Инженеры водили Николая по бесконечным подземельям и с восторгом рассказывали о непробиваемой толщине сводов и об орудиях ужасающей силы и безотказности. Первая батарея Моонзундского рубежа вступила в строй.

1910 г.

д. Инютино Нижегородской губернии.

Ранним весенним утром в деревню Инютино приехал участковый пристав, Александр Сергеевич Завьялов. Несмотря на столь литературное имя, личностью он был совершенно не романтической. Любил выпить, брал на лапу по мелочи и неудовольствие свое проявлял обычно кулаками. Явление столь высокого начальства деревенского старосту, Ивана Фомича Перепелицына, изрядно напугало. Ведь не просто так в забытую богом деревеньку спозаранку притащился полицейский чин, да ещё со стражниками. Неужели о порубке леса узнал? А как его не рубить, если дерево в хозяйстве потребно, а про барина вот уже сколько лет ни слуху, ни духу?

Однако пристав уличать крестьян в грехах, истинных или мнимых не спешил, водочки откушать соизволил, да и закусить не побрезговал. Такое поведение грозного начальства внушало определенную надежду.

— Есть у меня для тебя, Иван Перепелицын, важные указания, с самого верху! — пристав хрустнул огурчиком и значительно показал пальцем в потолок. Староста внутренне похолодел. Если уж сверху на них внимание обратили, то точно, жди беды.

— А чтобы два раза не повторять, зови сюда ссыльного, как его, Богатырева. Да, вот ещё. Есть у вас в деревне солдаты отставные, кто недавно пришел?

— Есть, Вашеблагородие, Никодимов, из унтеров по увечью списанный...

— Вот его тоже зови.

Староста высунулся в сени и крикнул.

— Мишка! Скубента и Хромого позови! Одна нога здесь — другая там! Быстро!

Вызванные появились и правда быстро, не прошло и пяти минут. Первым вошел отставной унтер, среднего роста, плотный, в солдатской гимнастерке и цивильных штанах. С достоинством поклонился и не торопясь перекрестился на иконы в углу. Появившийся за ним ссыльный, высокий, худой, в студенческой шинели с эмблемами Высшего Императорского Училища вел себя совсем по другому. Он явно нервничал и ничего хорошего от вызова не ждал.

— Значится, так — пристав оглядел вошедших, сделал для себя какой-то вывод и уперся взглядом в старосту. — Сеяться в этом году вы не будете.

— Это как, Ваше Благородие? — староста от такой новости аж рот открыл.

— А вот так! Пасть захлопни! Переселяют вас — Новость явно не вызывала у Александра Сергеича энтузиазма, раздражение так и выплескивалось наружу.

— Куда?

— На кудыкину гору. Как озимые уберете, так и поедете. В Желтороссию.

— Это где?

— Далеко. Всю Сибирь проедете, вот там она и будет.

— Батюшка помилуй! — Иван Фомич грохнулся на колени — За что?! Мы того лесу всего ничего порубили, неужто за такую малость сразу в Сибирь? Защити нас, отец родной, а мы уж не покусимся...

Завьялов махнул рукой, словно мух отгонял.

— Что ты несешь, какой лес? Переселенческая программа, будь она неладна. Распоряжение самим товарищем министра подписано, все уже давно решено. А мне, будто делать нечего, "организовать с наивозможным прилежанием" — передразнил он фразу из документа.

— Так что не ной. Садись и слушай внимательно, дважды повторять не буду. Вам будут выделены подводы из расчета две на семью. Они вас до станции довезут, а там уж не моя забота. Дату скажут позднее, но вы должны собраться заранее, поезд ждать не будет.

— Позвольте — Богатырев явно волнуясь нервно ломал пальцы — Как такое возможно, взять людей и послать неведомо куда...

— А Вы, господин народный заступник, поедете вместе с ними — пристав полез в планшетку и достал из нее документы — Вам место ссылки изменяется. Хотя что-то хорошее для меня, одной заботой меньше. Вы ведь тут детишек грамоте учите, так?

— Да, обучаю. Это же не запрещено...

— Вот и будете там, в Желтороссии их обучать. В тех краях учителей не хватает, и у Вас есть возможность занять вакансию в школе. И пусть уже тамошние полицейские смотрят, чтобы Вы их чему плохому не научили.

— Теперь ты — пристав ткнул пальцем в сторону отставника.

— Младший унтер-офицер Никодимов, Вашеблагородие! — вытянулся тот — Второй Пехотный Софийский Полк.

— Уволен почему?

— На учениях передком орудийным придавило, нога срослась плохо — погрустнел унтер — списан вчистую...

— Рекрутов учить доводилось?

— Так точно, доводилось.

— Значит справишься. В тех местах, куда вы поедете, пошаливают. Поэтому есть указание организовать в деревнях ополчение. Ты должен дюжину мужиков, а лучше парней молодых. обучить обращению с оружием...

— Это что же, нас в казаки запишут? — подал голос староста.

— Нет, останетесь вы крестьянского сословия. Просто в каждой деревне будет отряд самообороны, для защиты от бандитов тамошних, как их... хузузов. А захочешь в казаки, так иди в Круг, бей шапкой о землю, решит атаман — будешь казаком. Там казачество новое, людей принимают.

— Ваше Благородие, а как мне учить-то, на словах я все объясню, но надо же и винтовку в руках подержать, а откуда у нас в деревне винтовка возьмется? — заволновался Никодимов.

— Пойдешь во двор, у моих в бричке получишь берданку и патроны — объяснил пристав — на обучение хватит. А уже там, на месте, как покажешь тамошнему начальству, что люди обучены, так и получишь оружие и припас к нему. Вам вообще много чего дадут от казны. И смотри у меня, не дай Бог узнаю, что браконьерством занялся! Все, иди, да расписаться за полученное не забудь.

— А с тобой, Иван Перепелицын, мы сейчас поговорим о незаконной порубке казенного леса.

— Почему казенного, Вашеблагородие? Ведь он барону Бергу принадлежит...

— Барон эти земли давным-давно заложил. А казна все это выкупила, так что имеем мы порубку государственной собственности!

— Ну надо же, на пустом месте нашел — подумал Завьялов. — Я о той порубке и не слышал, а староста сам проболтался. А то, что лес казенный, а не какого-то баронишки, поднимает размер mzды, которую я сейчас с них сдеру. Есть, есть в этой жизни справедливость!

ГЛАВА 8

1914г

Санкт Петербург.

Император Николай Второй просматривал утреннюю прессу. Французские печатные издания вышли с аршинными заголовками: Восстание в Польше! Освобождение от векового рабства! Не дадим задушить свободу! Британские заголовки были меньше размером и сочились злорадством: Русский медведь сел в лужу! Россия не может подавить восстание в Польше! Вся Варшава вышла на митинг! Немецкие газеты обсуждали заседание рейхстага, новый бюджет и поездку Кайзера в Гамбург. О беспорядках в соседних странах писали мелким шрифтом внизу полосы. Российские газеты соблюдали на эту тему полное молчание, как будто ничего и нет. Никакой цензуры — просто грамотная работа с хозяевами и редакторами. В Австрийских газетах подобного единодушия не наблюдалось. Венские были полны панических воплей: Что же это делается? Куда смотрит правительство? Пражские

газеты обещали своим читателям скорые перемены, и не в лучшую сторону. Венгерские хором кричали: Доколе! Братя славяне восстали, а чем мы хуже? Вспомним славный сорок восьмой год!

Николай отодвинул стопку газет и открыл папку с донесениями. В Варшаве все спокойно, демонстрации проходят организованно, тех, кто впадает в ажиотацию быстро успокаивает полиция. Передача функций управления тоже идет без сбоев. Не удивительно, столько лет готовились! В Кракове восстание серьезного сопротивления не встретило. Австрияков аккуратно разоружили и отправили восвояси. Чешские части отправлялись домой так же без оружия, немногие сопротивляющиеся австрийские офицеры были быстро нейтрализованы. Венгерские гонимые, напротив, грузились в поезда со всем оружием и снаряжением. Здесь непонимания тоже не возникало.

1914 г.

Окрестности г. Краков.

Шоссе пересекало небольшой городок и дальше шло по полям, скрываясь за невысоким холмом. Обочины были в беспорядке заставлены повозками и автомобилями, вокруг сустились солдаты в русской форме с двухцветными, красно-белыми повязками на рукавах. Поодаль стояла группа офицеров, с такими же повязками, и о чем-то громко спорила. Из-за крайнего дома вышли две женщины и направились к офицерам. Разговоры стихли, все обернулись к подходящим дамам. Вернее к первой высокой и худой женщине в когда-то роскошном, но уже лет двадцать как вышедшем из моды платье. Вторая, шедшая чуть позади, молодая и смешливая девица, была явно служанкой.

— Я баронесса фон Штюльпнагель — заявила дама по-французски с каменным выражением лошадиного лица — потрудитесь объяснить, господа офицеры, что тут происходит!

Офицеры замялись, переглядываясь. Молодой подпоручик в кожаной куртке бросил руку к виску.

— Мадам, позвольте представиться, подпоручик Цибульский! Армия Польши совершает освободительный поход!

— Какой такой Польши? — громкости голоса баронессы мог позавидовать любой фельдфебель — на вас русская форма, а никакой Польши в природе не существует!

— Никак нет мадам! Раз совершает поход, значит существует! Всегда к Вашим услугам, мадам, подпоручик Полонский! Честь имею!

Офицеры отворачивались, с трудом сдерживая смех. Служанка строила глазки. Столько военных кругом, ах как это романтично!

— Вы только что сказали Цибульский! Это безобразие! Где полиция? Я немедленно иду к бургомистру! Ханка, за мной! — баронесса развернулась и с достоинством удалилась, а офицеры так называемого польского корпуса, отсмеявшись, вернулись к своим невеселым размышлениям.

Подвижные части из кавалерии и пехоты, посаженной на грузовики, стремительно пронеслись по дорогам, не встречая никакого сопротивления. А вот колонна снабжения наткнулась на австрийцев, которые вылезли неизвестно откуда и теперь перекрыли шоссе.

— Надо собрать всех солдат, и стремительной штыковой атакой выбить противника из

фольварка! — вещал пузатый интендант — если мы не доставим припасы вовремя...

— Там до батальона пехоты с пулеметами, и они успели укрепиться. У нас же сплошь нестроевые, толку от Вашей стремительной атаки — передразнил интенданта подпоручик.

Интендант начал наливать кровью.

— Да как Вы смее...

Нарастающий скандал прекратил громкий лязг и противный металлический скрип, который донесся из-за поворота. Все заинтересованно повернули головы. По дороге со скоростью пешехода двигались четыре несуразные клепаные коробки, сверху укрытые брезентом.

— А, бронеходы — разочарованно сказал один из офицеров — Они вместе с передовыми частями выступили, но безбожно отстали, мы их сегодня утром обгоняли.

Новая техника, появившаяся в войсках накануне "освободительного похода", поначалу вызвала немалый интерес. Непонятные машины не несли видимого оружия, и назначение их было неизвестно. Близко к ним никого не подпускали, и всем оставалось только гадать, для чего они предназначены и что скрывается под брезентом сверху. Предположения высказывались разные — от крана для погрузки неизвестно чего до огромного рупора, который как Иерихонская труба напугает врага. Когда начался марш, то своими непрерывными поломками бронеходы вызвали массу насмешек со стороны обгонявших их войск, а первоначальный интерес сменился пренебрежительным отношением к бесполезным и обременительным механизмам.

Машины поравнялись с офицерами и остановились. В головной сзади открылась дверца и из нее выбрался поручик в такой же кожанке что и у шоферов. Он, широко улыбаясь, подошел к собравшимся.

— Рад снова всех видеть, господа офицеры! Неужели мы вас догнали, самому не верится! А в чем причина остановки?

— Впереди в фольварке укрепился австрийский батальон с пулеметами. Дорога перекрыта — мрачно отозвался подпоручик — Стоим ждем, когда боевые части подойдут.

— Понятно, ну тогда мы поехали — ответил поручик и под изумленными взглядами пошел к своим механизмам. Сверху агрегата с лязгом открылся люк. Поручик вылез из него по пояс и стал, как заправский матрос сигнальщик, размахивать флажками. Из машин выскочили механики и быстро сдернули брезентовые чехлы, укрывавшие до этого верхнюю часть. Потом все четыре бронехода дружно взревели, выпуская клубы вонючего дыма, и двинулись по дороге.

— А у них, оказывается, пушка есть — удивленно протянул кто-то.

Заинтересованные офицеры вышли к крайнему дому и стали наблюдать за действиями бронеходчиков. Машины проехали по дороге ещё с полверсты, когда их командир снова замахал флажками, а потом убрался в люк. Бронеходы медленно скатились с дороги и, образовав что-то наподобие нестройной шеренги, двинулись вперед. Австрийцы видимо наблюдали за странными эволюциями с не меньшим изумлением. Когда до фольварка осталось метров семьсот, то он будто взорвался ружейным и пулеметным огнем. Нелепые коробки продолжали ехать. Проехав ещё немного, они остановились. Огонь австрийцев стал стихать. Было непонятно, нанес ли он какие либо повреждения машинам или нет. А потом один из бронеходов бухнул своей пушкой, и из окна усадьбы выбросило клуб дыма. Потом

ударило второе орудие, за ним третье и четвертое.

Через пятнадцать минут из пылающего как стог фольварка выбегали австрийские солдаты и, бросив винтовку, поднимали руки.

Из приказа по восьмой армии

...п.6 Собрать со всех участников и свидетелей события у н.п. Bielitz отчет и подписку о неразглашении...

Из статьи в английском журнале Военное обозрение

...Действия так называемого "Польского корпуса" четко продемонстрировали нам все характерные признаки будущих войн — отсутствие линии фронта, высокую скорость и маневренность. Совмещение кавалерии, пехоты на автомобилях и броневиков — вот облик войск будущего. Однако русские опыты в моторизации армии не обошлись без курьеза. Попытка совместить мотор и пушку кроме смеха ничего не вызывают. Ведь любому образованному человеку ясно, что стрелять на ходу из пушки, в отличие от пулемета невозможно! Пока сей аппарат едет — пушка бездействует. Когда же он доставит пушку на позицию, ненужным становится мотор. Буксировка орудий грузовиками — дело, несомненно, полезное, грузовик, отвезя пушку, может ехать дальше перевозить людей или припасы. Русским же, чтобы убедиться в этой несложной истине, потребовалось наступить на грабли. Как известно, русские "бронеходы" ни в одном бою не участвовали, так как все время ломались и отставали, и кроме проблем ничего своим создателям не принесли. В том и заключается преимущество цивилизованного европейца перед отсталыми народами, что он думает головой, а дикарям все надо потрогать!

ГЛАВА 9

1914г

Северное море.

Лейтенант ХЗФ фон Винкель в раздражении опустил бинокль и скомандовал.

— Курс 283, ход полный.

Впереди на волнах покачивался небольшой пароход под британским торговым флагом.

Флаг торговый, а на палубе полно людей в офицерской форме, расставляющих треноги фотоаппаратов.

— Ваш курс ведет к опасности, район закрыт для мореплавания, проводятся маневры! - Замигал прожектор миноносца.

— Королевский флот ходит, где хочет — пришел ответ, и пароход задымил сильнее, наращивая ход.

— Обнагтели совсем лайми, носовое, один снаряд, предупредительный, впереди по курсу!

Коммодор Реджинальд Тэрвитт находился на мостике крейсера Его Величества "Аретуза", когда корабль вышел из полосы тумана. Ему открылось возмутительное в своей невозможности зрелище: германский миноносец обстреливал британский пароход. Реакция Тэрвитта была мгновенной.

— Открыть огонь!

Это был не бой, это было избиение. Кусок рваного железа, который ещё недавно был красивым и быстрым корабликом, скрылся в волнах, но в эфире успела пропеть морзянка "Я Эс-восемнадцатый, веду бой с английским крейсером, координаты такие-то, погибаю, но не сдаюсь, прощайте товарищи!" И не успел коммодор осознать, что же он сотворил, как возле борта "Аретузы" поднялись гигантские водяные столбы.

Контр-адмирал Франц Хиппер не собирался допускать, что бы кто-то безнаказанно топил его корабли. Ситуация сменилась на противоположную. Одиннадцатидюймовые снаряды рвали английский легкий крейсер как бумажный. Когда из тумана выскочили отставшие мателоты несчастной "Аретузы", они увидели страшную картину. Их флагман с разбитыми надстройками и горящей кормой зарылся носом, потом накренился и мгновенно исчез под водой. Крейсера открыли частый огонь, но всем было ясно, что время их нахождения на поверхности моря исчисляется минутами. Командир "Фазтона" Камерон первым сообразил, что бодаться с бронированными монстрами — не их задача. Он поднял сигнал "Следовать за мной" и рванул в сторону, разрывая дистанцию. Легкие крейсера, развив полный ход, отвернули вправо и скрылись в тумане, оглашая эфир паническими воплями "Вероломное нападение! Помогите, хоть кто-нибудь!"

Вице-адмирал Сэр Дэвид Битти читал донесения, полученные по радио и наливался дурной кровью. "Джерри совсем обнаглели, они забыли, кто в море хозяин!"

— Сеймур, приказ по эскадре: курс 120, приготовиться к бою! Да, и сообщите об этом в Адмиралтейство.

Флаг-офицер Ральф Сеймур своей должности совершенно не соответствовал. Если адмирал отдавал невнятный приказ, Сеймур доводил его до подчиненных дословно. Если же приказ был четок и лаконичен, то он умудрялся так его перевернуть, что командиры кораблей долго соображали, а чего же хочет от них начальство. Несмотря на это Битти тащил его за собой по карьерной лестнице, давая всему флоту повод для шуток. И в этот раз Ральф Сеймур не изменил себе. В Адмиралтейство ушла депеша "Легли на курс 120"

Лорды Адмиралтейства послали эскадру Битти в Северное море демонстрировать флаг и следить за русско-германскими маневрами. То, что лихой адмирал начнет там воевать, им и в страшном сне не могло присниться. А когда до них, наконец, добралась информация, случилось то, что случилось.

Серая хмарь висела над морем. Она непрерывно меняла свои очертания, то опускаясь к самой воде, то вдруг вздергиваясь вверх. Кисейные пологи тумана, как театральные занавесы, то отгораживали какой-то участок поверхности, то, повинаясь приказу неведомого режиссера, раздвигались в стороны, давая обзор до самого горизонта. У человека, который смотрел на беспрерывно колышущийся туман и бегущие мимо волны с мостика "Измаила", создавалось впечатление, что корабль стоит на месте неподвижно, а мимо него проносятся в непонятном танце мутные сказочные фигуры.

Контр-адмирал Хлодовский, стоя на левом крыле мостика, ничего не делал и размышлял о засилии немцев в России. Размышления эти были вызваны фамилией офицера связи от германцев — фон Ливен. "Вот никуда от них не денешься, у нас Ливен, у них Ливен..."

Если бы у Хлодовского спросили, что конкретно ему не нравится, он бы вряд ли нашел, что ответить. То, что фон Ливен (наш, а не немецкий) дурак, и так всем известно и к его происхождению отношения не имеет. То, что командир "Кинбурна" фон Эссен, один из лучших его подчиненных, и при этом демонстрирует совершенно не немецкие черты характера (излишнюю лихость обрусевшего шведа приходилось частенько окорачивать) тоже с его фамилией никак не связано. Просто тянет иногда интеллигента порассуждать об "инородцах, пьющих кровь из матушки России". Естественно про себя, начини такое вслух говорить — дураком ославят и руки подавать не будут.

На учениях ему, командующему быстроходным крылом "северных" была поставлена задача — обнаружить "южных" и завязать бой. "Большие крейсера" Хиппера обнаружил в разрыве тумана глазастый сигнальщик. Матроса ждала лишняя чарка вечером, а Хлодовский представлял, как он красиво подрежет немцам нос, и собирался поднять флажный сигнал "Приветствую союзника. Вы обстреляны анфиладным огнем и понесли потери" Погода с полосами тумана благоприятствовала подобным тактическим изыскам.

Порыв ветра донес до него глухое буханье орудийных залпов. "Куда это немец палит, минные учения, что ли устроили? Нет, судя по звуку это главный калибр, странно" Он услышал дробный топот ботинок по трапу и, обернувшись, увидел вышеупомянутого Ливена. Лицо немца показалось ему ещё более вытянутым и бледным чем обычно. Офицер молча протянул бланк радиогаммы. "Веду бой с английской эскадрой. Координаты...Курс...Их — восемь, нас четверо"

Хлодовский метнулся в рубку.

— Румб вправо, ход полный. Боевая тревога!

Франц Хиппер понимал, что они влипли, влипли серьезно. Немецкие корабли крепко сделаны, и быстро ходят, но слишком велико превосходство противника. Они не успеют оторваться до того, как англичане собьют эскадре ход. "Как бы сегодня купаться не пришлось" подумал он.

— Русские — раздался крик сигнальщика.

Адмирал бросился к смотровой щели, пытаясь разглядеть, что происходит в хвосте колонны, но за дымом ничего не увидел. Плюнув на безопасность, он выбежал из рубки на мостик. "Что он творит, Нельсоном себя возомнил?" Франц Хиппер оторопел от увиденной картины. Русские линейные крейсера на полной скорости пересекли курс немецкой эскадры под кормой и шли на сближение с англичанами. Подошедший связист отрапортовал:

— Радиогамма от русских!

Хиппер прочел: "Держитесь, я отрежу им хвост", и подумал что купаться, возможно, и не придется.

Появление новых игроков на поле боя сильно ослабило огонь по немецким кораблям, дало им возможность перевести дух. Флагману русской эскадры, линейному крейсеру "Измаил" от этого было не легче. Когда они вышли из очередной полосы тумана за кормой у

немцев, Хлодовский собирался повернуть налево и встать союзникам в кильватер, но увидев, что два концевых англичанина разорвали дистанцию до остальной колонны, он скомандовал:

— Курс прежний. Держать самый полный ход. Огонь попарно по двум крайним.

И теперь русская эскадра сокращала дистанцию с противником, а её головной корабль шел сквозь лес водяных столбов и периодически вздрагивал от попаданий. "Хорошо, что идем под острым углом", подумал адмирал, есть шанс, что бортовая броня выдержит. Ему показалось, что он сидит внутри огромного колокола, который гудит, гудит, громко и нескончаемо гудит. "А почему это я сижу, вроде только что стоял" удивился он.

Все вокруг воспринималось кусками, какими-то обрывками реальности. Вот рулевой, тряпичной куклой повис на штурвале. Вот он сам пытается встать, но руки и ноги скользят по чему-то липкому. Вот над ним склонилось чье то лицо и беззвучно раскрывает рот. А потом все пропало.

"Инвинсибл", шедший вторым с конца английской колонны, в самом начале боя получил от немцев два снаряда и более не обстреливался. Первый попал в носовую оконечность и особого вреда не нанес. А вот второй фугас взорвался прямо в трубе, на бронеколосниках, защищавших дымоход. Теперь труба напоминала плохо скрученную папиросу, а в кочегарке механики лихорадочно вводили в строй поврежденные котлы. Линейный крейсер и до этого с трудом державший эскадренный ход стал задыхаться как астматик и все больше отставать. Когда из тумана вынырнули русские и пошли наперерез, все произошло очень быстро. Сначала корабль несколько раз подряд вздрогнул, потом дернулся вправо, а потом палуба ударила по ногам, роняя людей и ломая им кости. Шедший концевым "Индомитэйбл" принял левее, обходя дымное облако на месте мателота и вдруг, как дракон, выпустил два длинных языка пламени из амбразур носовой башни. Все, кто в этот момент находились в рубке английского корабля, дружно взмолились. "Только бы не погреба, только не погреба!" Их молитва услышана не была. И над морем поднялся ещё один жуткий гриб, сотканный из дыма и огня.

И теперь "Измаил" катился влево в неуправляемой циркуляции, а на месте двух английских линейных крейсеров расплывалось масляное пятно и болтались на волнах мелкие обломки.

Во время учений русские легкие крейсера разделились попарно и выполняли поиск условного противника. А потом последовал град сообщений, который мог вогнать любого в ступор, если задуматься. К счастью, задумываться было некогда. Крейсера, распластав по морю длинные дымные шлейфы, неслись туда, откуда доносился жуткий рев главного калибра линкоров.

"Витязь" и "Боярин" вышли из туманной дымки практически одновременно, держа строй правого пеленга. Матвей Бакатов, старший артиллерийский офицер "Витязя", находился в своем насесте на верху трехногой мачты и сразу увидел всю картину сражения. Впереди, прямо по курсу, шли кильватером три русских дредноута и регулярно извергали длинные языки пламени, посылая снаряды куда-то к горизонту, где была сплошная дымная полоса. Слева хорошо был виден "Измаил" Флагман глубоко осел носом, вода плескалась у первой башни. Сама башня была смята, как консервная банка и стволы орудий беспомощно

торчали в разные стороны, напоминая растопыренные пальцы. Дальше в корму шло сплошное перекрученное железо, из которого валил густой дым. А справа, распустив белопенные усы бурунов, заходили в торпедную атаку восемь эсминцев, лидируемые двумя крейсерами. "Наш левый", услышал он в наушниках. Матвей припал к визиру и мир сократился до серого силуэта и команд, которые он отдавал. Англичанина он накрыл с третьего залпа и больше не выпускал из стальных клыков своих пушек. Когда объятый пламенем остов "Каролины" повалился на левый борт, он перенес огонь на головной эсминец. Тут дело пошло быстрее. И дистанция сократилась и цель менее устойчивая. После одного из попаданий эсминец превратился в огненный шар. "В торпедный аппарат попал" удовлетворенно подумал Матвей и перенес огонь на следующего. Он видел на вражеских кораблях вспыхивающие огоньки ответных выстрелов, умом понимал, что сейчас в его корабль летят десятки снарядов, но осознать их как реальную опасность не мог. Три последних эсминца не решились идти дальше под убийственным огнем русских крейсеров. Они выпустили торпеды с дальней дистанции и развернулись, укрываясь дымовой завесой. Вторая группа англичан, шедшая правее, тоже отвернула и скрылась в тумане. Матвей задрожал стрельбу и стянул с головы наушники, неожиданно обнаружив, что он весь мокрый от пота.

— Вашбродь, Вас в рубку зовут — в люке появилась голова запыхавшегося матросика.

Когда Матвей спустился вниз, ему стало страшно. Мостик крейсера непонятная сила скрутила винтом, на палубе валялись какие-то обломки, все вокруг было замусорено и покрыто сажей. По двери рубки кто-то провел красные полосы и оставил отпечаток ладони. "Да это же кровь!" С ужасом подумал Матвей. Толстая металлическая дверь была заклинена в полуоткрытом положении и блестела свежесрезанным металлом. Протиснувшись в узкую щель, он увидел на полу штурмана, мичмана Корфа. Лицо его было бледным, он тяжело дышал, а над его ногами склонился фельдшер и что-то там делал.

— Матвей — тихо сквозь зубы сказал Корф — Принимай командование.

— А где все?

— Командир в лазарете, старший... нет больше старшего... — мичман застонал.

— Все, все — успокаивающей скороговоркой сказал фельдшер — счас морфин подействует.

— С флагмана семафор — услышал Матвей негромкий голос. Привалившись к стенке рубки стоял сигнальщик и одной рукой держа бинокль другую прижимал к боку.

— Ты ранен?

— Нет Вашбродь, ударился сильно.

Уклоняясь от торпед, крейсер изменил курс и сейчас шел прямо на "Измаил" Матвей рассмотрел маленькие фигурки на палубе и с удовольствием отметил, что дыма стало заметно меньше. "Похоже, с пожаром справляются" — подумал он.

На флагмане мигал огонек ратьера: "Терплю бедствие, нужна помощь"

Бакатов понял, что теперь "первый после Бога" это он, и ему сейчас командовать, а потом за все ответ держать. Он вздохнул: "Делать нечего, будем командовать"

1914 г.

Лондон.

Сэр Джон Арбетнот Первый барон Фишер одним глотком допил виски, покрутил в руке пустой бокал и с воплем "...!...!...!" запустил им в дверь. Дверь открылась, и появилось

испуганное лицо слуги. "Вон!" Заорал Фишер и лицо пропало. Он попытался встать, но с звоном покотившиеся из под ног бутылки пресекли эту попытку. Сэр Джон плюхнулся обратно в кресло и стал жалеть себя, любимого. "Этот сын торговца шерстью перешел всякие рамки!" Фишер вспомнил искаженное лицо Асквита и словно снова услышал его крик.

— Такого позора Англия не видела со времен, со времен...Никогда не видела! — Посмотрите на это — премьер-министр потряс номером Вашингтон Пост — "Великолепные кошки" бегут как помойные коты!

— И что нам теперь делать? — голос премьера был полон сарказма — По Вашей милости мы сели в лужу!

— Объявить войну...

— Фишер, Вы идиот! Войну надо объявлять, когда мы готовы, а противник нет!

— Но мы заранее провели мобилизацию флота...

— И каков результат? Два линейных крейсера взрываются, как петарды, "Лайон" не смогли дотащить до Розайта, и он затонул, "Тайгер" избит так, что его проще списать, чем чинить, другие корабли простоят в ремонте полгода точно, это Ваша подготовка? Вы уверяли всех, что наши корабли быстрее, что у них толще броня и больше пушки! Вы говорили, что у нас лучшие экипажи, что Джерри не моряки, а русские вообще недочеловеки. И вот теперь кайзер, улыбаясь, демонстрирует свой флот на рейде, расцвеченный флажками. Можете сосчитать, если умеете — сочился ядом премьер- все корабли на месте!

— На нас напали неожиданно, у них было численное превосходство...

— Фишер, Вы полный идиот! — сорвался на визг Асквит — Неужели Вы думаете, что я не собрал всю информацию? Был бой равных по численности эскадр, и Битти полез первым. Если бы он выиграл — другое дело, мы бы сейчас сами слали ноты и может быть, даже объявили войну. Этот Ваш придурок все испортил!

— Но у них должны быть большие повреждения, вот смотрите, на фотографии русский флагман весь затянут брезентом.

— Однако он стоит в своей гавани, а наши лежат на дне! А русский посол, у сволочь наглая, мерзко улыбаясь, вручает мне ноту о неспровоцированном обстреле." Кошмар! У нас на кораблях восемь раненых и погиб корабельный пес! Конечно мы тут же пресекли все провокации. Накажите своих бестолковых моряков!"

Премьер метался по кабинету, как тигр в клетке. Фишер следил за его перемещениями и тоскливо думал "Хоть бы ты споткнулся и упал, скотина, может тогда заткнешься" Асквит остановился и стал тыкать пальцем в лицо Первого Лорда Адмиралтейства, заставив того отшатнуться.

— Это Вы, Вы во всем виноваты! Ваши рискованные эксперименты привели нас к позору!

Он снова заметался, потрясая кулаком со смятой газетой.

— По нашему флоту ползут панические слухи! От немецких кораблей все снаряды отскакивают! У русских не линкоры, а драконы огнедышащие! Вы умудрились сломать то, что создавалось веками — миф о непобедимости британского флота! Это хуже любых потерь в кораблях! Скажите спасибо адмиралу Битти, что он утонул вместе с "Лайоном". На него повесят всех собак, а Вы отделаетесь просто отставкой.

— А ты полетишь из премьеров вслед за мной — злорадно подумал Фишер, и эта мысль

немного примирила его с действительностью.

ГЛАВА 10

1915 г.

Санкт-Петербург.

Николай Николаевич Хлодовский, вице-адмирал и кавалер, пребывал в черной меланхолии. И причина для этого у него была более чем веская. Блестящая карьера победоносного флотоводца, единственного, между прочим на весь Российский Императорский Флот, обрывалась. Вместо уверенного восхождения вверх, к новым чинам и новой славе, его ждала печальная участь приживалы, живущего за чужой счет. Почетная отставка, хоть и с присвоением очередного звания. Это совсем не то, к чему он стремился. Виной тому стал проклятый осколок британского снаряда, изуродовавший ему левую ногу. Хотя рана уже зажила, и он мог ходить, опираясь на костыли, адмирал целыми днями валялся в постели, мрачно пялясь в потолок. Своими бесконечными придирками он так задергал домашних, что они говорили только шепотом, как при покойнике.

Внизу, в прихожей, вдруг раздались громкие голоса. Адмирал раздраженно рявкнул:

— Глафира! Что там такое, черт возьми!

Дверь распахнулась, в комнату влетела Глафира, молодая деревенская девка, нанятая после рождения внуков, и с выпученными газами попыталась что-то объяснить.

— Вашество, там, там...

Следом за служанкой в комнату вошел здоровенный казак в форме Атаманского Конвоя, быстрым взглядом окинул все помещение, и ловко подхватив Глафиру под локоток вышел прочь. Хлодовский уже набрал воздух для возмущенного крика, когда в дверях появился не кто иной, как сам Император Николай Второй. Поперхнувшись, адмирал попытался вскочить, но запутался в одеяле. Николай остановил его жестом.

— Лежите, господин адмирал, по Уставу болящим разрешается не вставать. А мне, как Государю, положено навещать в лазарете воинов, пострадавших за Отечество. Как Вы себя чувствуете? Разрешаю обращаться без чинов.

Николай расположился в кресле возле кровати, и повел светскую беседу совершенно ни о чем. Хлодовский вежливо отвечал и при этом терялся в догадках. Ведь не затем навестил его Государь, чтобы развеять скуку и поболтать о театре. Наконец Император, видимо что-то для себя решив, перешел к более содержательному разговору.

— Скажите, Николай Николаевич, каким Вы видите развитие морских сил России? Ваше мнение интересно потому, что Вы с одной стороны сейчас находитесь вне флота и не скованы в своих суждениях, а с другой более чем компетентны в этом вопросе.

— Если говорить коротко, то России нужен флот маленький, а корабли большие.

— А поподробнее? Моряки обычно ратуют за большой флот.

— Создать флот, соизмеримый с флотами своих соперников, в ближайшие двадцать лет Россия не сможет. Напрягать все силы, чтобы из пятой морской державы превратиться в четвертую нет смысла. В случае войны не будет иметь значения, во сколько раз превосходит нас неприятель, в три или в четыре — на результат это не повлияет. Гораздо разумнее большую часть средств вкладывать в армию.

— Да, за такие слова Вас моряки ренегатом и отступником назовут...

— Ваше Величество, как моряк, я всей душой за могучий Российский флот, но как разумный человек понимаю, что в ближайшее время это недостижимая мечта.

— И почему же в этом маленьком флоте должны быть большие корабли?

— Если мы встретимся в море с превосходящими силами, что наиболее вероятно, надо убегать. Если мы обнаружим врага слабейшего, то уже он не должен сбежать от нас. Значит наши корабли должны быть быстрее вражеских. Потеря даже одного корабля для нас более чувствительна, чем для противников. Мы не можем сказать, как англичане: "У короля много". Следовательно, наши корабли должны быть крепче построены и лучше защищены. Все это ведет к увеличению размеров и стоимости кораблей. Раз уж мы не можем сравняться с врагом в численности, мы должны обойти его в качестве. Учитывая, что наш наиболее вероятный враг, британцы, вынуждены частенько жертвовать качеством кораблей в силу массовости производства, у нас появляется шанс нанести им хоть местное, но поражение. Если строить корабли без мелочной экономии, снижающей их боевые возможности, то при крайне незначительных затратах можно создать флот, который справится со всеми своими задачами.

— И какие же Вы видите задачи?

— На Балтике — оборона Финского залива и поддержка приморского фланга армии. Имеющихся сейчас сил на это хватит с лихвой. На базе в Моонзунде накоплен такой запас мин, что в случае войны море превратится в суп с клецками. Тралить все это под огнем береговых батарей и восьмерки балтийских дредноутов можно до скончания веков. На Черном море четыре наших линкора быстро загонят в Босфор или на дно два турецких, после чего горловина пролива так же запечатывается минами. Как вариант — десант на Стамбул, но это далеко не просто. На Тихом океане враг может попытаться обстрелять Владивосток. Учитывая количество и мощь береговых батарей — совершенно безумная затея. А вот Северный флот надо усиливать. Сейчас он способен только защитить берег от маловероятного десанта. Если же на Севере будет находиться эскадра, которая сможет, пусть даже только в теории, вырваться в Атлантику, нашим противникам придется это учитывать.

— Крейсерская война?

— Нет, угроза такой войны. Каждый выход кораблей из Мурманска заставит противника посылать в море целые эскадры на их поимку.

Николай ненадолго задумался, а потом спросил:

— Я внимательно прочитал Ваш доклад о бое в Гельголандской бухте. Доклад очень подробный. Но в нем нет ни слова о действиях лейтенанта Бакатова, ставшего там, волею судьбы, командиром крейсера. Почему? Про скандальное замужество Вашей дочери, поступившей вопреки родительской воле, наслышан. Вы имеете полное право холодно относиться к зятю. Но в силу личных обид замалчивать успехи молодого офицера по моему неправильно.

Хлодовский явно смутился.

— Понимаете, Ваше Величество, если я начну Матвея, то есть лейтенанта Бакатова, хвалить, то все подумают, что я продвигаю родственника. Это не принято в морском сообществе. На него и так косо смотрят из-за происхождения и считают выскочкой. А ругать его не за что, он все делал правильно.

Николай снова задумался, а потом, явно приняв решение, заговорил совсем другим

тоном:

— Господин вице-адмирал! Я предлагаю Вам пост начальника Морского Генерального Штаба. Указ о назначении будет подписан уже сегодня. Вас ждет очень много работы, и я надеюсь, что Вы с ней справитесь. Всего доброго!

И уже в дверях обернулся и добавил:

— А капитан-лейтенанта Бакатова я утвердил в должности командира крейсера. Раз в бою справился, то и потом не подведет.

После ухода Императора в доме Хлодовских несколько минут царила тишина, а потом раздался громовой рык:

— Глафир-р-ра! Пар-радный мудир-р где? Быстр-ро! Бегом!

Настоящий морской офицер должен уметь подать команду так, чтобы её услышали сквозь грохот боя. Хлодовский умел.

От меланхолии адмирала не осталось и следа, он хромал по комнате, забыв про костыли и напевал новомодный марш, ставший популярным после подвига немецкого миноносца.

Наверх вы товарищи,

Все по местам!

1915 г.

Крым. Бухта Ярылгач.

На помосте, сооруженном для высокого начальства рябило в глазах от блеска орденов. Страусиные перья на парадных треуголках адмиралов и золотые галуны на рукавах. Яркие ленты орденских перевязей. Сверкающее драгоценными камнями парадное оружие. И все это крутилось в разноцветном водовороте вокруг невысокого человека в невзрачном пехотном мундире без погон. Как-то Николая спросили: "Ваше Величество, почему Вы не носите погоны? Ведь Вы имеете звание полковника?" На что Император с усмешкой ответил: "Как самовластный правитель я имею право на любые чудачества. Могу на бал в исподнем заявиться, и все сочтут, что так и надо. А этот мундир мне просто более привычен и удобен, чем гражданская одежда. Полковничьи же погоны потребуют от меня, согласно Устава, тянуться во фронт перед генералами, а я не хочу. Пусть они во фронт тянутся."

После победы в морском бою и последовавшим за ней дождем наград и повышений в званиях, перед Николаем встала задача, как лучше использовать людей, хорошо себя проявивших. Ставить энергичных и амбициозных командиров, которые после победы над англичанами горели энтузиазмом, на штабные должности глупо. Там весь этот энтузиазм будет только мешать работе. Поэтому Эссена, который в Гельголандском бою нарушил приказ и не стал следовать за вышедшим из строя флагманом, а повел эскадру за собой, Император назначил командовать легкими силами Балтфлота. Свежеиспеченному контр-адмиралу был дан карт-бланш на любые новации и обещана поддержка сверху. Такого же непоседливого контр-адмирала, Колчака Николай присоединил к дипломатической миссии, направлявшейся в Стамбул." Ваша задача в этой делегации к дипломатии не относится — наставлял Император — поэтому на переговорах лучше вообще молчите, чтобы не брякнуть лишнего. Вам следует оценить шансы для занятия нами Проливов. Сложившаяся международная обстановка делает такой шаг возможным. Надлежит произвести расчет сил и средств с военной точки зрения."

Вернувшись из поездки, Колчак предоставил Императору доклад, мало того что дельный, так ещё и содержащий парадоксальные выводы. В докладе адмирал, с цифрами в руках доказывал, что занять Стамбул мы вполне сможем, хотя и с потерями, но делать этого не следует. В мирное время основной доход с Проливов составляют пошлины за проход кораблей, то есть наши же русские деньги. Надавить на турок, чтобы эти пошлины уменьшить — можно и нужно, а вот самим захватывать Стамбул выйдет больно накладно. Ведь занимать надо не только сам город, но и обширные территории по берегам Мраморного моря. Потребуется строить и содержать морские и наземные крепости, кормить многочисленное население этих земель. Только в самом Стамбуле проживает миллион человек. Крест над Софийским Собором, это конечно хорошо, но не за такие деньги. А следовало, по мнению адмирала, создать силы, которые, в случае войны смогут мгновенно взять под контроль Проливы. Турки боятся захвата Стамбула не меньше, чем мы этого желаем и угроза будет более действенна, чем сам захват. Николай к мнению Колчака прислушался ещё и потому, что не хотелось влезать в авантюру с непредсказуемыми последствиями. Ещё с предыдущей до конца не разобрались. А посему адмиралу было велено ехать на Черное море, где и создавать те самые силы для захвата Проливов.

Адмирал взялся за дело рьяно, но по мнению многих, несколько странно. Вместо того, чтобы тренировать дредноуты в стрельбах по берегу и накапливать необходимые для высадки припасы он приобрел для Особого Отряда гражданское судно с непроизносимым названием и занимался на нем мало понятными экспериментами. Да и судном эту каботажную калошу можно было называть с большим трудом. Николай уже начал сомневаться в правильности своего решения. И вот наконец Колчак решил продемонстрировать высокому начальству результаты своей деятельности.

В уединенной бухте все было подготовлено для показательных учений. На берегу расставили чучела и макеты пушек, соорудили помост для наблюдателей, а на водной глади неторопливо пыхтел несуразный кораблик (уже корабль, а не судно, Андреевский флаг на это недвусмысленно указывал) В бинокль была видна фигура Колчака на мостике. Белоснежный адмиральский мундир на фоне данного плавсредства смотрелся сюрреалистически. Недоброжелатели, а их у Колчака, как у всякого, кто выделяется из серой массы было много, довольно потирали руки — променять мостик грозного линкора на данную калошу — худшего и не пожелаешь.

Адмиралы просветили Николая, как происходит высадка десанта на необорудованный берег. Транспорт подходит как можно ближе, встает на якорь и уже после этого спускает шлюпки и в них перевозит десант на берег. Операция сложная, требующая от исполнителей немалой выучки, а при малейшем сопротивлении просто невозможная. Поэтому все с интересом ждали, когда Колчак эту самую выучку личного состава продемонстрирует.

Николай заметил, что стоящие рядом адмиралы стали вести себя несколько нервно. Моряки переглядывались и пожимали плечами. Явно, что-то происходило не так, как запланировано, но что, Николай понять не мог. Постепенно градус нервозности возрастал. Адмиралы перешептывались, стараясь не показать этого Императору. Николай делал вид, что ничего не замечает, покуда кто-то не сказал достаточно громко: " Да что же он вытворяет! Он что, лоции позабыл?" Император обернулся и вопросительно поднял бровь. На невысказанный вопрос ответил стоявший рядом Командующий Черноморским флотом Вирен.

— "Эльпидифор" подошел слишком близко к берегу. Сейчас он на мель сядет. Похоже, что корабль имеет серьезные повреждения, он сильно осел на корму. — Адмирал в раздражении стукнул кулаком по ограждению помоста. Черноморский флот под его командованием превратился в прекрасно отлаженный механизм. Поначалу, придирки педантичного немца вызывали у матросов, да и у офицеров тихое бешенство. Но Роберта Николаевича это не смущало и он привел людей и корабли в тот вид, который считал должным. Все, что надо было покрашено, что не покрашено, то надраено до блеска. Сытые и здоровые матросы щеголяли в новой, с иголки формы и выглядели просто орлами. Корабли идеально совершали все необходимые эволюции и недурственно стреляли. И тут этот выскочка, своим конфузом портит все впечатление!

Николай подошел к установленному на тумбе корабельному визиру. В мощную оптику все было прекрасно видно, хоть пуговицы на мундире считай. Колчак спокойно стоял на мостике и не проявлял никаких признаков волнения. В голову Императора закралось подозрение, что адмиралы явно чего-то не знают. "Похоже, что сейчас мы увидим какой-то фокус" — подумал он.

И фокус не заставил себя ждать. Корабль своим сильно задравшимся носом практически выехал на берег. Тот час же на землю упали длинные сходни и по ним на песок пляжа, не замочив ног, побежали серые фигурки пехотинцев. Хотя правильнее теперь будет — морских пехотинцев. С борта часто затыкала пушка и застучали пулеметы, поддерживая десант огнем. Солдаты, явно рисуясь перед начальством, пинали сапогами чучела и вставали в картинные позы, изображая стрельбу.

Вечером именинник, а Колчак несомненно был сегодня именинником, докладывал о путях развития нового рода войск. Хотя все новое — хорошо забытое старое. Во времена Петра Первого морская пехота существовала и действовала более чем успешно, но потом была отменена "за ненадобностью".

— Для высадки морского десанта необходимы, как корабли, отличные от имеющихся, так и войска, подготовленные и оснащенные весьма специфически. Основная штатная единица — бригада. Вооружение исключительно легкое. Больше, чем на суше количество пулеметов. Пушки пока подойдут горные, но надо разрабатывать специальные...

Николай слушал адмирала, а сам думал о том, что развитие морской пехоты потребует немалых затрат. Появление таких войск у России вызовет, рано или поздно ответную реакцию. И придется нам свою береговую оборону усиливать, уже против вражеского десанта. А своих морских пехотинцев учить такие препятствия преодолевать. И так до бесконечности, в вечном противостоянии щита и меча. И все это выльется в немалые деньги и силы. Но тот, кто не хочет кормить свою армию, очень скоро будет кормить чужую.

ГЛАВА 11

1915г

Нижегородская губерния.

Подполковник Гобято посмотрел на гору документов перед ним на столе и горестно

вздыхнул. Как же было все проще ещё несколько лет назад. Ему, тогда ещё штабс-капитану дали задание провести испытания новых полевых пушек. Сделать это надо было в укромном уголке, подальше от назойливого внимания иностранцев, и тогдашнего генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича. Потом на полигон, устроенный в окрестностях Нижнего Новгорода прибыл поручик Карбышев с идеей испытывать заодно и укрепления, раз уж все равно стреляем. Шло время, Гобято рос в чинах, вместе с ним рос и полигон, на месте палаток появились казармы, строился офицерский городок, до Нижнего протянулась железнодорожная ветка. С появлением на полигоне изобретателя-самоучки Блинова значительно расширились механические мастерские, став уже маленьким заводиком. Постепенно, на полигоне сложился коллектив единомышленников, увлеченных развитием техники, люди с другим складом характера здесь не приживались.

Отсутствие поблизости большого начальства способствовало различным экспериментам, не всегда безопасным, а определенная финансовая независимость помогала удовлетворять запросы доморощенных изобретателей. Дело в том, что изучение новейшей техники вместе с весьма либеральным отношением офицеров к нижним чинам привело к тому, что в процесс технического творчества оказался вовлечен практически весь личный состав. Немало этому помогала материальная заинтересованность — за каждое усовершенствование платилась денежная премия. Низкая грамотность солдат заменялась житейским опытом, и фраза — "Вашбродь, эту ручку надо сюда перенести" — воспринималась не как нарушение субординации, а как дельный совет, который следует обдумать. Да и грамотность эта неуклонно повышалась — солдатики отлично понимали, что профессия токаря или механика, полученная здесь, поможет в будущем, и учились не за страх, а за совесть.

Идея попробовать установить на трактор керосиновый или газовый двигатель вызвала длительную переписку со столичными чиновниками, которые не могли взять в толк, что и зачем потребно доставить на полигон. В результате им привезли американский трактор фирмы "Гусеница", который был опробован, несколько раз сломан и починен и все-таки усовершенствован к всеобщему удовлетворению. Дело в том, что "самоход Блинова" имел два паровых цилиндра, как у паровоза, по одному с каждой стороны. И поворот осуществлялся простым переключением парового крана. Американец же для этого использовал специальную колесную тележку, управляемую цепями, что было очень неудобно. Сам Блинов, разобравшись в иноземной конструкции, ходил гоголем, а при движении на своем тракторе не упускал случая покрутиться на месте, чего могучая, но неповоротливая "Гусеница" сделать не могла в принципе.

Мелкие поломки американской машины устранялись достаточно легко, но когда у неё от слишком резких маневров рассыпалась трансмиссия, Гобято схватился за голову — такого им не осилить, надо заказывать в Сормово, а то и в Питере. Посидев несколько вечеров за чертежами, он с большой пачкой бумаг отправился сопровождать поломанный трактор в Нижний. После нескольких дней ругани с заводскими инженерами он вернулся задумчивый и потом ещё несколько раз ездил на завод, проверять, как движется его заказ. Когда "Гусеницу" привезли обратно, и платформу собирались оттолкать под кран. Гобято с загадочным видом приказал: "Отставить, подгоняйте к дебаркадеру". Потом сам завел двигатель, забрался в кабину и ко всеобщему изумлению умудрился съехать с платформы, правда чудом её не перевернув. На вопросы собравшихся, что же он сделал с многострадальным американцем, Леонид Николаевич гордо ответил: "Разделил поток

мощности и поставил независимые тормоза" Даже те, кто ни черта не понял, с умным видом закачали головами. "О как, знай наших!" От американской машины название "гусеница" переключалось на другие трактора, так как выговаривать каждый раз "Бесконечные рельсы Блинова" было неудобно.

Однако идея создания вооруженного трактора не оставляла изобретателя. Благодаря старому знакомцу — инженеру Золотареву, который, находясь в столице был в курсе новостей, стало известно о начале производства грузовиков в Риге. Спустя какое-то время оттуда была получена партия двигателей.

Увидев небольшой ладный моторчик Гобято было, обрадовался, но, прочитав в сопроводительных бумагах его характеристики, загрустил — мощность была мизерной.

Решено было поставить два мотора с приводом через цепи. Конструкция гремела, чихала, но худо-бедно ездил по полигону. Правда, её создатель был все равно не доволен — наладить одновременную работу двух моторов толком не получалось. В процессе испытаний вносились многочисленные переделки и усовершенствования. У трактора появились рессоры, так как без них от тряски отваливались различные детали, и можно было запросто прикусить язык.

Когда на полигон пришел новый двигатель, большая мощность которого позволяла использовать один мотор, все мытарства начались сначала. Сыпались шестеренки передач, лопались блоки цилиндров, короче все прелести создания нового механизма присутствовали в полном объеме. Однако по прошествии времени машины перестали ломаться раз в пять минут, и даже установленная наконец пушка, больше не обрывала крепление при выстреле. Потом пришел приказ о формировании опытовой батареи для войсковых испытаний в Западном Военном Округе. Почему именно в Западном? Так начальству виднее!

И теперь перед подполковником лежали отчеты об испытаниях и куча грозных приказов. Усилить! Улучшить! Устранить! Соблюдая сугубую секретность! Немедленно! В кратчайшие сроки! Доложить об исполнении!

Перед капитаном Карбышевым тоже лежали многочисленные пакеты с сургучовыми печатями, а поверх плотный конверт без надписей, доставленный отдельно и врученный ему под роспись. В нем был всего один лист мелованной бумаги, на котором каллиграфическим писарским почерком было выведено следующее:

— Дмитрий Михайлович! Ваши опыты в полевой фортификации вызвали в Генеральном Штабе сильно полярные мнения. В ближайшее время ожидайте большую комиссию по проверке Ваших новаций. Так как Вы, в некотором роде, мой протеже, не подведите!

Подпись внизу превращала обычное письмо в исторический документ, бережно хранимый в семейном архиве: "Николай"

Карбышев прекрасно понимал, что Императора волнует вовсе не то, как будет выглядеть какой-то капитан перед начальством. Дело наверняка в том, что решение уже принято и его усовершенствования будут внедряться в войсках. При этом, чем больше генералов будет сторонниками нововведений, тем проще пойдет этот процесс. Значит, ему нужно устроить масштабное театральное представление, которое сомневающимся убедит, а противников оконфузит. Предстоит разыграть настоящий спектакль, достойный Императора и его свиты. И работа, подгоняемая живительными пинками начальства, закипела. К счастью, поскольку намечалось прибытие на маневры Высочайших особ, в подготовку включилось

Министерство Двора. Благодаря ему были легко решены вопросы выделения дополнительных средств и прибыл в усиление целый саперный батальон.

Когда тень дирижабля "Россия" накрыла построившиеся войска, по рядам пронесся восхищенный вздох. Да и было от чего. Карбышеву доводилось видеть воздухоплавательные аппараты, но "Россия" своими размерами просто поражала. Новейший германский цеппелин, подаренный кайзером "дражайшему кузену", был огромен. Оркестр грянул встречный марш, солдаты раскатали ковровую дорожку, Гобято оттарабанил доклад и далее все пошло по ритуалу, более подходящему столичному смотру, нежели затерянному в лесах полигону. Когда же молебн, торжественный марш и прочее обязательные действия были завершены и гости разместились на трибуне, стало возможным начать то, к чему они готовились несколько месяцев. Карбышев перекрестился и взмахнул флажком: "Начали! "

Спустя неделю капитан Карбышев валялся одетый на своей кровати и бездумно пялился в потолок. Присутствие Высочайших особ и прорвы генералов утомило его больше, чем многодневный переход через пустыню. О результатах учений мыслей уже не было — скорей бы они все уехали! Вызов к Императору он воспринял без особых эмоций, настолько велика была усталость.

Николай принял капитана подчеркнуто благожелательно, угощал чаем и расспрашивал о различных подробностях.

— Скажите, Дмитрий Михайлович, а как Вам пришла в голову идея устроить перед позицией заграждение из колючей проволоки? Насколько мне известно, её используют в САСШ для огораживания скота?

— Ваше Величество, идея задержать наступающих искусственными препятствиями не нова. Однако строительство рва или эскарпа требует времени и не всегда возможно по условиям местности. Мы попробовали различные варианты из жердей и кольев и один из солдат, родом с Малороссии, рассказал, что на ферме, где он работал, для заборов использовали проволоку. Я посмотрел объявления в газете — оказалось что у нас её производят и рекламируют как дешевую ограду.

— Вы слушаете мнение нижних чинов?

— Так точно, Ваше Величество! При создании новой системы фортификации мы специально опрашивали солдат — ведь им в этих окопах сидеть. А мнение пусть малограмотного, но наблюдательного и сообразительного человека может пригодиться.

— К сожалению, далеко не все наши офицеры видят в солдате человека — Николай задумался — Я вижу, что Вы с поставленной задачей справились, соответственно, ставлю Вам следующую.

— С недавнего времени Военно-Инженерная Академия начала разработку новой долговременной фортификации. Вам надлежит здесь, на полигоне построить и испытать как целые сооружения, так и отдельные элементы. Для этих целей полигон будет расширен по территории и производственным возможностям. Вы станете его начальником. Вам будет дан карт-бланш на любые эксперименты. Вопросы?

— Ваше Величество, Леонид Николаевич Гобято, по-сути, создал этот полигон на пустом месте...

— И поэтому полковник Гобято получает назначение на новое место, где ему опять придется все создавать с нуля. А Вы Дмитрий Михайлович продолжите работу здесь,

надеюсь столь же успешно. Посему поздравляю Вас подполковником!

Нижегородский ресторан "Чайка" был местом более чем приличным и респектабельным. Здесь не бывало лихих загулов с цыганами и мордобоем, а собирались люди степенные, обремененные как возрастом, так и богатством. За одним из столиков сидели трое мужчин, вполне соответствующие окружающей обстановке. Один был явно преуспевающим купцом или промышленником, а двое других — штаб-офицерами. Погоны офицеров блестели не потускневшим ещё шитьем, что и было, очевидно, поводом для посиделок. Съедено и выпито было уже немало, и разговор за столом легко перепрыгивал с одной темы на другую.

— И все же, господа, мне жаль с вами расставаться...

— Ну я то Дмитрий Михайлович недалеко от Вас буду.

— Федор Абрамович, рядом — это не вместе... Поделитесь все же секретом, как Вы сумели так быстро все организовать? Ведь строительство нового завода дело дорогое и в некоторой степени рискованное?

— После Высочайшей аудиенции и явного благоволения Императора, от желающих поучаствовать в деле отбоя не было. Кто деньгами, кто подрядами... Мог выбирать.

— А Вы твердо уверены в коммерческой успешности Вашего предприятия? По-моему двигатели на бензине более перспективны!

— Леонид Николаевич, так я в этом и не сомневаюсь.

— Тогда почему Вы собираетесь выпускать исключительно паровики?

— Судите сами. Ваши новомодные моторы конечно мощнее и легче. Однако они существенно дороже. Вторая причина — это необходимость для них в более грамотном обслуживании. Третья и самая главная — топливо. Бензин только недавно начали гнать в Нижнем, а так надо из Баку везти.

Федор Абрамович Блинов, механик, изобретатель, а с недавнего времени и промышленник, отсалютовал своим собеседникам бокалом. Собеседники его поддержали и тоже приняли коньячку.

— Теперь сравните с паровиком. Он дешевле, значит, трактор сможет купить большее число желающих. Обращаться с паровой машиной умеют уже многие, да и научиться этому не в пример легче, чем обращению с бензиновым мотором. Её не надо все время регулировать, а смазывать можно хоть дегтем. Износ у неё так же меньше, реже чинить придется. В качестве же топлива можно использовать все что угодно. В Поволжье дешева нефть — значит сюда мы будем поставлять трактора с нефтяными котлами. На Донбассе полно угля — туда отправим трактора на угле. Там где нет ни того, ни другого есть дрова. Для желающих можем сделать универсальные котлы, на любом топливе. Проекты котлов заказаны в Москве, у Шухова. Завод ещё не построен, а уже многие интересуются, когда можно будет купить новую технику. Вон колонисты немецкие из Саратова готовы и в производство деньгами вложиться, лишь бы пораньше трактора получить.

— Надеюсь наш полигон Вы с поставками не обидите.

— Что Вы, Дмитрий Михайлович, как можно! Своим в первую очередь! Вот Леонид Николаевичу от нас вдалеке придется тяжело. Все придется начинать заново на пустом месте.

— Вы так говорите, как будто я на Камчатку еду. Все-таки Харьков крупный губернский центр, завод большой есть. Кстати мне с этого завода паровозного всяческую помощь

обещали. Они только рады заказам будут.

— А Вы не знаете, почему для строительства нового завода был избран Харьков? Чем Нижний плох?

— Посчитали, что в Нижнем будет нехватка рабочих. Сормово расширяется, Федор Абрамович новый завод ставит, вот и выгребут всех мастеровых, свободных не останется.

Друзья засиделись в ресторане допоздна, обсуждая прошлое и мечтая о будущем. Вскоре им предстояло разъехаться и каждому идти своей дорогой.

Федор Блинов создаст завод и будет производить паровые трактора. Эти машины прославятся своей простотой, надежностью и долговечностью. Они сыграют немалую роль в том, что Россия больше не будет знать голода. Отдельные экземпляры будут честно трудиться и в двадцать первом веке. Все СМИ обошла история про фермера, который отказался поменять свой старый "блинчик" на новую машину с климат-контролем, встроенным компьютером и прочими электронными наворотами. "Мой трактор отцу служил, деду, прадеду, и моим детям и внукам служить будет. А ваше чудо лакированное... какое-то оно хлипкое, не дай Бог сломается, что я с ним делать буду?"

Леонид Гобято дослужится до полного генерала, но его имя будет известно только специалистам и любителям истории. Гораздо более громкими будут имена его учеников и последователей. А ещё более громкую славу получают их изделия. Русские бронеходы будут вгонять в дрожь даже внуков тех, кому не повезло попасть под их удар.

ГЛАВА 12

1916 г.

Нижегородская губерния. Площадка N2

С высоты птичьего полета это поле выглядело, как ковер в детской комнате после игры в кубики. Правда, кубики были странные, при огромном разнообразии формы они все имели один цвет — серый. Наигравшись, неизвестный великан небрежным взмахом руки рассыпал эти кубики, а потом, наверно в раздражении, попытался их сломать. Многие кубики были расколоты, а некоторые вообще разбиты на мелкие кусочки. Если же рассмотреть эти кубики вблизи, то идиллическое впечатление от детской игры пропадало, и возникала оторопь от той силы, которая ломала игрушки. Бетонные обломки, чуть красноватые на сколах, топорщились обрывками толстенной арматуры, завязанной в фантастические узлы.

Между бетонных глыб неспешно прогуливались два человека. Они носили форму Русской Императорской Армии, на плечах одного были генеральские, а другого подполковничьи погоны, но вот их беседа не походила на разговор генерала с подчиненным. Разговор напоминал скорее научный диспут между профессором и его молодым аспирантом. Профессор был традиционно консервативен, а его молодой коллега горячо отстаивал свою новаторскую позицию. Так оно, в сущности, и было. Русские военные инженеры Константин Иванович Величко и Дмитрий Михайлович Карбышев служили своей Родине, не только защищая её на полях сражений с оружием в руках, о чем свидетельствовали многочисленные боевые награды. Прежде всего, они отдавали ей свой талант, свои знания, свои изобретения.

— Дмитрий Михайлович, Ваши опыты, несомненно, принесли пользу. Те инженерные решения, что были Вами предложены, являются замечательными техническими находками,

одни новые амбразуры заслуживают самой наивысшей оценки!

Карбышев смутился. С одной стороны от похвал, а с другой от опасений, что генерал все-таки увидел злосчастный манекен, который он во время осмотра тех самых амбразур старательно закрывал спиной. На полигоне появилась идиотская привычка украшать чучела разнообразными надписями далеко не приличного содержания. Судя по тому, что некоторые ругательства были написаны по-французски, этим грешили не только нижние чины, но и господа офицеры.

— Константин Иванович, дело не в отдельных решениях, а во всей системе будущей долговременной фортификации. Только система "рассредоточенных укреплений", как мы её называем, способна противостоять могуществу нынешней артиллерии.

Величко скептически хмыкнул и показал рукой на закопченные обломки впереди.

— Сколько снарядов попало?

— Пять.

— Вот видите! Пяти снарядов хватило, чтобы разрушить укрепление. А в полноценный форт надо не один десяток вогнать, чтобы подавить его гарнизон. Да и калибр покрупнее надобен!

— Данный капонир рассчитан на одно попадание восьмидюймовой бомбы. Он выдержал два, без потери боеспособности, что мы считаем вполне достаточным. В реальном бою в него даже один раз попасть будет трудно.

— Это почему же?

— Укрепление расположено позади холма, со стороны неприятеля его не видно. На испытаниях мы ставили специальный шест с указателем, чтобы артиллеристы могли прицеливаться. На войне так облегчать жизнь противнику ни кто не будет. О том, что тут находится наш капонир, враги узнают, когда продвинутся вперед, и он откроет по ним кинжальный огонь. Те из них, что уцелеют, и смогут убежать, расскажут "Вон в том месте нас обстреляли откуда-то сбоку". Артиллеристам придется вести огонь вслепую.

— А если противник атакует со стороны этого холма?

— Попадет под огонь соседних укреплений, и тоже фланкирующий. Принцип бастионного фронта известен давно. Только здесь вместо бастионов рельеф местности. И самое главное. Сколько стоит полноценный форт?

— Миллион будет стоять первая очередь. Только самое необходимое. Полностью хороший форт стоит, со всей начинкой, около трех.

— А этот капонир обошелся в сто тысяч. Даже с учетом дорогуших перископов от профессора Перепелкина. И дело не только в деньгах. Нужно намного меньше материалов, время строительства тоже меньше. Вместо одного форта можно построить десяток таких капониров, и два десятка укреплений поменьше. Если распределить их в глубину, то враг, одолев один узел обороны, упрется в следующий.

— И все же, Дмитрий Михайлович, Вы меня не убедили. Я остаюсь при мнении, что полноценный форт обладает лучшей устойчивостью, чем ваши мелкие укрытия. Но окончательное решение, как Вы понимаете, будет приниматься там — и Величко показал пальцем куда-то вверх.

Генерал задумался, а потом со вздохом произнес:

— Боюсь, что ваши замечательные амбразуры придется переделывать, причем в сторону ухудшения...

— Зачем? — опешил Карбышев.

— Затем, что Вы для вооружения укреплений предлагаете орудие, созданное на основе полковой пушки.

— Совершенно верно, мы взяли ствол от полковушки, лафет сами смастерили. Литье, правда, пришлось в Сормово заказать...

— Вот в этом-то все и дело. Этих орудий катастрофически не хватает в армии. Завод не справляется с заказом. И на строительство укреплений их просто не дадут. А поскольку строить надо начинать уже сейчас, то наверняка предложат заменить дефицитные орудия на что-нибудь другое. Например на морские пушки малых калибров, снятые с кораблей.

— Но эти орудия совершенно не подходят для стрельбы по наземным целям! У них и снарядов соответствующих нет, только болванки бронебойные...

— Какое-то количество трехдюймовок, для вооружения наиболее важных укреплений, я выпросить попробую. А вы проектируйте казематные установки с использованием старых корабельных скорострелок. Радуйтесь, что хоть пулеметов сейчас в достатке, а то бы и их не дали.

Имя генерала Карбышева потом, спустя много лет, присвоят инженерной академии. Построенное им будет ему самым лучшим памятником. И нередко можно будет услышать произнесенные с гордостью слова: "Эти укрепления ещё Карбышев строил!"

1918 г.

Санкт Петербург.

Генералы Рузский, Кондратенко и Бонч-Бруевич, ожидающие Высочайшей Аудиенции, изрядно нервничали. Не удивительно, крутой нрав Императора был известен, и от вызова на ковер они ожидали чего угодно. Понятно, что в солдаты не сошлют — нет за ними таких грехов, но с карьерой можно запросто проститься. Ожидание длилось недолго, секретарь распахнул дверь, приглашая их в кабинет. Император встретил трех генералов, получивших в Генштабе прозвище "младореформаторы", подчеркнуто ровно.

— Господа, о сути разногласий, возникших в высших эшелонах армии мне известно. Одну сторону я уже выслушал — теперь слово вам.

Генералы переглянулись, старший как по званию, так и по возрасту, генерал от инфантерии Рузский незаметно кивнул, мол, принимаю огонь на себя.

— Ваше Величество, при внедрении в армии новаций, самые яростные споры вызывают вопросы хоть и важные, но не первостепенные. Резкое неприятие вызвала новая форма. Нас обвиняют...

— Я слышал эти обвинения из первых уст — перебил Николай — приводите ваши аргументы.

— Изменения в военной форме сделаны на основе обобщения опыта боевых действий в Желтороссии. Потери среди офицеров говорят о том, что враг стреляет в первую очередь по командирам. Если офицерская форма будет отличаться от солдатской только качеством сукна, эти потери сократятся. Окраска формы в маскирующий цвет так же давно назрела. Солдат в белой гимнастерке — отличная мишень. Немцы и англичане своих солдат давно переодели в защитные цвета. Шапка-ушанка, вместо папахи, во первых дешевле, а во вторых позволяет надеть на нее защитный шлем. И, наконец, главный камень преткновения — ботинки, хотя они планируются для очень небольшой части военнослужащих.

— А чем вам сапоги не угодили? — удивился Николай — лучше обуви для похода еще

не придумали.

— Для пешего движения лучшей обуви и правда нет. Ботинки будут у воздухоплателей и шоферов. Им в ботинках на всякие ихние педали нажимать удобнее, а ходить в атаку они сидя за штурвалом будут.

— Я вас понял — задумчиво протянул Император — решения по этим вопросам пока не будет, надо все хорошо обдумать. Знаете что, пришлите мне образцы новой формы, я её поношу, посмотрю, что к чему. А что за новые звания вы придумали?

— Повышение статуса унтер-офицеров значительно отдалило их от нижних чинов. Возник разрыв в званиях. Мы предлагаем ввести два новых, они этот разрыв устранят. Будут в нашей армии капралы или сержанты, точно еще не определились. Кроме того, мы хотим закрепить в уставе то, что уже сложилось на практике. Это касается обращения к старшему по званию. В бою ни кто не говорит "Ваше Высокопревосходительство", там на это времени нет. В новом Уставе будет вполне официальная форма обращения — "Командир"

— Я слышал, что наши от немцев нахватались всякой социалистической фразеологии. Друг к другу "товарищ" обращаются, особенно этим молодые офицеры фрондируют.

— Ваше Величество, у немцев обращение "камрад" не имеет никакого социалистического подтекста. Точно так же как и у нас. Если люди считают себя боевыми товарищами, в этом нет ничего плохого. А подрывной агитации в войсках давно не слышно. Вывели эту заразу напрочь. Поэтому обращение "товарищ" мы официально вводить не будем, но и не запретим.

— Чтож, господа генералы, ваша позиция мне импонирует. Меньше эмоций — больше резонов. Всего доброго!

— А Вы, Роман Исидорович, говорили голову снимет — выйдя на улицу Бонч-Бруевич вытирал платком пот со лба — где наша не пропадала!

1920 г.

Санкт-Петербург.

— Господин адмирал, помнится, Вы уверяли меня в том, что нашему флоту потребны корабли качественно превосходящие неприятельские. А в этом проекте рекордной является только цена, все остальные характеристики достаточно посредственны. Корабль ни чем не превосходит "Измаилы", построенные шесть лет назад. Он несет то же количество пушек, калибр у них тот же, разве что броню сделали потолще. Малокалиберной артиллерии у него даже меньше, чем у предшественников. — Николай насмешливо смотрел на вытянувшегося перед ним адмирала Хлодовского. Пускай объяснит дилетанту, чем данный проект так хорош, и почему я должен на него выкинуть столь крупную сумму.

Естественно, Император был в курсе, как идет составление новой морской программы, ему об этом регулярно докладывали. Он прекрасно знал, кто какой проект поддерживает, какие доводы за и против при этом выдвигает. Да и не дело Государя служить техническим экспертом в какой либо области. Его дело найти знающих людей, и проследить за их работой. И решение, которое он примет, будет основываться не на технических знаниях, нет и не может быть у одного человека знаний во всех областях науки. Он будет решать, исходя из знания людей, уж в этой области Николай считал себя компетентным. Вот и вызвал к себе адмирала, чтобы послушать даже не столько то, ЧТО он будет говорить, сколько — КАК. А потом он примет решение, казалось бы сугубо техническое, но на деле означающее поддержку одной фракции в своем окружении и противодействие другой. Это будет

означать, что кто-то получит казенный заказ, а кто-то нет, кто-то вырастет в звании, а кто-то лишится теплого места. И уж здесь ошибаться нельзя.

— Ваше Императорское Величество...

— Николай Николаевич, без чинов. Садитесь, и постарайтесь коротко объяснить свою позицию.

— Благодарю, Государь. Все очень просто. Новейшие пушки в шестнадцать дюймов, которые мы так ждем, еще не вышли из стадии разработки. Когда будут готовы эти орудия — неизвестно. Четырнадцатидюймовки же вполне освоены нашей промышленностью.

— А почему Вы не хотите воспользоваться предложением немцев? Их новейшие 38 см орудия очень даже неплохи.

— Расчеты показывают, что двенадцать наших пушек будут иметь большую огневую мощь, чем восемь немецких.

— Что же не позволяет Вам поставить двенадцать немецких орудий?

— Ограничения по водоизмещению. Либо двенадцать наших, либо восемь немецких.

— Водоизмещение ограничено...

— ...Возможностями нашей промышленности. Корабли такого размера являются для нас, в настоящее время, предельными. Пытаться сделать большие — это неоправданное прожектерство. Даже эти корабли изрядно напрягут Российскую экономику, что уж говорить о чем-то большего размера.

— И Вы решили, что синица в руке выгоднее.

— Не совсем так, Ваше Величество. Новые линкоры, при весьма скромных характеристиках на бумаге, будут намного сильнее своих предшественников. Орудия главного калибра были за прошедшие годы значительно усовершенствованы. Система заряжания, кстати позаимствованная у немцев, обеспечит высочайшую скорострельность. Системы наведения тоже новейшие. Про броневую защиту и говорить не надо, небо и земля.

— Да уж, недостатки бронирования "Измаилов" Вам пришлось на себе испытать.

— Ваше Величество, если бы сражение произошло на сотню миль дальше от базы, флагмана могли до неё и не дотащить, остойчивость была на пределе. Англичанам в этом вопросе повезло меньше. И буксировать дальше пришлось и погода подкачала. Хотя, как мне известно, "Лайон" пошел на дно на ровном киле, просто не хватило запаса плавучести. Единственно, что вызывает при этом вопросы, как умудрился утонуть адмирал Битти..

— Официальная версия гласит, что он ушел на дно, героически стоя у штурвала. Неофициальная говорит, что адмирал застрелился, не вынес позора поражения. И совсем неофициальная утверждает, что застрелиться ему помогли, чтобы сделать виноватым во всех грехах, ведь на мертвого вешать обвинения гораздо проще. Но вернемся к нашим... линкорам. Какие ещё черты данного проекта Вы считаете наиболее характерными?

— В первую очередь это высокая мореходность, ведь служить этим кораблям доведется на Севере. Наши предыдущие линкоры этим не обладали, "мокрый нос" на "Гангутах" стал притчей во языцех. Так же я считаю нужным обратить внимание на системный подход при проектировании. Мы впервые строим не отдельные корабли, а эскадру целиком включая береговую инфраструктуру, потребную для её существования.

— Кстати, об эскадре. То, что Вы включили в неё легкие силы понятно. Но я вижу в числе планируемых к постройке кораблей авиаматку. Зачем? Я прекрасно помню Ваш недавний доклад, о результатах испытаний подобного корабля на Балтике. В нем Вы, весьма аргументировано доказываете, что подобные корабли нам не нужны. Вам не кажется, что это

непоследовательно?

— Ваше Величество, я остаюсь при убеждении, что те задачи, что мы ставим перед Воздушными Силами, а именно разведку и патрулирование, намного лучше выполняют дирижабли. Дело в том, что Северной эскадре предстоит действовать на значительном удалении от базы в районе с очень сложными погодными условиями. Не успел дирижабль прилететь, как ему придется из-за непогоды возвращаться назад. А корабль — носитель аэропланов всегда под рукой. Есть возможность — самолеты вылетают. Испортилась погода — сидят и ждут, а не улетают за сотни миль.

— Вы писали, что данный корабль-носитель сильно стесняет всю эскадру. Для спуска на воду и подъема на борт гидропланов он должен остановиться, что вынуждает другие корабли делать то же самое.

— Для данной эскадры мы хотим использовать проект, в котором аэропланы взлетают и садятся, используя палубу корабля. Это избавит от остановок для выпуска самолетов. Опытные образцы таких машин уже есть, авиаконструкторы продемонстрировали нам самолеты, которые базируются на очень ограниченном пространстве. Заодно, такой подход позволит использовать авиацию в более свежую погоду. При волнении моря в три-четыре балла гидроплан летать-то может, а вот взлететь или сесть уже не получится. При взлете с палубы такое волнение помехой не станет.

Николай ещё долго задавал адмиралу вопросы, иногда нарочито демонстрируя свое незнание. Когда Хлодовский ушел, то у Императора уже было сформировавшееся решение. Он поддержит именно этот проект. Адмирал в очередной раз подтвердил мнение Николая о нем, как о толковом и дельном человеке. А раз человек дельный, то и корабли у него должны получиться хорошие. Что до опытов с авиаматками, весьма затратными к слову, то пускай себе экспериментирует. Без попыток создать новое, его, этого самого нового никак не получится, а личность адмирала давала гарантию, что деньги не будут банально разворованы.

Корабли, построенные в рамках этой программы подтвердили правильность принятого Николаем решения. Они долгие годы честно служили в Российском Флоте, заработав любовь моряков своей надежностью, прочностью и мореходностью. И пусть им не пришлось сойтись в бою со своими зарубежными визави. Фраза "Флот решает многие задачи одним своим наличием" подтверждена историей. Вложенные в них немалые средства эти корабли полностью оправдали. Правда их феноменальная прочность заставила потом, спустя много лет, изрядно понервничать морское начальство. Один из линкоров, использованный в качестве мишени при ядерных испытаниях, ни как не хотел тонуть. Даже то, на что его создатели совсем не рассчитывали, а именно три ядерных взрыва, не смогли отправить его на дно. Сорванная с якорей обгорелая туша линкора дрейфовала под действием волн и ветра. При этом фонила она так, что ни о какой буксировке не могло быть и речи. Адмиралы уже собирались вызывать торпедоносцы, чтобы упокоить "летучего голландца", но ветер сменился и вынес многострадальный корабль на берег, где он и застыл навеки памятником таланту русских инженеров и труду русских рабочих. К сожалению памятник этот вряд ли кто увидит. В эти края даже каторжников не ссылают, жалеют. Лишь мерцает на экране радара патрульного дирижабля засветка, говоря о том, что корпус корабля ещё не сдался волнам.

1924 г.

Санкт-Петербург.

Николай Романов умирал. Его тело просто устало бороться за жизнь, и ни какие усилия врачей здесь помочь уже не могли. Да и старая контузия сказала, такие встряски, для организма бесследно не проходят. В последнее время у него стали сильно дрожать руки, но он невероятным усилием слабеющих мышц это всячески скрывал. Невместно Государю демонстрировать слабость!

Он лежал на пышных перинах, в окружении толпы медиков и сиделок и, отрешившись от происходящего вокруг, подводил итоги своей жизни. Как же наивен он был тогда, много лет назад, когда собирался покарать своих врагов, используя для этого всю мощь России. Только на то, чтобы взять в руки рычаги управления страной ушли долгие годы. Ещё больше времени ушло на то, чтобы используя эту власть, привести в порядок экономику, финансы, политику внутреннюю и внешнюю. И эта работа, по наведению порядка, не имела конца и края. Стоило все наладить в одном месте, как на другом конце бесконечной страны все разваливалось и расползалось. Чтобы хоть как-то сдерживать центробежные силы, грозящие обрушить изрядно подгнившее дерево Российской Империи, ему приходилось действовать очень жестко. Сколько судеб он поломал, скольких казнил или сослал, он давно уже не считал." Наверно после смерти меня обзовут как-нибудь нехорошо — подумал Николай — Злобным или Кровавым... Это не важно, важно то, что мне все-таки удалось взять вверх над своими врагами". Как говорил какой-то древний мудрец "Можно уничтожить вражеское оружие, можно убить вражеских солдат, но самая лучшая победа — это когда удалось поломать планы врага". И вот сорвать эти планы он смог. Понятно же, что ни кто не метил лично в Николая или его близких, метили в Россию. Кто-то хотел нажиться на огромных богатствах, что имела его держава. Кто-то желал России зла из патологической ненависти. Врагов было много, они были сильны и хитроумны, но ничего у них не получилось. "И не получится — злорадно подумал Николай — Империя здорово окрепла, а как вас Ольга начнет против шерсти чесать, ещё меня не раз добром вспомните!" Его младшая сестренка, тихоня и умница, имела внутри просто стальной стержень. Николай был уверен, что взяв власть в свои маленькие, но крепкие ручки, она справится с трудной задачей по управлению страной не хуже, а может даже и лучше, чем он. Жаль только замуж выдать её не успел.

Николай закрыл глаза, и вдруг увидел Алису. Она стояла посреди цветущего сада и, улыбаясь, держала на руках маленького мальчика в матросском костюмчике. Это мой сын, сразу понял Николай. Вокруг смеясь и дурачась, бегали девочки, его дочери. Легкое удивление кольнуло в мозг. Какие дочери? Какой сын? Ведь у них с Аликс так и не было детей! Алиса смешно надула губы в притворной обиде. "Ники, милый, ну как ты не понимаешь, тут все совсем по-другому! Мы любим тебя, иди же к нам!"

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

ПРОЛОГ

— 1927 г.

Яванское море.

Тюити Нагумо, оставляя за собой кровавую полосу, с трудом выполз из рубки на мостик. "Нака" уже сильно накренился, скоро пойдет на дно. Как же обидно! В первом же бою потерять корабль! Если бы не смертельное ранение (он понимал — осколок в живот, это не лечится) пришлось бы делать сепукку. А так он хотя бы не потеряет лицо, уйдет на дно вместе с крейсером.

Им просто не повезло, один из первых снарядов голландцев попал в машину, лишив корабль хода. Потом крейсер расстреляли, как неподвижную мишень. И теперь голландская эскадра безнаказанно уходит, и догнать её некому — остальные корабли японского флота находятся далеко. Одна надежда на самолеты. Догнать они точно смогут, а вот смогут ли потопить — неизвестно. Еще ни кто не применял морскую авиацию в бою. Ему страстно захотелось, чтобы за них отомстили. Он закрыл глаза. Перед затуманенным болью взором предстала восхитительная картина. Белые самолеты с красными кругами на крыльях в пух и прах разносили беспомощные корабли. Правда, это были не удирающие легкие крейсера голландцев, а чьи то линкоры, стоящие на якоре в бухте, но это было не важно. Капитан Нагумо умер с улыбкой на лице.

Минору Гэнда выключил зажигание, и устало откинулся на спинку сиденья. Он чудом посадил поврежденный самолет, почти не слушающийся рулей. Когда он вылез из кабины, то увидел, что механики, облепившие машину, вытащили из хвостового оперения кусок металлического троса. Гэнда покрутил его в руках. Похоже на антенный тросик с корабля. Как он туда попал — одним богам известно. С трудом, на ватных ногах он поднялся на мостик авианосца и доложил командиру корабля:

— Господин капитан первого ранга. Противник был нами обнаружен и атакован. Когда я выходил из боя, головной крейсер получил две торпеды и тонул, второй сильно горел. Для полной победы необходим повторный налет. Готов вести вторую волну, но мне нужен новый самолет — моя машина повреждена.

На бесстрастном лице Исороку Ямомото появилась улыбка.

— Выходит, не зря тебя выдернули из Академии, вместе со всем твоим цирком. Бери запасную машину и возглавь вторую волну. Чтобы никто не ушел — Улыбка на лице Ямомото пропала, сменившись злобным оскалом.

— За "Нака" надо отомстить. Я знал его командира. Блестящий морской офицер, подавал большие надежды. Когда подойдут "Конго" и "Харуна", там не должно быть никого живого. И сам не рискуй, твое дело наблюдать со стороны и все примечать. Никто не знает, как надо правильно применять авианосцы. Мы будем первыми, этот опыт поможет нам в будущем. Выполняй!

1927 г.

Лондон.

Собравшиеся в гостиной одного из лондонских особняков джентльмены, несомненно,

относились к высшей элите Соединенного Королевства. Все они были попеременно то руководителями кабинета, то министрами в нем, меняясь на различных должностях, как в калейдоскопе и создавая у непосвященных иллюзию перемен во власти. На самом деле это был узкий круг, в который приходили по родству, а уходили по старости. Никого не удивляло, что нынешний премьер — племянник предыдущего и двоюродный брат Первого Лорда Адмиралтейства. Перемены же в должностях были своеобразным спортом. Вчера Сэр Джон выиграл в крикет, а сегодня Сэр Артур выиграл выборы. Соперничество это было далеко не спортивным. Воспитанные в частных школах, с их телесными наказаниями и принудительным гомосексуализмом, "люди с жесткой верхней губой" становились законченными циниками и подлецами. Они без малейших сомнений применяли яд или кинжал в прошлом и донос или клевету в настоящем. Их взаимоотношения напоминали скорпионов в банке, а объединялись они лишь при внешней угрозе. Эти люди правили Британией, а соответственно и всем миром. Жалкие потуги кого-то другого проявить независимую волю они воспринимали как нарушение законов мироздания. Ведь только они, по праву рождения могли решать, что и как будет происходить в этом мире. Именно они придумали расовую теорию и такие замечательные понятия как "концлагерь" и "недочеловек", что доказывает их несомненное интеллектуальное и моральное превосходство.

— Не вижу никакой проблемы в том, что наша ручная мартышка кого-то покусала — Стэнли Болдуин излучал уверенность в себе — тем более, что покусала она не нас, а королеву Вильгельмину, ха-ха...

— Проблема не в том, что японцы побили голландцев, а в том, что нас поставили в известность, когда операция уже шла полным ходом — Остин Чемберлен оптимизм коллеги не разделял — к тому же они получают в свое распоряжение Индонезийскую нефть.

— Нефть как принадлежала "Ройал Датч Шелл", так и принадлежит. А то, что голландскую колониальную администрацию сменит японская, для нас несущественно. Ведь мы контролируем этот район, не правда ли, Сэр Джон?

Первый Лорд Адмиралтейства, Сэр Джон Джеллико отпил из бокала, наслаждаясь вкусом изысканного бренди.

— Несомненно, господа. Наша Восточная эскадра способна разгромить в тех краях кого угодно. Мы держим руку у японцев на горле. После прихода в Сингапур новых линкоров нам в тех морях нет равных по силе.

— Японцы победили голландцев, используя авианосцы. Нет ли в этом угрозы для нас?

— Макаки с большим трудом утопили два древних крейсера. А береговая авиация с аэродромов Сингапура всегда прикроет наши корабли с неба. Самолеты наземного базирования сильнее палубных по определению. У нас нет никаких поводов для беспокойства.

ГЛАВА 13

1931 г.

Москва.

Огромный кабинет, почти что зал, был залит солнцем, ярко светящем через высоченные

окна. По центру проходил длинный стол для совещаний, который упирался в не менее монументальный стол хозяина кабинета. Вся обстановка помещения говорила о высоком статусе этого хозяина. На приставном столике громоздилась батарея телефонов, заднюю стену занимала большая карта Империи, но одна деталь выбивалась из стиля, общего для всех начальственных кабинетов. Позади хозяйского кресла не было портрета главы государства. В кабинете было тихо, только откуда-то доносился звонкий девчоночий смех. В дубовых панелях, закрывавших стены, была незаметная дверца. За ней находилась маленькая комната, обстановкой напоминающая монашескую келью. Стеллаж с книгами, тумбочка и узкая кровать, застеленная казенным одеялом. На ней, с книгой в руках, лежала миниатюрная, даже скорее хрупкая женщина в простом светло-синем платье. Её лицо, сохранившее миловидность, несмотря на возраст, сейчас, когда женщина смеялась, было просто красивым. Это лицо и было на портретах, висящих во всех других кабинетах в России. Женщина вытерла платком слезы, проступившие от смеха, и с сожалением отложила книгу о похождениях двух жуликов, бывшего предводителя дворянства и сына турецкоподданного в поисках бриллиантов. Секундная стрелка больших настенных часов неумолимо приближалась к двенадцати, а значит перерыв закончен. Еще со времен учебы Ольга привыкла делать каждый час перерыв в пятнадцать минут. Став Государыней, она эту привычку сохранила и сделала правилом. Министров и генералов эти школьные порядки изрядно раздражали, но Ольга была неумолима, и когда подходило время, прерывала самые важные совещания, отправляя мужчин курить, а сама уходила в комнату отдыха, где могла сделать зарядку, принять душ или просто поваляться с книгой.

Едва Императрица заняла своё рабочее место, как зазвонил телефон. Информация была шокирующей: " В Берлине мятеж социалистов. Кайзер Вильгельм убит. Наследник, Фридрих-Вильгельм, находящийся в Москве с визитом, срочно просит аудиенции".

— Проходите, Ваше Высочество — Ольга принимала гостя в углу кабинета за маленьким чайным столиком, что подчеркивало неофициальность переговоров — позвольте принести Вам мои соболезнования.

— С таким правильным "хохдойч" она может немецкий язык в Берлинском Университете преподавать — подумал Фридрих.

— Ваше Величество, я сегодня же отбываю в Берлин, и хотел бы знать, какова будет позиция России в связи с имеющимся кризисом. Вы понимаете, что для меня это очень важно.

— Скажите, Фридрих — вдруг по-простому, нарушая этикет, заговорила Ольга — Вы знаете, почему убили Вашего отца? Его убили потому, что он не хотел начинать войну с Россией в ближайшие годы. Он собирался воевать с нами в отдаленном будущем, а это не устраивает очень многих. В том числе и Вас.

Наследник Германского трона выпрямился и закаменел лицом.

— Судя по тому, что и как Вы мне говорите, из этого кабинета мне живым не выйти. Но знайте...

— Боже мой, бедный мальчик — Ольга как-то чисто по-женски всплеснула руками — как же тебе задурили голову!

Какое-то время в кабинете висела напряженная тишина. Потом Императрица заговорила, тщательно подбирая слова.

— Фридрих, мы не англичане. Мы не делаем подлостей, приносящих сиюминутную

выгоду, и не потому, что мы такие уж благородные. Мы считаем, такое у нас мировоззрение, что однажды сделанная подлость обязательно вернется обратно. И вернется она сторицей. Поэтому Вы можете совершенно не беспокоиться за свою безопасность. Пока находитесь у нас. А вот когда Вы окажетесь в Германии, то я за вашу жизнь не дам и ломаного гроша!

— Почему?

— Потому, что если бы Вы были нужны заговорщикам, они бы не стали нечего делать в Ваше отсутствие. А раз они совершили переворот без Вас, то Вы им будете только помехой, от которой они быстро избавятся. Судя по их действиям, решительности им не занимать.

— Вы знаете, кто они?

— Конечно — Ольга прошла к столу и достала толстую канцелярскую папку.

— Главным у них некто Штайнер. Профессиональный мошенник и демагог. Был вытащен британской разведкой из нищеты и с её помощью начал свою политическую карьеру. Остальные персоналии того же пошиба. Неудачники, озлобленные на весь свет, жулики и псевдоученые.

— Но партия "Возрождение Германии" имеет свою идеологию — начал возражать Фридрих.

— Нет у них никакой идеологии! — резко ответила Ольга, стукнув ладонью по лежащей перед ней папке — по велению своих кукловодов эти клоуны будут с пеной у рта бороться за что угодно! Хоть за вегетарианство, хоть за права пингвинов из Антарктиды! А в процессе этой борьбы они все вокруг заливают кровью!

— Вы хотите сказать, что все это инспирировано из-за рубежа?

— В значительной части. Вот посмотрите — Императрица показала лист бумаги с красивыми разноцветными графиками — Вот эта линия означает количество компаний, ведущих совместные дела с Россией. Точнее их суммарную стоимость. Вы видите, что из года в год их число, и соответственно влияние, растет. Они категорически против войны с нами — это подорвет всю их деятельность. Вот эти компании от нас получают только сырье. Они кто за, кто против. А вот для этих фирм мы являемся конкурентами. Они спят и видят, что Россия исчезла. Они и финансируют всю эту банду сумасшедших. Именно рост числа сторонников дружбы с Россией толкает их на авантюры. Ведь упрочнение русско-германских связей лишает их прибыли. Ну а для зарубежных "друзей", особенно с Острова, война между нами это решение всех проблем.

— Но Россия душит Германию, не дает ей развиваться!

— Это глупое вранье придумали для тех, кто не способен сложить два и два! — Ольга не на шутку разозлилась — неужели Вы не владеете данными по экономике? Да такого роста производства, как сейчас у Германии и России нет ни у кого в мире! Это следствие нашего сотрудничества. Для нас приоритетным является внутренний рынок, а для вас — внешний, мы не соперники, а союзники, так сложилось исторически! И что, в угоду небольшой кучке толстосумов, которые теряют прибыли, навредить и Германии и России?

— Почему же Вы не предупредили моего отца?

— Кайзер имел всю информацию в полном объеме. Просто он держал ярых сторонников войны как противовес друзьям России, которые набирали все большую силу. Такого быстрого развития событий никто не предполагал, ждали резких движений скорее с Вашей стороны.

Ольга задумалась.

— Вы знаете, мне кажется, что Кайзер в глубине души понимал, что военное решение

противоречий с Россией невозможно.

— Почему же невозможно — Фридрих посмотрел на Русскую Императрицу с превосходством, которое, несомненно, имеет любой военный перед гражданским штафиркой — Германская армия сильнейшая в мире. Мы легко можем разбить вашу армию и диктовать свою волю, как победители!

— Я всегда говорила об ущербности чисто военного воспитания Наследника Престола — вздохнула Ольга — даже если вы разобьете нашу армию, а это не так просто, как Вам кажется, вы не победите в войне. Вместо разгромленных войск перед вами встанут новые. Когда вы победите эти войска, за ними придут следующие. Да и та территория, что останется у вас за спиной, не будет вами покорена. В захватчиков будет стрелять каждый куст, каждое дерево. Вам придется размещать гарнизоны в каждой деревне, на каждом перекрестке. Посмотрите на карту — она махнула рукой за спину — хватит ли у Германии солдат, чтобы поставить на каждом углу "пост круглосуточный, трехсменный"? — Императрица явно была знакома с Уставом Караульной Службы.

— Вы собираетесь натравить на нас мужиков? Но это же...

— Это не я собираюсь, это народ у нас такой — ласково, как объясняют малым детям элементарные вещи, сказала Ольга — Может и не сразу, мы долго раскачиваемся, но русский мужик обязательно возьмется за топор и прогонит любых захватчиков. Еще раз повторю — военная победа над Россией НЕВОЗМОЖНА!

Фридрих вдруг сгорбился и закрыл лицо руками. Видимо происходящее все же выбило его из колеи.

— Мой Бог! Они убили отца! Я не очень-то его любил, но он мой отец! Что же теперь будет! Тетя, скажите...

— Война будет — устало вздохнула Ольга — Много горя и крови. А после войны будет мир, все войны когда-нибудь заканчиваются.

— И если Вы, Ваше Высочество, считаете себя ответственным за судьбу Германского народа — голос Императрицы стал жестким — то Вам придется приложить немало усилий, чтобы этот мир для Германии стал именно миром, а не унижительной капитуляцией!

Проводив гостя до дверей, и распрощавшись с ним подчеркнуто радушно, Императрица позвала секретаря.

— Роня Михайловна, как Вы понимаете, все планы меняются. Вызывайте наших главных дипломата с разведчиком, буду им фитиль вставлять. Это же надо умудриться, такое проморгать!

— Уже вызвала, Ольга Александровна, через час будут — Глава Имперского Секретариата прекрасно ориентировалась в ситуации, и её действия зачастую опережали поступающие распоряжения.

Когда, будучи еще Наследницей, Ольга вытащила из приюта маленькую Роню, то сделала это исключительно из жалости. Девочка была худа до невозможности, ручки-ножки как спички, только глазищи черные блестят. Окружающие восприняли это как блажь, вроде как котенка подобрать. Однако Наследница со всей серьезностью восприняла совет старшего брата: " Оля, тебе будут нужны свои люди. Начинай их подбирать уже сейчас. Ищи умных и преданных, приближай к себе. Потом эта забота к тебе сторицей вернется!" Девочку отмыли, откормили, и начали серьезно учить. Ольга сумела разглядеть в маленькой сироте

не только живой ум, но и не свойственную её годам волю. Роня училась упорно, и скоро стала для наследницы настоящей помощницей. Став Императрицей, Ольга назначила Роню Бескину Главой секретариата.

У некоторых, не очень умных царедворцев, это вызвало отрицательные эмоции. Один, откровенно глупый, эти эмоции озвучил: " Совсем рехнулись, жидовку во дворец притащили!" Придя в свой кабинет, он обнаружил, что из министра превратился в ссыльнопоселенца "За оскорбление Высочайших Особ". Когда за экс-министра попытались заступиться, то Ольга разъяснила политику начальства для особо непонятливых. "Назвав моего секретаря жидовкой он её не оскорбил, а всего лишь констатировал факт. Но вот заявление во всеуслышание о том, что Императрица рехнулась, является государственным преступлением". От слов Императрицы так дохнуло сибирскими морозами, что присутствующие побледнели. Дураки после этого случая заткнулись, а умные видели, что Имперский секретариат работает как хронометр "Павел Буре", и в этом немалая заслуга его начальницы. И теперь монументальная фигура Рони Михайловны (куда делись ручки-ножки веточки!) возвышалась за столом в приемной, а её львиный рык: "Я не понимаю, в чем тут дело!" вгонял в трепет царских адъютантов.

Ольга пристально смотрела на вытянувшихся перед ней во фрунт, несмотря на штатскую одежду мужчин.

— Я не буду вас ругать — тихо, почти шепотом сказала Императрица — Я жду от вас точного ответа на вопросы. Что будет дальше?

— Новое Германское руководство будет несомненно вести дело к войне с Россией.

— Когда будет эта война?

— Не раньше чем через пять лет, но не позже, чем через десять.

— Откуда такие сроки?

— В последние годы, в связи с отсутствием сухопутных противников, Германская Империя основной упор делала на развитие флота. Их армия очень хорошо подготовлена и великолепно оснащена, но слишком мала по размеру, чтобы воевать с Россией. На развертывание нужно время. Пять лет — минимальный срок. Максимальный срок в десять лет вытекает из самой сути нового режима, долгого бездействия их хозяева терпеть не будут.

Ольга задумалась. Министр Иностранных Дел и Начальник Разведывательного Управления стояли не шевелясь и, казалось, не дыша. Они понимали, что сейчас решается их судьба.

— Повторю слова Талейрана — после недолгого молчания заговорила Императрица, заставив обоих мужчин вздрогнуть — Это не преступление, это хуже, это ошибка. Искупить её вы можете только одним способом — Ольга снова сделала паузу. Дипломат с разведчиком побледнели. Ведь скажет Императрица стреляться — придется стреляться, иначе хуже будет.

— Искупить свою ошибку — повторила Ольга с нажимом — вы можете только безукоризненной работой на своем посту, чтобы впредь подобного не было! Идите!

1933 г.

Кенигсберг.

— Пистолет, который висит в кобуре у вас на поясе это не оружие, а символ власти.

Полицейские стреляют либо в глупых кинофильмах, либо в Америке. В отличие от дикарей, которые безостановочно палят в таких же дикарей, как они сами, вам не требуется доставать оружие. За спиной полицейского Германской Империи...гм...гм...Германской Республики стоит вся мощь государства!

Генрих Мюллер, длинный, тощий и носатый, прохаживался перед строем выпускников Школы Полиции, как цапля перед лягушатами. Понятно, что в голове у мальчишек погони и приключения. Но если полицейский гонится за жуликом, это значит, что свою работу он делает плохо. Ведь если хорошо подумать головой, то никуда бежать не надо, надо спокойно прийти в нужное, заранее вычисленное место и надеть на злодея наручники!

— Господин старший секретарь! — в дверь актового зала, где Генрих читал молодым нотацию, просунулась голова одного из мелких служащих — Там к Вам приехали!

В вестибюле управления топтался какой-то толстячок, одетый в незнакомый Мюллеру мундир. Многие организации в Германии имели собственную униформу, но такой Мюллер ещё не видел. Форма была хороша! Черного цвета, с серебряными знаками различия, просто красота! А вот толстяк не впечатлял. Обмундирование сидело на нем крайне неряшливо, что для настоящего немца было недопустимо.

Толстяк взмахну в воздухе ладонью, изображая новомодное партийное приветствие, и радостно затараторил, светясь фальшивой улыбкой.

— Приветствую Вас, герр Мюллер! Я Гауптзигштурмлидер Хольте. Я приехал сделать Вам предложение, от которого невозможно отказаться! Мы создаем новую, совершенно секретную полицию. Она будет заниматься делами государственной важности! И Вам в этой новой организации предлагается весьма высокая должность. Бросайте все свои дела, эта мелочь сейчас не важна! Вы поедете со мной, я представлю Вас самому Оберзигштурмлидеру!

— Ну...дык...эта...как его, кудыть? — жуткий баварский диалект, на котором сейчас говорил Мюллер совершенно не походил на правильную речь только что звучавшую в соседнем помещении — Я фулюганов ловлю, а там...эта, как его... ну вообще сложно оно. Не осилю я. Вы уж не сердчайте, господин хороший.

Хольте видел перед собой не лучшего сыщика Пруссии, которого ему обещали, а потомственного дебила из йододефицитного района. Плюнув на пол, он развернулся и не прощаясь вышел. Мюллер перевел дух. Хорошо, что предупредили заранее, смог продумать линию поведения. Он вспомнил разговор, который состоялся в прошлом году. Старый друг и бывший начальник предложил попить пивка в летнем ресторане.

Генрих бросил хлеб в воду и лебеди грациозно изогнув шеи заскользили по поверхности пруда за угощением.

— Скажи Фриц, как ты думаешь, это надолго?

— Не очень. Но этого времени им хватит, чтобы все обгадить. Уж больно рьяно эти клоуны взялись за дело. Прежде чем их скинут, они успеют сломать все, до чего дотянутся в Германии и устроить войну с Россией.

— С Россией? Я бы ещё понял если с Англией, но с Россией-то нам зачем воевать?

— Затем, что их для этого и поставили.

— И что же делать?

— Тебе — ничего. Пока ничего. Просто продолжай выполнять свою работу, как и раньше, у тебя, насколько я знаю, неплохо получается. И держись от них подальше. Когда

компания уродов, что залезла на трон, убив Кайзера, поймет, что этот трон под ними шатается, они наверняка начнут создавать специальные службы, чтобы давить всех, кто не с ними. Поскольку своих профессионалов у них нет, будут набирать из полиции. Сами они займут в этой структуре высшие должности и начнут командовать, а грязь разгребать поставят кого попроще.

— А я-то тут каким боком?

— Ты уже успел заработать себе репутацию хорошего сыщика, тебя наверняка позовут. Если бы они были умными, то создали бы такую организацию задолго до того, как пришли к власти. Тогда ещё можно было бы подумать, стоит ли иметь с ними дело. А поскольку ума у них нет, то не надо садиться в лодку, которая неизбежно утонет. С работы тебя ни кто не погонит — полицейские нужны при любой власти. А неучастие в происходящем сейчас в Германии шабаше тебе зачтется, когда... когда все вернется к естественному положению вещей. Ты же понимаешь, что люди, сейчас находящиеся в изгнании, в курсе всего, что здесь происходит.

ГЛАВА 14

1938 г. 2 июня. 12-00

Москва.

— Подданные Российской Империи! Солдаты Русской Армии! Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои!

Бесконечное людское море на Площади Трех Вокзалов, всегда бурлящее и шумное замерло, вслушиваясь в слова доносящиеся из рупора громкоговорителя. Негромкий женский голос, многократно усиленный вылетал из черных раструбов и, отразившись эхом от стен, метался над площадью.

— Многие годы, благодаря мудрым правителям, Российская Империя жила в мире. Упорный труд нашего народа привел Россию к процветанию. Мы давно уже не знаем голода, выросли новые города, поднялись школы и заводы. Русский народ своими руками строит лучшую жизнь для себя и своих детей.

Но мирная и счастливая жизнь, богатство нашей страны, не давали спокойно спать врагам России. Злоба и жадность одурманила их разум.

Сегодня, в четыре часа утра, германские войска напали на наши пограничные части. Германская авиация бомбила Брест-Литовск, Ковно, Вильно. Безбожники, убившие своего Императора, теперь, как бешеные псы, бросились на соседей. В отличие от войн, происходивших ранее, эта война ведется не за владение провинцией или городом. Они идут на нас, чтобы забрать себе все. Они хотят отнять у нас нашу землю, разграбить её богатства, а народ России истребить или обратить в рабов. Это война за наше право жить.

На русскую землю не раз приходили иноземные завоеватели. Все они нашли здесь свой бесславный конец. И сейчас с нами в одном строю будут Суворов и Кутузов, Александр Невский и Дмитрий Донской. Русская Армия уже дает достойный отпор захватчикам.

Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

Императрица замолчала. Над площадью повисла жуткая тишина. Всем было ясно, что прежняя жизнь закончилась. Все её радости и горести стали мелочью по сравнению с бедой,

которая навалилась на всех. Торговка пирожками, здоровенная бабища, громогласная и наглая, прикрыла рот ладошкой и плакала. Работяга в железнодорожной фуражке с молотками, который собирался купить у неё пирожки, замер, сжимая черные от угольной пыли кулаки. А над площадью загремела из репродукторов незнакомая песня со словами торжественными и страшными.

Вставай страна огромная! Вставай на смертный бой!

1938 г. Июнь.

Окрестности г. Кобрин.

Оберлейтенант Гельмут Заксен был вполне доволен жизнью. Солнышко весело светило с небес, отличная асфальтированная дорога ложилась под колеса его мотоцикла, и вообще все шло просто замечательно. Война, о которой так много говорили все последние годы, оказалась вовсе не страшной. Польшу они проехали за две недели, при этом в его сторону пару раз пальнули из придорожных кустов и на этом боевые действия закончились. А ведь он служил не в тыловых частях, а был самым настоящим разведчиком-мотоциклистом. Теперь впереди лежала Россия. Доедем до Москвы, а там и войне конец. Но сегодня надо всего лишь доехать до небольшого населенного пункта, название которого Гельмут не смог бы выговорить и под угрозой расстрела. Прямое как стрела шоссе шло по невысокой насыпи, а справа и слева от дороги простирались поросшие кривыми деревьями унылые заболоченные пустоши. Когда до точки назначения осталось проехать километров пять, дорога неожиданно закончилась. Разведчики смотрели на карту и ничего не понимали. На карте шоссе шло до городка со странным названием Пружаны, никуда не сворачивая. И по пути проходило мимо этой чертовой деревни с непроизносимым названием. На деле же дорога обрывалась у него перед носом, а дальше росли кусты и была какая то речка.

— Руди, может мы свернули куда то не туда? — обратился он к заместителю.

Вахмистр снял пилотку, почесал рыжий затылок, посмотрел на карту.

— Никак нет, господин Оберлейтенант, правильно мы ехали. Вот только куда дорога делась — не пойму.

Посланные вперед солдаты вернулись мокрые и грязные. Они доложили, что и за речкой-переплюйкой никакой дороги нет, а есть только негустой лес и болото. Заксен связался по рации со штабом полка и попытался объяснить ситуацию, но был жестоко осмеян. Если доблестные разведчики не могут преодолеть ручей, который даже на картах не обозначен, то пусть ждут полевую кухню. Кашевары наверняка эту страшную водную преграду форсируют, и заодно научат мотоциклистов, как это надо делать.

Разозленный Оберлейтенант пометался по берегу и совсем было решил продвигаться дальше пешком, как подошла головная рота из их полка. После короткого совещания решили, что хоть какую переправу делать все равно придется. Ближайшие деревья, подходящие для этого находились в сотне метров от дороги, на небольшом островке посреди болота. Солдаты, проваливаясь в грязь и громко ругаясь, потащили первые бревна к речке, когда где-то в стороне негромко бухнуло. Потом прямо над головой раздался свист и на берегу с грохотом разорвался снаряд. Гельмут рухнул на землю и замер в ожидании дальнейшего обстрела, но ничего не происходило. Жужжали мошки и негромко стонал раненый. Спустя некоторое время все зашевелились, раненных перевязали и вроде все стало как прежде. Вот только убитый солдат, лежащий в стороне, навел на невеселые мысли.

Стоило солдатам продолжить устройство переправы, как снова раздался орудийный выстрел, и убитых стало трое. Зато установили, что вражеское орудие ведет огонь откуда-то слева, из-за небольшого лесочка. Посланный вперед взвод пройти туда не смог. Сначала болото было по колено, потом по грудь, а потом один из солдат провалился с головой, и больше его не видели.

Спустя пару часов подошла вторая рота и застала их в той же позиции, только убитых было уже семеро. Пока они просто ходили по берегу речки, противник никак себя не проявлял. Тишина и спокойствие, никакой войны. Но стоило заняться наведением переправы, как проклятая пушка открывала огонь. И не достать её никак — болото! Вслед за пехотой подъехала полубатарей легких полковых пушек. Обрадованные пехотинцы быстро объяснили пушкарям, откуда ведут огонь русские. Орудия развернулись и вскоре позади леса, за которым прятались русские, встали частые фонтаны разрывов. Пехотинцы сначала с опаской, а потом уже спокойно занялись прерванной работой. Поначалу казалось, что все трудности позади. Но где-то через полчаса земля под ногами ощутимо вздрогнула, и в полукилометре сзади встал черный столб взрыва.

— Что это там взорвалось? — Гельмут не мог понять происходящего — ведь там ничего нет, просто дорога.

— Там такая же речка проходила под дорогой в трубе — объяснил один из артиллеристов — похоже, нас отрезали.

— Не говори ерунды! — с раздражением сказал Заксен — взорвали только полотно дороги и можно спокойно пройти рядом!

— Ага, так же как здесь — оскалил зубы наглый канонир.

Оберлейтенант собрался приструнить не в меру разговорчивого солдата, когда их накрыло. В этот раз все было намного хуже. Разбитые пушки валялись на дороге, громко ржали лошади, чадил один из мотоциклов, а каждые десять секунд раздавался новый взрыв. Русские методично избивали несколько сотен человек, сгрудившихся на маленьком пятачке сухой земли. Гельмут понял, что их тут просто всех перебьют.

— Отходим назад — заорал он — перебежками!

Перебежками не получилось, частый огонь не давал поднять голову. И Гельмут пополз, зарываясь лицом в грязь и отплевываясь от мерзкой болотной жижи. Он никогда не думал, что человек может ползти с такой скоростью, ему казалось, что перед его носом поднимается бурун, как перед кораблем.

Оберлейтенант Гельмут Заксен, мокрый и грязный, сидел на бревнышке. Он пил из кружки обжигаяще горячий кофе и был полностью доволен жизнью. Она, эта самая жизнь, у него осталась, и не оборвалась там, в проклятом болоте. Осторожно, чтобы не потревожить забинтованную руку, он поставил кружку на землю.

— Руди, камрад — окликнул он своего заместителя, который сидел рядом — ты понял, что все это было?

— Понял, господин Оберлейтенант — Рудольф, такой же грязный и оборванный с наслаждением отхлебнул из своей кружки — нас сначала вежливо предупредили "Не ходи сюда!", а когда мы не послушались, то просто отшлепали, как нашкодивших мальчишек!

Гельмут прошел всю войну, побывал даже в знаменитом Курляндском котле, но вот ненависти к русским так и не почувствовал. Откуда ненависть, когда он их почти и не видел, а та смерть, что прилетала с неба, была для него обезличенным и бездушным Роком. Он

навсегда, до судорог, возненавидел болота. Он ненавидел их совершенно иррационально и люто. После войны, несмотря на предложение остаться в кадрах, он уволился из армии и устроился в фирму, которая занималась мелиорацией. До конца дней своих он осушал ненавистные болота, и каждый раз, проходя по свежесыпанному грунту, испытывал злорадное удовлетворение.

1938 г. Август.

Окрестности г. Столбцы.

Генерал-лейтенант Теодор фон Бок шел по изрытому воронками полю и пытался разобраться, что же тут, черт возьми, происходит! Когда его войска продрались сквозь русское предполье и, наконец, уперлись в линию обороны, он обрадовался. Закончилась неопределенность, которая давила на него с самого начала компании. Продвижение германских войск, несмотря на отсутствие неприятеля, было настолько медленным, что вызывало у опытного генштабиста оторопь. Все предвоенные расчеты полетели к черту. Нет дорог, нет мостов, нет даже местного населения. Карты бессовестно врут. Это уму не постижимо, чтобы карты Германского Генштаба оказались неверными! Противника тоже нет, не считая постоянных обстрелов из кустов. А вот потери при этом есть и немалые. Немногочисленные дороги, стиснутые между лесами и болотами, были плотно забиты наступающими войсками. Любимая тактика русских — выпустить несколько снарядов из пушки и раствориться в непроходимых дебрях. Или взорвать мост. Или выпустить в колонну пулеметную ленту и исчезнуть. Зато теперь наступила определенность. Вот он враг, которого надо разбить, вот наши войска, вот вражеские укрепления, вот наша артиллерия. Оборона русских была сметена мощным артиллерийским ударом, германская армия устремилась вперед, но через несколько километров опять уперлась в оборонительную линию.

Генерал огляделся. Воронки, на дне которых плавал сизый дым, наползали одна на другую, из разрыхленной земли торчали огрызки бревен и непонятные грязные ошметки. Сильно воняло сгоревшей взрывчаткой, так, что першило в горле и слезились глаза.

— Сколько взяли пленных? — спросил он начальника штаба.

— Два десятка. В основном раненные и контуженные.

— А куда же делась русская армия? Ведь она же здесь точно была. Когда мы попытались прорваться с ходу, нас существенно потрепали.

— Она там — полковник махнул рукой на Восток, откуда доносилась вялая перестрелка — За те две недели, что мы стягивали артиллерию и срывали эти окопы, они отошли и закрепились. Тут оставались небольшие заслоны.

— Чтобы сотворить вот это — генерал обвел рукой лунный пейзаж вокруг — мы потратили несколько эшелонов снарядов. В результате продвинулись на пять километров. И что нам делать дальше? — задал он риторический вопрос. Полковник благоразумно промолчал.

От штабных машин, остановившихся на холме, к ним подбежал один из адъютантов.

— Господин генерал! Только что сообщили — убит начальник связи корпуса.

— Черт знает что! — взорвался генерал — я миллион раз говорил этому великовозрастному мальчишке, чтобы не лез вперед! Место начальника связи — в штабе! А ему все славы хотелось, на броневичке впереди всех, как герой. И вот результат!

— Все произошло в тылу — осторожно уточнил адъютант — застряла колонна с

имуществом связи, и полковник Гудериан поехал разбираться с проблемой. Их обстреляли. Колонна уничтожена, Гудериан погиб.

В этот момент с неба донесся странный хруст, как будто рвали бумагу. Начштаба сориентировался первым.

— Ложись! — заорал он, и, схватив генерала, грубо повалил его в полузасыпанную траншею. Земля толкнула генерала в грудь, а потом, как будто великан припечатал их сверху огромной ладонью. Фон Бок захотел приподняться, чтобы посмотреть, что случилось, но полковник прижал его к земле и с каким-то сумасшедшим весельем в глазах прокричал прямо в лицо.

— Крупный калибр! Пятнадцать сантиметров, а может и все двадцать!

По спине барабанили комья земли, рыхлая почва под ним тряслась, как желе, и генералу уже не хотелось высываться. Ему хотелось зарыться в эту землю поглубже, и он инстинктивно шевелил руками, пытаясь как крот пробуриться вниз.

Штабс-капитан Зимин казался самому себе воплощением многорукого индийского божества, изображение которого он когда-то видел. Сидя в полутемном каземате поста управления огнем он плечом прижимал к уху одну телефонную трубку, в руке держал вторую и при этом еще умудрялся черкать карандашом по карте и считать на логарифмической линейке. Как и положено божеству, силами он повелевал немалыми. Повинуясь его командам, наводчик выставил на лимбе новые цифры и аккуратно подвел прицельную марку к ориентиру, обозначенному на карточке огня как "одинокая сосна". Орудие на железнодорожной платформе, напомилавшее из-за длинных упоров гигантскую водомерку, выплюнуло стокилограммовый снаряд. Потянулись томительные секунды ожидания, а потом в телефонной трубке у Зимина, вместо уставного доклада, раздался дикий вопль, к счастью приглушенный километрами проводов." А-а-а! Попал! В самую мякотку! Аж колеса брызнули! "Потом корректировщик видимо сообразил, что хотя начальство находится далеко и его дикарских плясок не видит, оно все прекрасно слышит и доложил, как положено: "Накрытие".

Интерлюдия

Военные очень любят большие пушки. Оно и понятно, чем больше орудие, тем сильнее его снаряд и тем больнее он ударит по супостату. На море эти аппетиты худо-бедно удовлетворяются и корабли несут орудия все большего и большего калибра, а вот на суше — увы не получается. Все мечты генералов о больших пушках разбиваются вдребезги по одной простой причине. Эта причина называется лошадь. Именно лошадиная сила таскает на марше и по полю боя орудие, и если его сделать неподъемным, то и смысла в нем нет. Да и сама артиллерийская лошадь животное не простая. Это не крестьянская безропотная скотинка, дешевая и неприхотливая. Першероны дороги, а уж сколько они жрут... Лишняя пара лошадей в каждой упряжке добавит забот снабженцам. Правда конструкторы обещают в ближайшем будущем создать тягачи, способные увезти значительный вес, но пока таких тягачей нет, приходится ограничивать свои пожелания. Конечно, можно сделать орудие разборным и возить его по частям, но это годится лишь для орудий осадных. Вражеская крепость, для обстрела которой привезут большую пушку, никуда не убежит. А если цель может сменить свою дислокацию? Батарея противника, досаждающая нашим войскам, не будет дожидаться, когда при помощи подъемного крана и какой-то матери соберут огромное

орудие для её подавления и спокойно переедет в другое место.

Проблему транспортировки мощных артиллерийских систем на суше помогла решить... другая проблема. Она возникла у артиллеристов уже морских, в связи с разработкой ими новой пушки. Восьмидюймовое орудие было сконструировано и испытано на полигоне, промышленность подготовила все, что надо для его производства, когда выяснилось, что нужды в нем нет. Корабли, для которых оно предназначалось, были монаршей рукой вычеркнуты из списков на постройку. Производители, которые уже подсчитали будущую прибыль, забегали, как ошпаренные, пытаясь пристроить свое изделие хоть куда-нибудь. От них не отставали и конструкторы. Одно дело, когда ты просто создал хорошее орудие, и совсем другое, когда его приняли на вооружение. Тут размер получаемых плюшек несколько иной. Решить обе проблемы помогла чья-то умная голова, которая предложила поставить мощные орудия на железнодорожный ход. Этому решению способствовала новая военная доктрина, принятая в 1917 году. Она предусматривала оборонительные действия, с опорой на полосу укреплений. А что из себя представляют современные укрепления? В первую очередь это не бетонные лбы фортов, а развитая сеть складов с припасами и рокадных дорог. Железнодорожники заверили, что так называемый "тяжелый" путь сможет выдержать отдачу восьмидюймового орудия без особых повреждений, что и дало зеленый свет созданию артиллерийских дивизионов "особой мощности". В их задачу входило уничтожение важных целей, таких как штабы и склады, а так же контрбатарейная борьба. И вот теперь один из таких дивизионов "дорвался до сладенького", когда в окуляры наблюдателей попало скопление автомашин и блеск генеральских погон.

Они сразу и не поняли, что все уже закончилось. С трудом выбравшись из под засыпавшей их земли, генерал огляделся. Вроде ничего не изменилось. Те же дымящиеся кучи вокруг. Только исчезли куда-то машины с пригорка, а вместо адъютанта на земле валяется порванный сапог.

1938 г. Сентябрь.

Харьков.

Харьковский Паровозный Завод был широко известен, как в России, так и за её пределами. Его локомотивы отчаянно конкурировали с коломенскими, и спор, какие лучше не имел начала, конца, да и смысла. А вот то, что рядом с ним находится Казенный Паровозный Завод, было мало кому известно. Хотя, по нынешним временам, тесной связью частного и казенного производства никого не удивишь. Если же кто-то начинал проявлять излишнее любопытство, то это вызывало нехороший интерес у организации, которую лучше не поминать к ночи. Местные жители на этот завод внимания не обращали. Стоит завод, и пускай стоит, работает, да и Бог с ним.

Начальник Харьковского Казенного Паровозного Завода, Вячеслав Александрович Малышев, с тоской глядел на сидящих перед ним инженеров.

— Ну почему вы не пришли ко мне с этим год назад, когда никакой войны не было! У меня сейчас план по минутам расписан, а для внедрения вашей технологии надо все производство останавливать! Это невозможно!

— Год назад этой технологии просто не было — Пожилой академик с роскошными усами на худом лице, явный предводитель компании новаторов, не мигая смотрел в красные от недосыпания глаза Малышева — а остановка производства на две недели будет

компенсирована увеличением производительности. Александр Александрович, покажите Ваши расчеты.

Начальник сборочного цеха Морозов двинул по столу листок с цифрами. Он заметно волновался. Всего два месяца на должности, а тут надо принимать решение в стиле "пан или пропал" За производством следят с самого верха и срыва плана им не простят.

Малышев углубился в расчеты.

— Если производство будет остановлено и модернизировано, то можно поставить на конвейер новую модель — академик был полностью уверен в своей правоте — Михаил Ильич, Вам слово.

— Благодаря применению сварки, вес машины может быть уменьшен на двадцать процентов. Это первый вариант. Второй вариант предлагает наш Питерский коллега — оставить вес прежним, но существенно усилить лобовую часть изделия — начальник КБ Кошкин избегал называть их продукцию своим именем даже на закрытом совещании. Драконовские правила секретности вбивались в голову жестко, даже порой жестоко.

— Зачем надо усиливать броню? Вы с дредноутами воевать собираетесь? — Малышев непонимающе посмотрел на Николая Шашмурина, молодого инженера из Петербурга, недавно прибывшего на завод.

— На Нижегородском полигоне, в процессе испытаний, придумали, как нейтрализовать наши...ээ...изделия. Старая морская скорострелка Гочкиса с этим справляется вполне успешно. Пушка маленькая, легкая, артиллеристы ей колесный лафет кустарно сделали. Пушек этих на складах очень много. Думаю, что первое применение нашей техники вызовет у противника шок, но потом враги опомнятся и начнут спешно искать противоядие, а это решение лежит на поверхности. Надо заранее готовиться к будущим неприятностям.

— И у Вас уже и проект есть?

— Конечно, вот чертежи обоих вариантов.

— Но две недели — это много, неделя, не больше!

— Хотя бы десять дней...

— Послушайте, мы не на Одесском Привозе!

Совещание затянулось надолго. Термин "Сварка Патона" стал потом, спустя много лет, нарицательным. Крик "Русские пантеры!" был запрещен в германской армии в приказном порядке, как вызывающий панику.

ГЛАВА 15

1938 г. Ноябрь.

Москва.

В большом кабинете было очень тихо, только чуть слышно шуршали переворачиваемые страницы. Императрица внимательно, с карандашом в руках, просматривала документы из простой серой канцелярской папки, а два десятка человек смотрели на неё, затаив дыхание. В том плане, что лежал перед ней, Генштаб сделал ставку на использование технической новинки. По замыслу генералов вражескую оборону должны были прорвать бронеходы, причем прорвать сразу на всю глубину, что не даст противнику шанса закрыть прорыв. Но вот гарантии в том, что новая техника окажется "палочкой-выручалочкой" не мог дать ни кто. Бронеходы были созданы ещё при Николае. Император благоволил различным

изобретателям, даже предлагавшим полную...как бы её помягче назвать... утопию. Он считал, что если из десяти проектов хоть один окажется полезным, то это с лихвой окупит затраты на все остальные. Машины были построены и даже приняли участие в Польском походе, где неплохо себя показали. А потом военные долго чесали затылки, думая куда бы их пристроить. В имеющуюся армию они ни как не вписывались. Для наступления, которое виделось генералам в виде броска войск на большую глубину, они не годились из-за малого запаса хода и низкой скорости. В обороне никуда ездить не надо. Для прорыва вражеской обороны они тоже не нужны, там все сделает артиллерия. Вот и оказалась данная техника в роли чемодана без ручки. Решено было оставить самоходы в виде опытовой воинской части, по принципу "шоб було". Завод в Харькове, точнее филиал при паровозостроительном заводе, проектировал и выпускал небольшие партии бронеходов. Подразделения, вооруженные ими, были скорее экспериментальными, чем боевыми. Ситуацию изменила начавшаяся война. Все предыдущие теоретические построения и расчеты оказались несостоятельными. Выяснилось, что генералы, как всегда, готовились к прошедшей войне. Ни о каких прорывах и стратегических наступлениях и речи не было. Артиллерия добросовестно срывала вражеские окопы, но прорвать оборону это не помогало. За время многодневной артподготовки противник успевал построить новую полосу укреплений в нескольких километрах позади — "на колу мочало- начинай сначала".

Астрономические цифры израсходованных боеприпасов вызывали у Ольги оторопь. Цифры безвозвратных потерь — бешенство. Когда идиот в генеральском мундире построил полк и под оркестр повел его на пулеметы, никаких других чувств у нее не возникло. Голов тогда полетело немало. Попытки наступать были прекращены. Но и сидеть в окопах до морковкиного заговенья и ждать, что все само рассосется нельзя, надо что-то делать.

Наконец Ольга закончила чтение и, сняв очки, оглядела присутствующих. Все они были одеты в серо-зеленую полевую форму, и их высокие звания можно было определить, только всмотревшись в количество и размер звезд на погонах. Сразу после начала войны был издан указ, предписывающий всем военнослужащим "форму одежды — полевую, без ношения наград, за исключением Георгиевских". Некоторые павлины серьезности этого указа не поняли и лишились как формы, так и должностей. Очень удачно вышло, получилось продвинуть наверх нужных людей.

В указе был обозначен и срок его действия — с 04.06.38 (включительно) по День Победы (исключительно)

— Господа генералы, ваш план, несомненно, превосходен, другого я от вас и не ожидала — негромкая размеренная речь вызвала ассоциации с учительницей, объясняющей классу сложную теорему — но позвольте напомнить вам о других планах, которые были не хуже. Германский Генштаб рассчитывал разгромить русскую армию в приграничном сражении и потом беспрепятственно двигаться вперед. Этот план провалился. Русский Генштаб собирался задержать вражеские войска в полосе обеспечения, а потом, на подготовленных позициях нанести встречный удар. В части первой, эта задача была решена, а вот с контрударом не вышло. Хорошо ещё успели вовремя остановиться и не понесли невосполнимых потерь.

В том, что враг был задержан в приграничье, не наша заслуга. Идея создания "Засечной Черты" принадлежит моему брату. Подготовил егерей и разработал для них тактику генерал Брусилов. Переселил местное население в Желтороссию тогдашний премьер Столыпин.

Этих людей с нами уже нет. А мы с вами свою часть работы не выполнили.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Война, которую мы ждали и к которой готовились преподнесла немало неожиданностей. Ни кто не ожидал, что "система рассредоточенной фортификации" окажется непреодолимой для лучшей армии Европы. Эту систему приняли только потому, что она была самой дешевой из предложенных. Никто не думал, что немцы так быстро её скопируют, и наши войска так же не смогут её преодолеть. И теперь мы имеем окопы от Балтики до Карпат. Линия фронта замерла на месте и вряд ли сдвинется до весны, да и весной неизвестно что будет.

Как вы все понимаете, затягивание войны наруку только нашим врагам. Они сейчас считают барыши и ждут, когда последний немец убьет последнего русского. Решительный удар нам необходим. Но в случае его провала наше положение будет намного хуже, чем сейчас. Пока наши потери не велики, пока есть надежда на быстрое и победоносное завершение войны, состояние дел внутри Империи остается стабильным. Если же впереди будет только бесконечное сидение в окопах, не приносящее ничего кроме смертей, упадет как боевой дух войск, так и поддержка населения. В этой ситуации антиправительственная пропаганда будет восприниматься не как собачий лай, а как истинная правда. Возможны невиданные социальные потрясения, ведущие к разрушению Империи. У нас есть только один шанс и нельзя его упустить. Есть ли у вас стопроцентная уверенность в успехе?

— Ваше Величество — вскочил Военный Министр Верховский — Я готов поклясться честью и жизнью, всем, что мне дорого, в том, что наступление будет успешным!

— Александр Иванович, наши жизни и так на кону стоят. А еще двести миллионов жизней подданных Российской Империи!

— Ольга Александровна — Начальник Генерального Штаба Деникин пришел на помощь своему коллеге. Он был как всегда вежлив, интеллигентен, и обманчиво мягок — наша уверенность основана на строгом расчете.

— Антон Иванович, Вы про овраги не забыли? Война полна неожиданностей.

— Именно такую неожиданность мы хотим устроить немцам. Применение бронеходов, которые, кстати, и были придуманы в свое время для преодоления полевой обороны, будет для врага сюрпризом.

— Сможем ли мы их правильно применить? Перестав быть секретом, новое оружие потеряет значительную часть своей эффективности.

— Корпус Буденного тренируется непрерывно. Несмотря на ворчание "мол война идет, а лучшие части в тылу учения проводят".

— Они всю технику на учениях не переломают?

— Уже переломали. Те машины, что были в корпусе изначально полностью изношены и отправлены на капитальный ремонт. Сейчас ломают вторую партию.

— А наступать с чем?

— К началу операции корпус будет полностью укомплектован новыми бронеходами из Харькова. Малышев нас приятно удивил, сумев нарастить выпуск одновременно с переходом на новую модель. Старые машины, пройдя капитальный ремонт и частичную модернизацию в Нижнем, будут поступать в части россыпью, на возмещение потерь.

— Господа! — голос Ольги стал официальным и жестким — Ваш план принимается. Приказываю вам приступить к его выполнению! Обо всех этапах докладывать мне незамедлительно! — Императрица оглядела вскочивших при первых словах генералов и

неожиданно улыбнулась — Вольно! Да не волнуйтесь вы так, все у нас получится! Перерыв пятнадцать минут!

— Ваше Величество! — к Ольге, собиравшей бумаги, подошел Верховский. Остальные задержались, прислушиваясь к разговору. — Почему Вы считаете Германскую армию сильнейшей в Европе?

— А какую же ещё? — искренне удивилась Императрица — французы зарылись в землю на границе и носа из крепостей не кажут, итальянцы хороши только на парадах. Не испанскую же армию считать лучшей?

— Как, а русская?

— Александр Иванович, Россия — это не Европа! У нас многие губернии по размеру больше европейских государств. Не может быть большее частью меньшего!

1939 г. Июнь.

Севернее г. Барановичи.

Увидев три зеленые ракеты, сержант Михаил Калашников нырнул в люк и толкнул мехвода носком ботинка.

— Поехали! Только вздумай мне заглохнуть!

Мотор взревел, и самоход рванул вперед, разбросав ветки укрывавшие его ранее. Уже на ходу Михаил подключил гарнитуру и стал крутить перископом, оглядываясь вокруг. Они шли во второй линии, в первой были новые машины с усиленной броней. Их батарею тоже обещали пересадить на новую технику, но что-то где-то не срослось, и они получили бронеходы с капиталки. Кроме замены изношенных движков в конструкцию внесли несколько усовершенствований, часть из которых предложил именно он, что приятно грело самолюбие. Кроме благодарности, Михаилу и денег перепало. Полученную премию он уже успел отослать домой. В деревне сейчас не сладко, война идет, мужиков в армию позабирали, а это серьезная помощь.

Переваливаясь и рыча моторами, бронеходы преодолели несколько линий наших траншей, а потом захрустели колями колючки.

— Смотри, аккуратнее! Проволоку не намотай! — прижимая к шее ларингофон, прокричал Михаил.

На последних учениях его механик, Сережка Ларионов, умудрился заглохнуть в самый неподходящий момент, перед носом у начальства. Сержант Калашников получил тогда крупных звездюлей, и с тех пор непрерывно шпынял, в общем-то, грамотного мехвода.

Чуть правее и левее впереди были видны машины первой батареи. А вот дальше, за ними начиналось страшное. Там сплошной черной стеной стояла поднятая взрывами земля, и в этой стене непрерывно сверкало красным. Подъезжать близко к этому рукотворному аду казалось безумием, но самоходы продолжали упорно ползти вперед. По броне несколько раз неприятно звякнули осколки. Михаил обернулся и посмотрел назад. В узкую щель были видны фигурки пехотинцев, которые, пригибаясь, трусили позади его машины. Заметив в руках у солдат автоматы, он подумал "Гвардия. Это хорошо" На учениях они в основном вместе с гвардейцами и тренировались, но однажды пришлось действовать с обычной

пехотой. Новобранцы, вчерашние крестьяне, то шарахались от незнакомых машин, то наоборот, норовили залезть под гусеницу. Намучились тогда с ними.

Султаны земли, поднятой взрывами впереди, опали, огонь перенесли дальше. Машины прошли первую линию обороны немцев не останавливаясь. О том, что здесь находились когда-то полевые укрепления, можно было только догадываться, от окопов никаких следов не осталось. Когда подъехали ко второй траншее, Михаил увидел пляшущий впереди огонек.

— Право десять! Пулемет! Гранатой! Короткая!

На месте огонька вспух черный клуб разрыва, потом еще несколько, это соседи отстрелялись, и они продолжили движение. Переезжая через вторую полосу обороны, он впервые увидел немца. Молодой парень, с растрепанными светлыми волосами, сидел на куче земли, зажав руками уши. На происходящее вокруг он не обращал никакого внимания.

На третьей линии окопов им пришлось пострелять побольше, там было какое-то сопротивление. Рубку заполнил едкий дым. При беглом огне заряжающий не успевал выкидывать наружу стреляные гильзы. Несмотря на истошно воющие вентиляторы дышать было просто нечем. К счастью, последовала команда остановиться, и они открыли заднюю дверь, чтобы проветрить машину. Стала ясна причина остановки — пехота отстала. Как только тяжело дышащие пехотинцы добрались до линии самоходов, снова взвилась зеленая ракета и погнала их вперед.

Когда машина проломилась через редкий лесок, Михаил увидел длинный ряд орудий, вокруг которых, как муравьи суежилась прислуга в серой форме.

— Картечь!

Серые фигурки сдуло свинцовым ветром.

Потом, на поросшем редкими кустами холме они разогнали каких-то разношерстных немцев, похоже тыловиков. Те спешно окапывались, но когда над головами у них вспухли ватные комочки шрапнели, быстро разбежались. За холмом был небольшой полустанок. Оттуда по ним несколько раз пальнули, получили в ответ частый огонь самоходов, раскидавший пристанционные домики по бревнышку, и солдаты в зеленых гимнастерках, бросившись вперед, поставили точку в их сегодняшнем наступлении.

Весь экипаж бронехода развалился на траве и наслаждался тишиной и хорошей погодой. По дороге мимо них спешили мотоциклисты, за ними броневики, следом грузовики с пехотой и тягачи с пушками на прицепе. С дробным топотом прошла на рысях кавалерия, за ней снова грузовики. Поднятая войсками пыль ложилась на людей, лошадей и машины, делая их все одного цвета — серого. Михаил хмыкнул, вспомнив историю, рассказанную ему недавно. Некие идиоты решили, в целях маскировки, покрасить лошадей в защитный цвет. Масляной краской. Когда командир эскадрона, любитель выпить, увидел поутру лошадей зеленого цвета, то он подумал, что сошел с ума. Офицер с горя ушел в запой и был впоследствии разжалован. Животных спасти, к сожалению, не удалось и они погибли. О том, что стало с ретивыми дураками, история умалчивала.

Рядом с боевыми машинами, на опушке леса, отдыхали пехотинцы, сопровождавшие их в атаке. Вид у гвардейцев был далеко не парадный — в пыли, в копоти, пропотевшие, все дышат, как загнанные кони. В стороне суежились санитары, кого-то потащили на носилках.

Мехвод выплюнул травинку и кивнул, указывая на лежащих солдат:

— Слышь, Тимофеич, они, небось, нам завидуют.

— Чему тут завидовать? — командир бронехода показал на длинный шрам, украсивший борт их машины. То ли осколок крупный, то ли пуля из бронебойного ружья. Смерть прошла

совсем рядом. Жажнуло так, что до сих пор в ушах звенело.

— Ну как, мы на технике рассекаем, с ветерком, а они пешкодралом, ноги бьют.

— Ничего, и для них технику придумают. Будут за нами тоже с ветерком ехать.

— Во, командир, ты и придумай.

— А я то здесь при чем?

— Ну как же! Ты у нас известный механикус, вон, сколько разных приспособ изобрел!

— А что, война кончится, пойду на завод, может и придумаю чего.

1939 г. Июнь

Москва.

Её Императорское Величество, Ольга Первая, нацепив на нос очки и покусывая кончик карандаша(сколько её ругали в детстве за дурную привычку!) занималась скучной, но крайне важной работой. Она внимательно, делая выписки, читала фронтовые сводки. Являясь формально Верховным Главнокомандующим, Ольга совершенно не собиралась подменять своих генералов в деле ведения войны. У нее и знаний нужных нет, и умения отсутствуют. Пусть воюют те, кому это положено по должности. Зря что ли их учат! Ольга проверяла, какой из генералов сколько врет. Ведь ни где не врут так, как в любви и на войне.

Вот отчет командующего 12 Армией, генерал-полковника, барона Стесселя. Утраты, потери, достижения. Виновные в потерях, причастные к победам. Все понятно. А вот отчет с тех же событиях, но уже от армейской контрразведки. Сравниваем... Не зря армейцы так не любят контрразведчиков, хорошего в их отчете было намного меньше. А вот отчет из службы, которая не имела названия, и о существовании которой не знал ни кто, кроме нее. Да и сама Ольга узнала о ней за несколько дней до смерти брата. Здесь информации намного меньше, но зато она заслуживает самого высокого доверия. Этих людей Ольга подбирала сама, и верила им, как себе. Императору по должности полагается быть подозрительным и недоверчивым, но если не верить никому, то можно и с ума сойти. Ну чтож, внук героя Турецкой Войны не подвел, врал в меру и с порученной работой явно справлялся. Смотрим следующего.

Ольга читала очередную сводку, когда звякнул телефон прямой связи с Генштабом.

— Государыня! — донесся до неё глуховатый голос начальника оперативного отдела Шапошникова — Корпус Буденного вошел в Брест...

— Отлично, все сделано точно по графику!

— ...и движется дальше, на Люблин.

— Куда его понесло? По плану Брест — конечная точка наступления! Срочно связь с ним!

— Ваше Величество! Генерал Буденный в настоящий момент движется от Бреста к Бяло-Подляске. Связь только по радиии.

Ольга захлопнула сейф, убирая бумаги, и метнулась к неприметной дверце. Лифт ухнул вниз, вызывая противное ощущение невесомости. Несмотря на все уговоры и просьбы сделать лифт более комфортабельным, служба безопасности была непреклонна. "В случае опасности все могут решить секунды". Сейчас она была им за это благодарна.

Недлинный коридор с постами охраны и вот он, центр связи.

— Поручик, связь с корпусом Буденного!

Офицер пощелкал настройками и забубнил в микрофон. Спустя пару минут, без слов протянул гарнитуру Императрице.

— Генерал-лейтенант Буденный на связи! — бодро гаркнуло ей прямо в ухо.

— Ты что творишь, казак! Я тебе усы оборву!

— Государыня, дозвоьте объясниться!

— Говори.

— Мой корпус сейчас в оперативной пустоте, немцев в округе нет. Грех упускать такую возможность! Мы подходим к Бяло-Подляске. Поставим тут заслон и совершим рейд на Люблин. Это дезорганизует немецкие тылы и может обрушить весь фронт!

— А чем ты будешь заправлять машины и кормить лошадей? Снабжение к тебе не поспеет!

— Ваше Величество — как-то покровительственно протянул Буденный — да чтоб казак фуражу в набеге не нашел — быть того не может! Да и горючим нас немцы снабдили. Его на складах в Бресте хоть залейся!

— Отрезанным оказаться не боишься?

— Гарнизон Варшавы сейчас поспешно окапывается и ждет нашего нападения. Фон Бок из под Барановичей продолжает атаковать в северном направлении. Он гонит пехоту на пулеметы корпуса Малиновского, пытаясь закрыть прорыв, и ничего у него не получается, кому меня отрезать?

Ольга на несколько секунд задумалась. Это был тот самый исключительный случай, когда решение надо принимать именно ей. Что делать, осадить увлекшегося генерала или поверить ему и дать карт-бланш на рискованные, но сулящие такие заманчивые перспективы действия? В случае успеха Буденного мог решиться исход всей войны. В случае его провала уже достигнутые победы оборачивались поражением.

— Добро, действуй генерал! Только смотри казак, осторожнее, не зарывайся! Не вздумайте там головы сложить!

— Не волнуйся, матушка — вдруг дрогнувшим голосом сказал генерал — тут кругом одни крысы тыловые, нам не чета! Все сделаем как надо!

" Матушкой меня генералы еще не называли — думала Ольга, возвращаясь в кабинет — так у нас только Екатерину величали. Хотя, чем я хуже немки?"

ГЛАВА 16

1939 г. Июль

Берлин.

— Как Вы, Гроссадмирал, можете объяснить преступное бездействие Флота? В этот грозный час, когда решается судьба Республики, когда наша славная армия напрягает все силы в неравной борьбе с одичавшими варварами...

Эрих Редер про себя подумал, "если они варвары, то как они могли одичать?" Он вполуха слушал разглагольствования Штайнера и непроизвольно косился на большие часы в углу кабинета. Как же медленно ползет стрелка! Ему в голову почему то лезли слова из морского лексикона их бывших союзников, а ныне противников. Гроссадмирал хорошо говорил по-русски. Естественно, изучение русского языка молодой корветтен-капитан в свое

время начинал с ругательств. Возможность при помощи всего нескольких слов создавать столь замысловатые комбинации его восхитила. Поначалу, его неумелые попытки материться вызывали у русских гомерический хохот, но достаточно быстро Эрих освоил как ругань, так и разговорную речь. И вообще, проблем с коммуникацией у союзников не возникало. Образование морского офицера любой страны включает в себя владение иностранными языками, и если русский не понимал немца, когда тот говорил на английском, то всегда можно было перейти на французский. Да-а, славное было время! Редер как будто снова оказался на мостике "Кельна" и увидел яркую тропическую зелень и бездонное голубое небо. На фоне этого неба четко рисовался несуразный силуэт французского крейсера, который удирал, отчаянно дымя из всех своих шести труб. А потом было опьянение от победы (и не только от победы), золотой песок пляжа и лопочущие без остановки мулатки. Ах, какие были мулатки!... Из сладких воспоминаний его вырвал крик Штайнера.

— Почему Флот не выполняет своих задач? Отвечайте, Редер!

Михаэль Штайнер обладал красивым и мужественным лицом. Высокий лоб, уверенный взгляд, твердый подбородок. Хотя сейчас на плакат! Фигура у Лидера Республики тоже была вполне пропорциональная. Но вот соотношение между этими частями тела подкачало, крупная голова на маленьком туловище выглядела комично. Все иностранные газеты перепечатали карикатуру, на которой Штайнер, прячась за забором, просовывал в дырку свою гипертрофированную голову и кричал: "Сдавайтесь, а не то весь вылезу!" Сам Михаэль эту природную несправедливость переживал очень болезненно. В его кабинете стол, за которым сидел Лидер Республики, установили на специальном подиуме, что позволяло Штайнеру глядеть на всех сверху вниз. Вот и сейчас, он метал громы и молнии на голову застывшего перед ним адмирала.

— Мой Лидер, Флот честно сражается с врагом! Мы добились господства на море, Русская эскадра не высовывает нос из Финского залива... — Редер нес околесицу почти не задумываясь над смыслом сказанных слов.

— Какое, к чертям свинячим, господство! Русские крейсера топят наши транспорты, причем делают это исключительно нагло, даже в территориальных водах Швеции. А трусливые шведы, нет чтобы возмутиться и объявить войну России, так они шлют нам ноты протеста! Нам, а не России! Это просто неслыханно! Мы этого так не оставим! Я уже приказал...

Редер привычно пропускал мимо ушей очередную многословную тираду. Но вот! Показалось, или нет? Нет, не показалось! До его слуха донеслись автоматные очереди. Штайнер замолчал, наверно тоже услышал. В тишине четко прозвучали выстрелы уже в соседней комнате.

— Что это? — На лице Лидера Республики появилось недоумение.

И тут Гроссадмирала прорвало. Слова русского языка, языка на котором он не разговаривал уже много лет, подошли к данной ситуации лучше, чем соответствующие выражения родного немецкого.

— Пошел на... козел!

Двери с грохотом распахнулись и в комнату вбежали автоматчики в пятнистой форме штурмовых частей кригсмарине.

Следом за морпехами, ещё не отошедшими от скоротечного боя и напряженными, как сжатые пружины, в кабинет неспешной вальяжной походкой вошел высокий мужчина в

полицейском мундире. Он подошел к замершему с открытым ртом Лидеру Республики, и скучным голосом произнес:

— Господин Штайнер, Вы арестованы по обвинению в убийстве, пожалуйста, протяните руки вперед.

С этими словами, которые он говорил много раз, и ещё не раз скажет, Генрих Мюллер достал из кармана наручники. Ведь голова нужна полицейскому именно для того, чтобы вычислить время и место, куда надо не спеша придти и спокойно арестовать злодея. Конечно, голова нужна ещё для того, чтобы заранее выбрать сторону и решить, кто злодей, а кто герой. В том, что у него, Генриха Мюллера голова работает хорошо, он ещё раз с удовлетворением убедился.

1939 г. Август.

Москва.

— Ваше Величество! Я понимаю, почему мирный договор составлен в столь обтекаемых формулировках. Я понимаю, почему его суть спрятана в дополнительных протоколах, не предназначенных к широкой огласке. Я не понимаю, почему эту суть скрывают от меня!

— Фридрих — Ольга искренне удивилась — Да они же у Вас в руках, эти дополнительные протоколы!

— Тот документ, что у меня в руках, не является договором об окончании войны, в которой Ваша страна победила, а моя, как это не печально, проиграла! Это какое-то экономическое соглашение о долговременном сотрудничестве...

— Мой дорогой кузен! — Русская Императрица устало вздохнула — Чтобы немецкая сторона согласилась на этот договор, моим дипломатом пришлось изрядно потрудиться. Они буквально выкручивали руки представителям Германии. Угрозы отдать Берлин на разграбление казакам или при помощи бронеходов втоптать в землю окруженные группировки звучали неоднократно. Только понимание того, что отказ от наших условий мира приведет к полному разрушению Германии, вынудило Ваших дипломатов согласиться.

— Но в этих условиях нет ничего страшного. — Фридрих Вильгельм, Наследник и в очень скором будущем Кайзер Германской Империи ни как не мог понять, где тут подвох. А раз немецкие дипломаты данному договору противились, значит они этот подводный камень увидели. То, что его не видел он, Фридриха здорово раздражало — Репарации весьма умеренны, никаких ограничений на Германию не накладывается...

— Главным смыслом всех этих документов является то, что Германия потеряет свободу воли. И это очень не нравится немецкой стороне.

— Но тут нет ни слова ни о какой свободе...

— Вот смотрите, приведу Вам пример — Ольга достала из сейфа толстую папку — В протоколе это пункт... пятьдесят восемь: "Совместное производство шарикоподшипников." А тут все расписано уже подробно. У ваших специалистов такая роспись тоже есть.

— И как же совместное производство подшипников лишит Германию свободы?

— Руда добывается в России — Ольга на иронию кронпринца внимания не обратила — Из неё выплавляется сталь, которая едет в Германию и превращается там в подшипник. Продукция поступает многочисленным потребителям, как в России, так и в Германии. Все эти производства узко специализированны, и, следовательно, высокоэффективны. И это только первый уровень взаимодействия, на самом деле все значительно сложнее. Для выплавки стали в электропечах используют немецкие присадки. При изготовлении

подшипника в Германии работает русский твердосплавной инструмент, и так далее...

Фридрих смотрел непонимающе. Ольга вздохнула.

— Такое же разделение труда будет в очень многих областях, от черной металлургии до электроники.

— Все равно, не понимаю...

— Если мы наложим на Германию контрибуцию, пусть даже неподъемную, она её рано или поздно выплатит. Сожмет зубы, затянет пояса, но выплатит. А потом будет поступать, как захочет. Захочет — будет с нами дружить, нет — опять пойдет войной. А при такой степени интеграции, война с Россией будет означать остановку даже не заводов, а целых отраслей промышленности. Германия после осуществления всех мер указанных тут — Императрица постучала пальцем по папке — вольна делать все что угодно кроме одного — войны с Россией. Все это верно и в отношении Российской Империи. Если и у нас кто-то, не очень умный, захочет решить внутренние проблемы при помощи "маленькой победоносной войны", то ему быстро объяснят, к чему это приведет.

Фридрих летел в Стокгольм на подписание мирного договора и думал: "Как здорово, что моя жена не занимается политикой! И вообще хорошо, что женщины, активно играющие на этом мужском поле — редкость. Они, со своим изощренным коварством, сделают жизнь абсолютно непредсказуемой! Это надо же до такого додуматься, запретить немцам воевать! Мы же, если не будем воевать, выродимся, как французы какие-нибудь! Хотя, кто сказал, что воевать надо обязательно с Россией?"

1940 г.

Лондон.

— Господа, это выходит за всякие рамки! Чертовы макаки совсем обнаглели, они что, забыли кто в доме хозяин?

— Вы неправы, их действия прекрасно коррелируют с нашей политикой в данный момент! У нас сейчас серьезные разногласия с "кузенами", и далеко не лучшие карты на руках! А тут такой подарок от японцев. Они здорово щелкнули Дядю Сэма по носу, и у нас появляется неплохой шанс это использовать. Давайте лучше послушаем человека, который в курсе всех подробностей. Прошу Вас, Сэр!

— Господа! В данной операции самым примечательным, на мой взгляд, является скрытность её подготовки. Вот бы нам такой уровень секретности! Они сумели обмануть всех!

— В том числе и нас. Но продолжайте, Сэр!

— То, что назревает конфликт между Японией и США, ни для кого тайной не являлось. Просто, после всем известных событий в Европе, Дальнему Востоку уделялось слишком мало внимания. А зря! Японцы недвусмысленно давали понять, что хотят захватить Филиппины. Основная часть их флота стояла в Сасебо, и несколько раз, грозно поводя пушками, выходила в море и двигалась на Юг. Американцам эти бесконечные провокации надоели, и в этот район был отправлен их Тихоокеанский флот. Янки рассчитывали поймать япошек и надрать им задницу, сил для этого у них было с избытком. Когда американцы ушли достаточно далеко, японцы атаковали Гавайи. Где пряталось их ударное соединение — неизвестно, но оно появилось как бы из ниоткуда в самый нужный момент.

Первыми начали атаку диверсанты, заблаговременно заброшенные на Оаху под видом

эмигрантов и сезонных рабочих. Сколько их всего там было, неизвестно, но этого хватило, чтобы без шума вырезать наблюдателей на батареях и расчеты радаров. Поэтому самолеты первой волны подошли к острову незамеченными и атаковали аэродромы в идеальных условиях. У американцев ни кто взлететь не успел. После, пользуясь господством в воздухе, японцы высадили парашютный десант.

— Откуда же они стартовали? Не существует транспортных самолетов с такой дальностью!

— Десант сбрасывали гидросамолеты. Скорее всего, они совершали промежуточную посадку в заранее обусловленном месте, где дозаправлялись. После высадки парашютисты атаковали береговые батареи при поддержке второй волны самолетов с авианосцев.

— На Гавайях гарнизон в несколько тысяч человек. Они что, просто так смотрели, как японцы захватывают батареи?

— По большей части этот гарнизон состоял из ремонтников, кладовщиков и прочей obsługi, что необходима для функционирования большой базы флота. Пехотных подразделений было всего несколько батальонов, выполнявших в основном задачи по охране многочисленных складов. Боеспособность этих войск нельзя даже сравнивать с отборными японскими десантниками. Плюс ко всему фактор неожиданности. Американцы бестолково метались по острову, не понимая, где враг и что делать. Возникло несколько перестрелок между своими частями. Потом янки сумели навести порядок, и отбили всё обратно, просто задавив японцев массой. Десант был истреблен почти полностью, но было поздно — японцы сломали на батареях всё, до чего успели дотянуться, а с моря уже подходили корабли ударного соединения. Пара больших лайнеров пришвартовалась прямо к причалам в Гонолулу и высадила не меньше дивизии. Несколько легких крейсеров сделали то же самое в других местах, где были пирсы. Десантников поддерживали огнем корабли и самолеты. У американцев не было шансов, сопротивление подавили быстро и безжалостно.

— Надеюсь, наши подданные не пострадали?

— Нет, что Вы! Японцы сразу выставили охрану у консульства, а когда все завершилось, адмирал Одзава нанес визит вежливости и заверил консула в соблюдении интересов Великобритании.

— И какова ситуация на сегодняшний день?

— Японцы обживают Гавайские острова, готовясь отражать американскую атаку. Правда, тем атаковать пока нечем. Могучий Тихоокеанский флот США стоит в Маниле без горючего. Дело в том, что одновременно с атакой на Оаху, японцы атаковали топливные склады в Маниле. Они горят и сейчас, дым виден за десятки миль.

— Что можем извлечь из этой ситуации мы?

— В ближайшее время янки обратятся к нам за помощью. Эту просьбу вполне можно использовать как аргумент при решении спорных вопросов.

— Что будет, если мы никакой помощи не окажем? Невмешательство, нейтралитет и так далее.

— Американский флот достанется японцам, причем, скорее всего неповрежденным.

— Это ещё почему? Неужели янки настолько трусливы, что сдадутся японцам без боя? Я в такое не верю!

— В гавани Перл-Харбора оставалось достаточно много кораблей, боевых и вспомогательных. Выйти в море они не успели, да и смысла в этом не было, все равно сделать они ни чего не могли. Когда японцы захватили порт, они предложили экипажам

сдаться, оговорив, что корабли должны остаться неповрежденными. Экипажи двух эсминцев свои корабли затопили. Это был скорее символический жест, в гавани поднять и ввести в строй эти эсминцы не составит большого труда. Однако японцы решили преподать американцам урок. Они построили всех пленных и у них на глазах изрубили несколько сотен моряков на куски холодным оружием.

— Какое варварство! Сразу видно, что японцы настоящие дикари, цивилизованные европейцы так никогда бы не поступили. Они бы гуманно расстреляли всех из пулеметов.

— Однако данная экзекуция заставит экипажи кораблей в Маниле задуматься. Листовки, с подробным рассказом о том, что произошло на Гавайях, японцы регулярно разбрасывают с самолетов. Боюсь, что если какой-нибудь командир прикажет открыть кингстоны, матросы ему не подчинятся.

— Дарить японцам такой роскошный подарок не в наших интересах. Надо сказать американцам, что мы готовы спасти их флот. Понятно, что не за просто так. Пусть прорываются в Бруней, надеюсь до него им топлива хватит. Там мы их дозаправим, но только до Сингапура. А вот когда они придут в Сингапур...Мы же все джентльмены, не правда ли? И соответственно являемся хозяевами собственного слова. Корабли вполне можно интернировать, согласно международному праву. Можно конфисковать за долги, ведь есть же у них какие-нибудь долги? А можно всем этим только пригрозить. Тут открывается широкое поле для возможных комбинаций. Американцы за свою любимую игрушку, Тихоокеанский флот непременно раскошелятся!

— Вообще-то, даже если бы этот флот стоял в Сан-Диего, толку бы от него не было. И баз на Западном побережье американцам не хватит оперативного радиуса, чтобы атаковать Гавайи.

— Но японцам же хватило! А там расстояния не меньше были!

— Японцы осуществили сложнейшую операцию с многочисленными дозаправками в пути. Такое возможно только в отсутствие противодействия, да и то, риск того, что все сорвется из за какой-нибудь мелочи, был запредельный. Если они не будут спать, то американцы просто не смогут сосредоточить нужное количество танкеров в точках рандеву. В ближайшее время боевые действия на море сведутся к мелким стычкам. Обе стороны просто не достают друг до друга. Ну и, конечно, Япония оккупирует Филиппины.

— Пускай оккупирует. Америка не смогла за сорок лет справиться с местными инсургентами, теперь этим будут заниматься японцы. Уверен, что с тем же результатом, там местность для бандитов уж больно подходящая — горы и джунгли. А наша задача заманить к себе американский флот, обставив это, как неслыханное благодеяние. А когда он будет стоять на рейде Сингапура, можно будет решать, что мы с ним сделаем.

ГЛАВА 17

1941год. Москва.

— Господа, ваши доклады мною прочитаны. Поскольку мнения разделились, прошу вас высказаться.

— Ваше Величество! После заключения Портсмутского Мира, Япония приобрела все, с чем только могла мечтать. Скажу больше, они проглотили кусок, который им будет очень

трудно переварить. Любые попытки получить еще что-нибудь, могут привести Японию к катастрофе. Экономика Страны Восходящего Солнца сейчас работает с предельным напряжением, осваивая завоеванное. Да плюс ко всему — бесконечная война в Китае. Японская армия, раз за разом бьет китайцев в сражениях, но контролировать территорию не может. Китайцев просто слишком много, японцам не помогает даже их запредельная жестокость. Транспортная связность захваченных после войны с Америкой островов минимальна. Элементарно не хватает пароходов, чтобы наладить нормальное сообщение со всеми новыми землями. Тут надо думать не о том, чтобы захватить что-то еще, а о том, как удержать уже захваченное. Мы считаем, что Япония в ближайшие годы на авантюры не решится, просто исходя из чувства самосохранения.

— Мнение экономистов понятно, а что скажут дипломаты?

— Нападение Японцев на Перл-Харбор очень удачно совпало с очередным кризисом в Южной Америке. Великобритания не хочет терять там своего влияния, а Соединенные Штаты всячески выталкивают конкурентов с тех территорий, которые они считают своими. Противостояние нарастало, и хотя оно пока было на уровне стычек патрулей и рейдов наемников, но вполне могло перерасти в полноценный конфликт. И тут японцы делают своим союзникам такой роскошный подарок! Все спорные вопросы в Колумбии и в районе Карибского бассейна были решены в пользу англичан. Но с другой стороны, аппетит Японии вызывает в Лондоне нешуточную тревогу. Франция, опасаясь за свои владения в Индокитае, уже перебросила туда дополнительные войска. Америка, проиграв войну, мечтает о реванше. Любое неосторожное движение японцев, воспринятое, как угроза, приведет к образованию международной коалиции, против которой тем не выстоять. В Японии это прекрасно понимают и совершать самоубийство не будут.

— Разведка?

— Ваше Величество, будучи совершенно согласным со всем ранее сказанным, я считаю, что Япония в ближайшее время совершит провокацию, направленную на разжигание военного конфликта с Россией.

— Объясните нам сей парадокс.

— Ваше Величество, господа. В Японии существуют две большие группировки, борющиеся за власть — Армия и Флот. На самом деле, их конечно намного больше. Но нам нужно помнить, что все это множество промышленных групп, объединений и кланов в конечном итоге занимает одну либо другую сторону. Все успехи Японии в последнее время, все победы и завоеванные территории ей принес Флот. Индонезия, Филиппины, Гавайи — все это достижения одной группировки. Другая имеет только войну в Китае, которой конца и края не видно. И даже приобретения на материке, сделанные Японией в начале века, обеспечили люди, входящие во "флотскую" группировку. Люди, возглавляющие "армейскую" группировку, как говорят в Японии, "теряют лицо". А вместе с этим они теряют влияние и деньги. Им ничего не остается, кроме как спровоцировать конфликт с Российской Империей, который перенесет фокус усилий Японии на то поле, где они играют.

— Но ведь такой конфликт крайне невыгоден Японии...

— А речь не идет о пользе для страны. Имеется в виду выгода отдельной группировки во властных структурах. Это конкретные люди. И термин "выгода" они понимают совсем иначе, не так, как мы. Это следствие их воспитания.

— И в чем же отличие?

— Для самурая, а все эти люди воспитывались именно в самурайских традициях, мало

чести в том, чтобы побить слабого. А вот проиграть сильному, пусть даже и погибнув при этом, дело достойное и, следовательно, выгодное.

— Какая-то извращенная логика...

— Для нас да, извращенная. Но они придерживаются именно такой логики и мы должны это учитывать. В настоящий момент эти люди "теряют лицо". Их положение, с этой точки зрения, настолько плохо, что они готовы пойти на любую авантюру для его исправления. Иначе им придется, согласно существующей в Японии традиции, пойти на ритуальное самоубийство.

В кабинете Императрицы повисла тишина. Люди, собравшиеся здесь, были многоопытны и циничны. Они прекрасно знали, что войны начинаются из-за экономических и политических противоречий. То, что война может случиться из-за неадекватного восприятия действительности некоторыми персонами, с трудом укладывалось у них в голове.

— И они готовы пойти на заведомое поражение, ради своих бредовых фантазий? И почему именно Россия?

— Россия, для той группы, что мы называем "Армия", является приоритетным противником. Они считают, что Японии надо захватывать именно русские земли, вплоть до Урала.

— Недурной аппетит...

— Совершенно верно, это их давние мечты. А потом, кроме России, они ни на кого другого напасть не могут, все остальные слишком далеко находятся. А вот насчет неминуемого поражения я бы не был столь категоричен. У японцев есть шанс, пусть и небольшой, на достижение успеха. Во всяком случае, они так считают.

— Это как?!

— Японцы рассчитывают быстрым ударом захватить какую-либо территорию, которую нам будет трудно отбить обратно из-за её расположения. Слабая транспортная система не позволит нам действовать на Дальнем Востоке во всю мощь. Учитывая, что длительная война нам невыгодна, эти люди считают, что Россия пойдет на уступки, которые они и преподнесут своему Императору, как великую победу.

— И куда же будет направлен удар?

— Наиболее вероятными целями такого нападения могут быть Сахалин, Камчатка или Монголия.

— Монголия?

— Юго-восток Монгольского Ханства это земли пустынные, малонаселенные и никому, по большому счету, не нужные. Снабжать там крупную группировку войск нам будет крайне затруднительно из-за отсутствия дорог. Японцы рассчитывают, что Россия не будет драться насмерть за кусок чужой, в общем-то, пустыни.

— Господин Военный Министр, что Вы скажете о наших силах на Дальнем Востоке.

— Наш флот состоит из четырех авианосцев, двух линейных и дюжины легких крейсеров. Плюс эсминцы, подлодки, сторожевики и множество вспомогательных судов. Правда линейные крейсера и два авианосца еще не боеготовы, они только недавно вступили в строй. С Японским Императорским Флотом несопоставимо. Но, даже если мы перебросим во Владивосток все наши корабли с Балтики, Севера и Черного моря, то добьемся, в лучшем случае, паритета.

— Неужели, все так плохо?

— Ни в коем случае! Если не устраивать грандбатилии, то имеющихся сил вполне хватит для обороны. Владивосток с моря неприступен, береговую оборону, слава Богу, мы там создали очень сильную. Высадить десант куда-нибудь на побережье, японцы конечно смогут, но что они будут делать в тайге, где кроме медведей нет ничего? Да и снабжение этого десанта мы сможем затруднить. Блокировать наш флот полностью не получится.

— А Сахалин и Камчатка?

— Береговая оборона Сахалина значительно слабее, просто в силу географии. По всему побережью пушки не поставишь. Но она способна сделать высадку достаточно затратным мероприятием. На острове мы рассчитываем обороняться за счет сухопутных войск. Прервать сообщение с материком японцы не смогут. Через Татарский пролив мы обеспечим, как снабжение войск, так и поступление подкреплений. Наши части, опираясь на подготовленные позиции и перемещаясь по внутренним линиям, всегда будут иметь преимущество перед японцами и, рано или поздно, скинут десант в море. На Камчатке дела обстоят более печально. Мы считали десант туда невозможным, просто в силу расстояния. Предполагалось, что японцы, в случае войны, будут наступать через Курильские острова, занимая последовательно один за другим. Эти острова мы и укрепляли. Однако, недавние события показали, что мы ошибались. Сейчас в Петропавловске ведется строительство двух современных батарей, но в строй они вступят еще не скоро. Как оборонять полуостров, мы пока не придумали, но придумаем обязательно.

— А что на сухопутной границе?

— Участок к западу от Посъета представляет из себя сплошной укрепрайон. За три с лишним десятка лет, мы там успели многое построить. Горы и долговременные укрепления делают это направление совершенно бесперспективным для наступления. Еще один такой пояс укреплений прикрывает Харбин. Наличие у нас в тылу рокадной дороги позволяет маневр подкреплениями. Плюс Амурская Флотилия на Сунгари.

— Амурская?

— Так исторически сложилось. Эта флотилия была организована в свое время на Амуре, а потом просто не стали менять название. Так что центр и восток нашей позиции прикрыты очень хорошо. Возможен удар противника либо восточнее Харбина, либо западнее, с целью перерезать КВЖД. Такую ситуацию мы неоднократно отрабатывали на учениях. Прорыв неминуемо купируется с большими потерями для атакующих. Считаю нанесение удара по Желтороссии маловероятным, нет там для наступления перспектив. Или же такой удар будет в качестве отвлекающего.

— А в Монголии?

— Там у нас только небольшое количество казаков, которые гоняются по степям за бандитами. Ну и местное монгольское войско, фактически ополчение. Никто воевать серьезно в этих местах не предполагал.

— Ну, что ж. Генштабу проработать варианты развертывания наших войск в Монголии. Морякам думать, как защитить Камчатку. А разведке усилить внимание на японском направлении, чтобы не случилось никаких неприятных неожиданностей. Все свободны, господа!

— Проходите, генерал-полковник. Прошу к карте. Вот здесь наша разведка обнаружила строительство железной дороги. Стройка ведется быстрыми темпами. Что скажете?

— Ваше...

— Без чинов.

— Государыня, в тех местах нет ничего, пустыня там. Может они золото нашли? Или нефть с углем?

— Нет, полезных ископаемых там не найдено.

— Тогда единственная причина строить дорогу — это снабжение войск. Но с кем же они собираются там воевать? Там нет никого!

— Воевать они собираются с нами. Японцы намереваются собрать там значительную группировку войск, для снабжения которых и строится эта дорога. Потом, эта группировка перейдет в наступление и захватит вот эти территории. Естественно, имеющиеся там в настоящее время силы, пограничники и казачьи патрули, оказать сопротивление ударной армии не смогут, и вынуждены будут отступить. Потом эта армия там окопается и будет ждать, стерпим мы такое наглое нападение на нашего вассала, или нет. Мы терпеть подобное не собираемся, потому что если проглотить обиду, то в следующий раз они нападут уже серьезнее. Так что ждет тебя генерал, понижение в должности. Будешь снова корпусом командовать.

— Государыня, это за какие же грехи?

— Ни за какие. По прогнозам Генштаба, боевые действия там начнутся очень скоро. Мы просто не успеем перебросить туда полноценную армию. Будет усиленный корпус. И командовать им тебе, Семен Михайлович. И не просто командовать. Надо так победить японцев, чтобы они и думать забыли, как на нас нападать. Разгром должен быть полный. Как ты это сделаешь, не имея численного превосходства, я не знаю. Умники из Оперативного отдела говорят, что планы такого разгрома у них есть. Прямо от меня направляйся к ним, предписание уже в секретариате. С Богом!

1941 год. Район реки Номон-Хан.

Скрипнули тормоза и машина, качнувшись, замерла в ряду таких же покрытых пылью грузовиков. Наконец-то можно выйти и потянуться. Хорошо-то как! А спина все-таки болит, не мальчик уже. Да и нет здесь желторотиков, все шофера опытные, намотавшие не один экватор на свои спидометры. Так, документы не забыть. Сейчас сдам груз, машину проверят на целостность печатей и можно идти спать. Водитель еще раз с наслаждением потянулся и посмотрел на небо. В блекло-синей вышине медленно ползли черточки дирижаблей. Вон те два — явно транспортные, какой-то срочный груз везут. А вон тот, который выше всех — дозорный. Бдит, чтобы не обидел нас никто. Если будут замечены японские самолеты, то прозвучи сигнал тревоги и нормально поспать уже не получится. Хотя, некоторые умудряются спать даже сидя на земле в щели, несмотря на вой моторов и стрекотание пулеметов сверху. Но налетов давно уже не было. Похоже, что в прошлые разы им хорошо наkostenали, раз больше не суются. Ходили слухи, что на этом дирижабле установлен хитрый прибор, который засекает врага и днем и ночью, за сотни километров. Врали, наверное, как можно ночью самолет разглядеть? А может и нет, наука нынче такие чудеса вытворяет, что диву даешься. "Здорово, ребята! И тебе не хворать! Все нормально? Все хорошо, только баб нету! Ха-ха-ха!" Это ремонтники, отойду, не буду мешать. Им машины проверять надо, если никаких претензий к технике нет, то лучше не отвлекать. Ну где там старшой ходит? У меня уже от зевоты челюсть выворачивается, сейчас стоя засну! А вот и он. "Все в порядке? Так точно!" Ну вот и все. Умыться и спать. А потом в обратный путь,

ремя пустыми бочками в кузове.

Сверху тонкие ниточки снабжения, что тянулись через пустыню, казались дорожками, по которым бегут неутомимые муравьи по своим муравьиным делам. Именно эти ниточки, просчитанные специалистами по логистике русского Генштаба, стали тем Золотым Ключиком, что открыл перед русскими войсками "врата победы". Движение каждого патрона, каждого ящика, каждой бочки с бензином было учтено, занесено в таблицы и графики и превращалось в тысячи тонн грузов, которые бесперебойно поступали в войска. А вот у японцев такого Золотого Ключика не было. Генерал-полковник Буденный еще раз доказал, что он умеет рисковать, бросив в глубокий рейд конно-механизированные группы, которые перерезали линии снабжения Шестой Отдельной Армии. Без бензина стали дорогостоящим металлоломом самолеты и броневики. Без снарядов превратились в бесполезные железки артиллерийские орудия. Войска генерала Огису лишились подвижности и огневой мощи. А ещё они ослепли, лишённые разведки. Бой русского корпуса против японской армии напоминал сражение великана с завязанными глазами и скованными ногами, безуспешно пытающегося отмахнуться от больно жалящей мошкары. Все попытки деблокировать окруженную группировку жестоко пресекались и только добавляли еще один локальный "котел". Где-то японцы уже начали сдаваться. Да, японский солдат стоек и вынослив. Если кончились патроны, то он вполне может броситься на врага в штыковую. Но даже для того, чтобы пойти в самоубийственную атаку, нужны силы, которых у оголодавших японцев просто уже не было. "Почему Вы сдались? Очень кушать хочется!"

— Мы определились с направлением главного удара японцев. Целью будет Камчатка. В портах Отару и Хакодате зафиксированы транспорты и войска. В Нэмуру, это маленький порт вот здесь, перебазированы эсминцы.

— Выходит, что японский флот решил принять участие в авантюре армейцев?

— Нет, высшее командование флота от неё дистанцировалось. Не мешает, но и не помогает.

Дело в том, что термины "Армия" и "Флот" являются достаточно условными. У "Флота" есть свои сухопутные части, весьма многочисленные, а у "Армии" есть в подчинении корабли. Эсминцы, легкие крейсера и даже пара малых авианосцев. Вот они и будут задействованы в предстоящей операции.

— И какой же она будет?

— Береговые батареи Петропавловска построены в начале века. Это сооружения открытого типа, вооруженные пушками в шесть и менее дюймов. За оставшееся время мы ничего более сильного там построить не успеем. Такие батареи будут легко подавлены огнем крейсеров и эсминцев. После чего корабли с десантом просто входят в Авачинскую бухту и высаживают пехоту прямо на пирсы. Так, как они это сделали в Гонолулу. Потери, конечно, будут, но когда это японцев останавливало? После захвата Петропавловска-Камчатского весь полуостров у них в руках.

— Что Вы собираетесь предпринять?

— Мы, насколько это было возможно, укрепили береговую оборону. Японцев ожидают малоприятные сюрпризы. Высадиться они, скорее всего смогут, но вот сходу занять город и порт уже не выйдет. Десант неминуемо завязнет. А потом подойдет Владивостокская эскадра и поставит точку. Домой японцы не вернуться.

— А сил на это хватит?

— На те корабли, что может послать к нашим берегам армейская группировка нашей эскадры хватит с лихвой. А других там и быть не должно. До появления какой-либо определенности в результатах этой авантюры Япония будет делать вид, что ничего не происходит. Объединенный Флот будет стоять на базах. Если десант увенчается успехом, то тогда флот получит приказ Императора и выйдет в море. А если японцев ждет фиаско, то Император заявит, что не имеет к данной провокации никакого отношения и это все глупая инициатива некоторых офицеров, которые уже совершили сепукку.

1941 год г. Петропавловск-Камчатский.

Когда этот корабль закладывали на стапеле, он был верхом технического совершенства. Новейшие, специально для него разработанные, орудия. Котлы и машины самой современной конструкции. Непробиваемой толщины броня. За долгое время строительства этого корабля, появились новые, более совершенные машины и оружие. Что подделаешь, технический прогресс идет очень быстро. Но и после спуска на воду броненосец вовсе не выглядел слабаком в ряду себе подобных. Однако, время шло и в море выходили все более мощные корабли. Очень скоро, нестарый ещё корабль, из грозного олицетворения морской силы превратился в плавающую мишень. При встрече в бою с новыми линкорами и даже крейсерами у него не было ни малейшего шанса хотя бы продать свою жизнь подороже. Корабль переквалифицировали в учебный. Ему ещё повезло, большинство его ровесников уже отправились на переплавку, а он продолжал рассекал волны. Учебные корабли не стоят подолгу в гавани. Их ресурс не надо беречь на случай войны. Скоро машины уже не могли толкать винтами массивный корпус через беспокойные воды Японского и Охотского морей и корабль встал к стенке во Владивостоке. Но свою службу в качестве учебного он не прекратил, и поэтому, в отличие от многих других кораблей, всегда сверкал свежей краской и надраенными медяшками. Но всему приходит конец. Кадеты покинули палубу и на неё поднялась немногочисленная перегонная команда. Был заведен буксир и корабль отвалил от стенки в свой последний поход. "Куда его тащат? Да в Находку, на металл резать" Однако, отойдя от берега, буксир изменил курс и потащил старый броненосец в открытое море. Две серые тени, что двигались рядом, наводили на нехорошие мысли. "Похоже, что меня на торпедных стрельбах утопят. Странно, почему перед этим не разоружили. Забыли, наверно. Вечно у нас бардак в России-матушке!" — Подумал корабль. Однако буксировка продолжалась, а эсминцы, вместо торпедных атак, носились вокруг, как оглашенные и всех встречных прогоняли прочь.

Когда слева по курсу показались знакомые скалы мыса Безымянного, корабль удивился. Но его пришвартовали к пирсу в одной из мелких бухточек и стали торопливо срезать мачты и трубы. Корабль понимающе вздохнул: "Все-таки на металл. Но зачем было так далеко тащить?" Действия людей не прекращали его удивлять. "Одни вон уже надстройку режут, а другие в это же время вспомогательные дизеля проверяют, как будто мне в поход идти. Зачем?" Когда под его брюхо подвели понтоны и почти на половину осадки подняли из воды, он только непонимающе пожал своими бронированными плечами. Корпус броненосца затолкали буксирами в мелководное устье речки, естественно, тоже Безымянной. В свое время очень многим географическим объектам в этих краях дать имена не удосужились, а потом уже поздно было. Так и остались они на всех картах с одинаковым именем "Безымянный" Корабль не просто вывели на мелководье, его практически затащили на берег,

где посадили на грунт и стали намыывать песок к борту. "Вы что это такое делаете? Вы меня в земле похоронить решили? Но я же не ладья викингов! И вообще, что это за языческие обычаи?! Прекратите! Я же крещеный! Православный! Мне положено или на дне лежать или в мартене помереть, а вы что творите?" Но люди не слышали криков корабля. А может и слышали, но не понимали.

А потом случилось такое, о чем он даже не мог и подумать. К нему подошла баржа и с неё стали перегружать в погреба боезапас. Он почувствовал давно забытое ощущение прессованной тротиловой смерти в своем нутре. А когда запустились дизеля и провернулись механизмы подачи, он все понял. Сначала он гнал эту мысль, боясь взглянуть. Но все больше признаков говорили о том, что дела обстояли именно так. Ему привалило немыслимое счастье. Он умрет не как мишень на стрельбах. И не как источник качественного металла. Он умрет как воин, в бою. В том, что он умрет, сомнений не было. Уж больно торопились люди, больно сильно нервничали. Значит враг близок и силен. Значит, отступать некуда. Затем и посадили его на грунт, чтобы не ушел под воду, а стрелял до последнего.

Когда с моря донеслась канонада, он понял, что время пришло. А вот и они. Поднимая белый бурун и сверкая вспышками выстрелов в бухту рвался крейсер под чужим флагом.

"Красавец! Только куда это ты так торопишься? Не стоило тебе сюда приходить! Я на тридцати кабельтовых не промахиваюсь!" Броненосец чуть шевельнул стволами, будто разминая пальцы, а потом в борт крейсера вонзились четыре двенадцатидюймовых снаряда. От страшного удара крейсер мотнуло вправо, потом влево, а потом он стал погружаться, сотрясаясь от внутренних взрывов и выкидывая в небо свои потроха. Шедший следом эсминец получил всего два шестидюймовых подарка, ещё два ушли в молоко. "О-хо-хо, старость не радость. Совсем у меня средний калибр близоруким стал! Но ничего, сейчас добавим!"

Корабль был счастлив. Он вел бой и поражал врагов. Он выполнял свое предназначение. А то, что он скоро умрет, это, право, такие мелочи!

К морю спускается парк. Ландшафтным дизайнерам стоило немалых трудов создать его здесь, в не самом подходящем климате, но они справились с задачей. Парк оканчивается большой площадью, залитой серым бетоном. В этом бетоне навеки застыл старинный броненосец. Он радуется глаз светлой "тихоокеанской" окраской и блеском надраенной бронзы. Умели делать красивые корабли наши предки! Здесь, на этой площади, вручают кортики будущим офицерам. Здесь же, если позволяет погода, звучит первый офицерский вальс. Музыка и смех заполняют площадь. Блеск золотых погон и яркие платья девушек на фоне старой брони смотрятся очень живописно. Но с другой стороны, с той, что обращена к морю, этот корабль выглядит совсем иначе. Оплавленные пробойны и искореженные борта. Бессильно повисшие стволы орудий. Черный цвет, как будто копоть давних пожаров навеки впиталась в металл. Блестят только бронзовые таблички с именами тех, кто погиб в этом каземате, сгорел в этой башне. Здесь не слышно смеха, тишину нарушает лишь плеск волн.

От площади со старым кораблем вдоль берега уходит тропинка, мощеная камнем. Если пройти по ней, то можно оказаться на небольшой площадке. На ней расположено несколько мраморных стел. На каждой из них, на двух языках, русском и японском, написано название корабля. Под ним идет длинный список имен. Раз в год сюда приезжают японцы. Пожилые и молодые. Они опускают в воду цветы и смотрят на бухту, вспоминая свои корабли и своих близких. Потом они организованно садятся в автобусы и уезжают в аэропорт. Через год они

вернутся сюда снова. В следующий раз стариков среди них будет меньше, а молодых больше. Ведь жизнь продолжается.

ГЛАВА 18

1944 г.

Стамбул.

Султан Мехмед Седьмой смотрел на затянутый дымом горизонт и мрачнел все больше и больше. Для плохого настроения у Всемилостейшего и Наимудрейшего были веские причины. Вчера ему сообщили о появлении русской эскадры напротив Измира. Она курсировала у границы территориальных вод и одним своим видом действовала на нервы. Сегодня с утра пришло сообщение о появлении русских кораблей уже у Босфора. Султан позвонил в штаб ВМФ и потребовал немедленно выйти в море и продемонстрировать неверным мощь Османской Империи. В штабе его заверили, что могучие линкоры по приказу Несравненного и Непобедимого готовы порвать трусливых гяуров в мелкие клочки, но им необходим небольшой ремонт. На этот ремонт надо выделить деньги, а то у флота их нет, а куда подевались уже выделенные никто не знает. Ещё желательно пригласить иностранных специалистов, своих, нужной квалификации, тоже нет. Тогда этот ремонт не займет много времени, года три, за это время как раз команды кораблей обучим, а потом можно и в море выходить. Султан пообещал посадить всех моряков на кол, и разбив инкрустированную слоновой костью телефонную трубку отправился на берег Босфора, чтобы самолично оценить угрозу.

Появление Солнцеликого на береговой батарее вызвало панику. Личный состав попрятался, но охрана была на высоте, и когда Мехмед потребовал, чтобы кто-то объяснил ему, что тут происходит, шустро выловила и представила пред ясны очи молоденького офицера. То ли капитана, то ли майора, Султан в мелких званиях не разбирался. Прервав верноподданническое блеяние, Справедливейший и Милосерднейший махнул рукой в сторону моря и спросил:

— Что это?

— О, Величайший...

— Короче!

— Повелитель, перед нами весь Черноморский Флот русских. Вон та группа справа — это "старушки со свитой"...

Увидев непонимание в глазах Султана офицер уточнил:

— Это русские линкоры типа "Императрица". Все здесь. "Екатерина", "Елизавета", "Анна" и "Мария". Их сопровождают крейсера типа "Адмирал": "Ушаков", "Корнилов", "Нахимов" и "Истомин".

При каждой фамилии Мехмед кривился все больше. Историю он в свое время учил. Офицер подумал, что неудовольствие вызвано его медлительностью и затараторил вдвое быстрее.

— Группа слева — это новейшие линейные крейсера, "Царицын" и "Москва" в сопровождении эсминцев. Авианосцев не видно, но они точно здесь, судя по самолетам...

— Твоя батарея сможет поразить эти корабли, если они атакуют?

— Они слишком далеко — офицер замялся — нам не хватит дальности пушек...

— А им хватит?

— О, Повелитель! "Царицын" сможет прямо оттуда стрелять хоть по Стамбулу.

Султан ещё раз посмотрел на серые силуэты, казавшиеся вырезанными из картона, и не говоря ни слова покинул батарею. У него сильно кололо в боку и болела голова.

Во дворце его ждал новый телефон, ещё красивее прежнего. Этот телефон, голосом министра иностранных дел сообщил о врученной русским послом ноте.

— Неси сюда — буркнул Мехмед, но в этот раз срывать зло на телефонном аппарате не стал.

Читая русскую бумагу он с трудом, сквозь туман в голове, понимал о чем речь. Резало глаза отсутствие привычных велеречивых оборотов.

...Геноцид армянского населения...Посчитала нужным защитить...Ввод войск...Соппротивление считаем объявлением войны...

Слово ВОЙНА вспыхнуло у Мехмеда Эртугрула в голове. Во рту стало сухо, он хотел что-то сказать, но язык ему не повиновался. Он захрипел и повалился лицом на стол.

На следующее утро Султаном был провозглашен Абдул-Хамид Третий. Высшие сановники Блистательной Порты сцепились в яростной драке за место у престола. В разгоревшихся вокруг трона интригах никому не стало дела ни до русского флота, ни до того, что Россия оттяпала себе часть Турции.

1945год. Лондон.

— Ваше Величество, весь цивилизованный мир с большой тревогой наблюдал за агрессией России против Турции. Наши европейские читатели с опасением смотрят на Восток и хотят знать — кого русские завоюют следующим?

— Ваши европейские читатели, с вашей помощью, увидели агрессию там, где её нет. Россия просто не могла спокойно смотреть на то, как рядом с её границами убивают женщин и детей. Ваш, так называемый цивилизованный мир, не обращает на такие вещи внимания. Не интересуют европейцев кровь и слезы целого народа. А вот Россия на убийства и грабежи смотреть не стала. Мы ввели войска и прекратили геноцид. И тут Вы вдруг озаботились и подняли шум. Раньше надо было возмущаться. Или Вы считаете убийство сотен тысяч людей нормой?

— Сотен тысяч?!

— Совершенно верно. Все случаи геноцида нами задокументированы. По завершении следствия мы непременно ознакомим со всеми материалами европейскую общественность. После прочтения этих материалов я гарантирую любому нормальному человеку плохой сон и ночные кошмары. А вот армяне теперь будут спать спокойно. Разделенный, вследствие агрессии Османской Империи народ, теперь воссоединится и будет мирно жить в одном государстве.

— В Армянском государстве???

— Нет, конечно. Они будут жить в Российской Империи. И никто не посмеет их обидеть, только за то, что они армяне. Как не смеют обижать других русских подданных.

— Ну, да! Вы же не признаете право наций на самоопределение!

— А Вы знаете, что такое нация?

— Конечно! Нация — это...ээ...

— Не трудитесь с ответом. Недавно я попросила одного знакомого профессора собрать все определения понятия "нация". Он насчитал больше двухсот пятидесяти разных, в том числе и взаимоисключающих определений. Вы же, даже не зная толком, что такое "нация", торопитесь защищать угнетенных. Только этих несчастных Вы почему-то находите всегда за границей. Не лучше ли обратить взор на себя? Вы без труда обнаружите угнетение по национальному, расовому или религиозному признаку...

Редактор с раздражением бросил листки с текстом на стол.

— Неужели Вы думаете, что я это опубликую? Да меня выкинут с "волчьим билетом" на улицу, если я это сделаю! Вы что, разучились брать интервью? Вам же подготовили вопросы, которые должны были выставить русскую царицу агрессивной душой. Вместо этого Вы сами выглядите последним болваном.

— Понимаете, перед пресс-конференцией ко мне подошли два очень симпатичных молодых человека. Они, с милыми улыбками, пообещали, что если я буду вести себя неподобающе по отношению к Её Императорскому Величеству, то они меня изнасилуют. Ножкой от стула. После чего утопят в ближайшей выгребной яме.

— Да это же... это же... давление на независимую прессу! Ущемление свободы слова!

— А ещё они просили передать Вам, что если слова их Императрицы будут в нашей газете перевраны или искажены, то они приедут сюда, и сделают то же самое с Вами и со всей редакцией. Если для достижения нужного результата им потребуется превратить Лондон в развалины, то это их нисколько не смущает.

Редактор на какое-то время задумался, а потом стал спешно собираться.

— Ээ... сэр, Вы куда?

— Домой. Там я вызову доктора, и он не откажет мне в любезности объявить всем, что я болен. Смертельно болен и не могу работать. А вот этого... — редактор с омерзением указал пальцем на бумаги, как будто перед ним лежаладохлая крыса — Вот этого я не видел и ничего не знаю. Выкручивайтесь сами, как хотите!

1947 г.

Москва.

Ольга перевернула последнюю страницу и брезгливо, кончиками пальцев, отодвинула толстый том от себя. Ну надо же было так опростоволоситься! Хоть самой садись и пиши! Но не может руководитель все делать сам, не его эта работа. Его обязанность — найти нужных людей, поставить перед ними задачу и правильно мотивировать. И если задание не выполнено, то в этом больше всех виноват именно начальник. Не тех людей нашел, плохо объяснил, недостаточно заинтересовал. И вот сейчас перед Императрицей лежал наглядный пример плохой работы. В первую голову — её плохой работы.

Понимание того, что история государства, это не только школьный предмет, но и важная часть идеологии, у Ольги было давно, но вот руки дошли только в последнее время. Официальная история России её совершенно не устраивала. Эта история была полна несуразностей и нестыковок, а отдельные моменты можно было трактовать и так и этак, чем и пользовались в своей пропаганде многочисленные недоброжелатели. Во времена Екатерины, когда эта история писалась, такое положение ещё было терпимым, ведь народ был поголовно неграмотным, для пропаганды хватало лубочных картинок. Сейчас же, при

почти стопроцентной грамотности населения, все эти нестыковки и пробелы больно били по самым основам государственности. Понятно, что история писаная, сильно отличается от того, что было в действительности. Даже будучи Императрицей и имея доступ к любым, самым секретным документам, Ольга понимала, что о событиях давних имеет весьма смутное представление. Слишком часто эти документы переписывались в угоду сиюминутной нужды, слишком много их было уничтожено. Да и тому, что сохранилось в целости с прежних времен, не всегда следует доверять. Ведь правда у каждого своя, и слова написанные на пожелтевшем пергаменте излагают правду только одной стороны.

Новая история нужна вовсе не для того, чтобы открыть какую-то неизвестную правду.

Чтобы ответить на сакраментальный вопрос "Что делать?" — надо знать, что мы хотим.

Чтобы узнать, "Что мы хотим?" — надо понять, кто мы.

И вот на этот вопрос и должна ответить история.

Были собраны все светила исторической науки. Ольга лично поставила перед ними грандиозную задачу — написать такую историю, которая не просто оправдает притязания России на какие-то земли, а послужит делу объединения многочисленных народов, населяющих Империю в единое целое. И вот результат. Перед ней лежит книга, которая после прочтения вызывает желание её немедленно выкинуть. Что она сделала не так? Не те люди? Нет, для этой работы были приглашены наиболее авторитетные и заслуженные специалисты. Плохо объяснила, что надо? Тоже нет, выводы, содержащиеся в данной работе, в целом соответствовали заданию. Правда сделаны они были не на основании собранных в стройную систему доказательств. В основном данная книга была заполнена безудержным славословием, в том числе и в её адрес. Очевидно, она поторопилась с материальным поощрением работникам, и они решили схалтурить, мол и так сойдет. Ну чтож, кроме прыника, у нас и кнут имеется и пришла пора его применить.

Академик Шиманский повинувшись приглашающему жесту секретаря с достоинством прошествовал в кабинет Императрицы, гордо неся украшенную львиной гривой голову. Ему было чем гордиться. Получив от Государыни задачу написать новый учебник истории, Владимир Альбертович взялся за дело со всей возможной энергией. Были сформированы рабочие группы, распределены фонды и работа закипела. А сколько было написано монографий и защищено диссертаций. Это же просто песня какая-то! И теперь, когда сигнальный экземпляр был предоставлен Императрице, он ожидал достойной награды за проделанную работу.

— Ваше Импера.... — Подняв глаза и увидев сверкающий ледяным бешенством взгляд Ольги, академик замолчал на полуслове.

— Ты что, холоп, забылся? Если тебя обласкали и возвысили, то уже можно и не работать?

— Ва...

— Молчать, а то велю удавить прямо здесь! — Ольга шипела как атакующая кобра — Ваша так называемая "история" шита белыми нитками! Любой крестьянин с тремя классами за спиной поймет, что это все сплошное вранье! Сколько человек было задействовано в написании этой филькиной грамоты? Не знаешь, так я тебе скажу, более восьми тысяч! Если вас всех просто утопить в проруби, то уже казне прибыль, не кормить дармоедов.

Ольга перевела дух. Академик мелко дрожал, держась рукой за сердце. "Ладно, хватит с

него, а то и правда окочурится прямо у меня в кабинете."

— Через шесть месяцев жду от Вас новый вариант учебника. В нем все должно быть стройно и непротиворечиво, все доказательства — железобетонны, все документы подлинны. Если нет у Вас таких документов, то куда обратиться Вы знаете. Вам найдут в нужном архиве нужный пергамент. Свободны!

Вышедший от Императрицы посетитель напоминал не гордого льва, а шелудивую дворнягу облитую помоями. Адъютанты усадили его в кресло и накапали успокоительного. Бывало и круче, после аудиенции кое-кого на неотложке увозили.

Ольга подняла телефонную трубку.

— Михаил Петрович, здравствуйте! От меня только что вышел Шиманский... Да поговорили о новом учебнике истории... Понимаю, что Вы уже ознакомились, Ваши мальчики тот экземпляр, что мне предназначался, наверно весь обнюхали и рентгеном просветили в поисках адской машины... Понимаю, что без этого никак... Да у меня такое же впечатление — халтура... Нет, посылать к ним Ваших "искусствоведов в штатском" не надо. У нас и так людей не хватает, я имею в виду грамотных людей. Если же послать дуболомов, то будет только хуже. Надо вот что сделать. Тут написано — ответственный редактор Травин Ю.И. Вот пусть и отвечает, раз ответственный. И чтобы все, кому надо были в курсе, что посажен он за плохую работу. А ещё будет хорошо, если он из мест не столь отдаленных своим коллегам письмо напишет, расскажет, как полезен физический труд на свежем воздухе, и как тяжело приходится интеллигенту среди грубых и некультурных каторжников. Это будет способствовать более продуктивной работе... Не сомневаюсь.

— Да, вот ещё что. У меня к Вам вопрос на совершенно другую тему. Мне из Комитета по законодательству прислали законопроект об ограничении продажи оружия, у Вас он наверняка есть... Понимаю, что нужно время на экспертизу, Вы мне в первом приближении скажите, разве у нас, как на Диком Западе все с револьверами ходят? Насколько я знаю, даже те, кому по службе это положено, стараются при первой возможности оружия не носить. Таскать на себе килограммовую железку без насущной необходимости ни кто не будет... Так... Так... Говорите на всю Москву три магазина, и торговли толком нет?... А как же всякие стрелковые клубы и общества? У нас в стране их немало... Понятно, все, кому надо обеспечены через ДОСААФ, а кому не надо, те и покупать не будут. Ну чтож, спасибо за консультацию, похоже пришло время этот комитет прошерстить, а то они от безделья маются. Насколько я понимаю, у нас сейчас действует вполне толковый закон, раз у правоохранителей нет претензий. Он позволяет нашим подданным купить оружие для самозащиты, если у них в том есть потребность... Как Вы говорите?... Закон разрешает хоть пушку?... И что, купил кто-нибудь? Хотя понятно, что нет, раз пистолеты спросом не пользуются... Что-о?... Какой крейсер?!... А если он на этом "Рюрике" черный флаг поднимет и пиратствовать начнет?... Так понятно, двадцать лет в отстойнике.... Бывший офицер Флота?... Настоящий герой?... И на чем он так быстро разбогател?... На полупроводниках... А это корыто древнее не утонет вместе с мальчишками?... Говорите ещё сто лет прослужит, при должном уходе... Отличная мореходность... Так. Мне понятно, почему отставной моряк выкупает старый корабль и делает из него плавучую школу. Мне понятно, почему мальчишки рвутся выйти в море на настоящем крейсере. Мне не понятно, почему это делает частное лицо, а не государство... А-а, как всегда нет денег. Я еще поговорю с нашими адмиралами на эту тему... Спасибо, держите меня в курсе. Всего

доброего.

Ольга положила трубку. Вот как приятно пообщаться с толковым человеком, на душе легче становится. А то после разговора с некоторыми хочется сразу руки помыть.

1953 г.

Москва.

В роскошном пентхаузе на сотом этаже небоскреба "Империя" сидели и пили вино два человека. Один из них полный, но очень живой и подвижный, был известен всей России, да что там, всему миру. Блестящий архитектор, лауреат всевозможных премий, создатель множества проектов, включая этот небоскреб. Мультимиллионер, владелец скоростного дирижабля и гоночных автомобилей был знаменит ещё тем, что никогда не лез за словом в карман и слова эти мог отстоять и на дуэли. О его экстравагантных поступках писали газеты, а в любовницы ему молва зачислила всех красавиц Империи. Мало кто знал, что эпатажное поведение было лишь маской. На самом деле Лаврентий Берия любил свою жену, которую знал с детства, а его единственным увлечением была его работа. Ему нравилось строить, и он делал это всю сознательную жизнь.

Архитектор подошел к окну и с гордостью посмотрел на панораму Новой Москвы. Шпили и купола поднимались к облакам, пуская разноцветные зайчики под весенним солнцем. Внизу, в легкой дымке, змеиными кольцами свивались дороги, а между домами уже была видна первая зелень. На горизонте ярким золотом блестела колокольня Ивана Великого. Ещё раз оглядев дело рук своих, он удовлетворенно подумал — А я, наверное, неплохой строитель!

— Дурак ты Лаврэнтій! — прервал его мысли негромкий хрипловатый голос.

— Это почему же? — удивился Берия. Он обернулся и посмотрел на своего гостя.

Этот человек был широкой публике совершенно не известен. Точнее он был известен, но в очень узком кругу людей, причастных к управлению государством. Кто строит метро? — конечно Метрострой. А мосты? Наверно какой-нибудь мостострой. Мало кто в Империи знал, что все серьезное строительство, все объекты, которые можно назвать стратегическими, курирует одна организация — Спецстрой.

Сам Лаврентий Берия, молодой начинающий архитектор, познакомился с этим человеком в 1926 году, когда выиграл конкурс на реконструкцию Большого Кремлевского Дворца. Тогда он с удивлением узнал, что кроме тех работ, что надо сделать по его проекту, существуют и другие работы, как бы не большего объема. После того, как он расписался под документом, обещающем страшные кары за разглашение секретов, его провели в отдельный кабинет с охраной у дверей. За столом сидел усатый грузин с трубкой в зубах и карандашом в руках.

— Начальник Спецстроя Иосиф Сталин — представился он — Проходите, садитесь, сейчас принесут чай, и мы с Вами попробуем совместить Ваш проект с творчеством наших инженеров — После чего залез в сейф и достал большой альбом чертежей.

— Это же какая то помесь шахты, крепости и железнодорожной станции! Я не умею строить ни одно, ни другое, ни третье! — Возмущался Берия, проглядывая чертежи.

— Не волнуйтесь — успокаивал его Сталин — У нас есть специалисты.

— У Ваших специалистов толщина стен два метра! Зачем?

— Должны держать попадание из шестидюймовки.

— Вы что, думаете, будто в Москвареку войдет крейсер и пальнет по историческому памятнику? — Берия сочился ехидством — сначала надо реку углубить.

— И реку, если надо, углубим, а как Вы говорите исторический памятник, скоро станет главной Императорской резиденцией. Решение о переносе столицы уже принято. Наша задача все для этого подготовить.

— Но если мы возведем все эти бастионы, это же будет выглядеть как склеп какой-то!

— Выглядеть это должно как Ваш проект — изящный, воздушный, наполненный светом. А под легкомысленной маской будет броня и фортификационный бетон!

Крови и нервов та стройка выпила им немало. Архитектор с прорабом спорили до хрипоты, засиживаясь ночами, и как-то незаметно сдружились. Они оба любили и умели работать, оба родом с Кавказа, оба в юности сочувствовали социализму. Правда, о своей молодости Сталин ничего не рассказывал, мол, дело прошлое, неинтересное. Считанные люди в Империи знали, что дотошный до педантизма строитель Иосиф Сталин и лихой абрек Коба Джугашвили, это одно лицо. Лаврентия поражала широта познаний старшего товарища, а его рассудительность хорошо компенсировала горячность молодого архитектора. Потом было много разных строек, известных и не очень, в столице и провинции. Здания Берии поражали мир устремленностью ввысь и легкостью, но стояли они на железобетонном фундаменте Спецстроя.

— Почему дурак? Слюшай, абыдно, да? — и оба приятеля расхохотались. Друг с другом они говорили обычно по-русски. Ну нет в грузинском языке всех тех терминов, что употребляют в строительстве и производстве. Но подпустить "кавказского колориту" в нужный момент любили.

— Вот ты говоришь, что каждый народ вправе сам решать свою судьбу. Но ведь все права вытекают из обязанностей. Это у Робинзона на необитаемом острове нет ни прав, ни обязанностей, да и то, до появления Пятницы. А в любом обществе ты что то отдаешь в общий котел — это обязанность и что то оттуда берешь — это твои права. Если кто-то берет больше, чем отдает, значит у кого-то он это забирает. Если народ имеет право, как ты сказал, значит, он имеет и обязанность. Какую?

— Любой народ борется за свою независимость! Он за неё кровью платит!

— Слушай, ну откуда ты это взял? Существует масса народов, которые ни с кем не борются и не собираются. Вот чухонцы, например. Кто их земли только не завоевывал, датчане и шведы, немцы и поляки, наконец, русские. И ни с кем они никогда не боролись.

— Но мы, грузины, не такие!

— Правильно, мы за свою свободу дрались. Но когда стало ясно, что в этой драке нас всех просто перебьют, у царя Ираклия хватило мужества и ума обратиться к России за помощью. Право на самостоятельность имеет не тот, кто свою кровь проливал, а тот, кто чужой крови пролил достаточно. И тогда соседи скажут: "Да, этих ребят лучше оставить в покое, целее будем"

— Что же получается, сильный всегда прав?

— Всегда прав умный! Вот царь Ираклий был умный, и теперь мы с тобой пьем грузинское вино, а как напьемся, будем петь грузинские песни! А если бы он был дураком, нас с тобой и на свете бы не было! Будь здоров дорогой!

Сталин посмотрел на часы, потом подошел к приемнику, стоявшему у стены и стал

крутить ручки настройки. При этом пробормотал себе под нос:

— Мы высоко, должны слышать.

Берия, заинтересовавшись, посмотрел на шкалу. Что он собирается слышать? Это служебный диапазон, там кроме морзянки ничего нет.

Вдруг Сталин замер, и сделал жест рукой, мол тише!

— Ты слышишь? Вроде есть?

Лаврентий прислушался. Сквозь шипение и треск, сначала еле слышно, а потом все громче пробивалось:

Бип, Бип, Бип...

— Что это? Похоже на радиомаяк какой-то?

— Это спутник — неожиданно севшим голосом сказал Сталин.

— Спутник кого? В смысле, чей спутник? — не понял Берия.

— Наш спутник — так же полупешотом, словно боясь спугнуть звук из приемника, ответил Сталин. И уже нормальным голосом продолжил:

— Искусственный Спутник Земли. Запущен на орбиту сегодня утром с космодрома. Когда завершит первый оборот, будет официальное сообщение.

Берия начал понимать, о чем речь, обкатывая на языке такие вкусные слова "космодром", "орбита", "спутник". Вот почему друг приехал к нему в рабочий день, вроде как просто так, и все время нервничал.

— И ты не сказал заранее?

— Не мог, сам понимаешь!

— Понимаю.

Сталин разлил вино, поднял бокал.

С усмешкой посмотрел на Лаврентия:

— А ты говоришь, каждому по отдельности в своей сакле сидеть! Такое только всем вместе осилить можно! Но раз уж мы заговорили о нациях и народах, я хочу выпить за один народ. Этот народ родился только сегодня. Он называется — ЗЕМЛЯНЕ!

Бип, Бип, Бип...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

АНДРЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ

ГЛАВА 19

1976 г.

Южнее г. Муш.

Поручик Романов сидел в тенике и лениво наблюдал, за очередью разномастно одетых людей в оранжевых строительных касках. "Они же как подосиновики в них торчать будут, хотя в горах хоть какая защита головы нужна." Но потом он заметил, что от стола, стоявшего на краю небольшой площади, народ проходит чуть дальше. Там они отдавали свою оранжевую каску, и шустрый мальчишка выдавал им другую, мутно-коричневого цвета, снимая их с забора. Возле калитки стояла бочка, и высокий толстый армянин брал свежие каски и окунал в краску, а потом развешивал для просушки. Заинтересованный, Андрей

встал и подошел поближе.

— А что это вы тут делаете?

— Не видишь что ли, совсем ослеп? — неприветливо ответил маляр. То, что маляр Андрей определил по одежде, заляпанной настолько разноцветно, что любой художник — авангардист умрет от зависти. Однако когда он обернулся, его неприветливость сразу пропала.

— А это Вы — маляр прищурился, оглядывая Андрея с ног до головы — А хотите, я и Вам расцветку поправлю, она нашим горам не совсем соответствует?

— Так сохнуть долго будет, а нам уже скоро выходить.

— Абижаеш, дарагой, лютший краска. Дэсят минут сохнет, двадцать — савсэм нэ воняет!

А Вы пока в дом проходите, жена угостит — уже без акцента сказал он.

— Я не один — сказал Андрей.

— Слюшай абидеть хочеш! У Ашота в доме угощения на всех хватит!

— Все ко мне — буркнул в микрофон поручик.

На крыльце дома хозяйка, такая же высокая и полная как её муж протирала тряпкой старинное ружье, покрытое затейливой вязью. Увидев входящих солдат, она отложила антикварный ствол и поспешила навстречу.

— Проходите за стол, сейчас толма будет.

— Хозяюшка спасибо, нас уже так закармлили, что лопнуть можем. Вы нам попить дайте.

Андрей сидел за столом, потягивая кисленькое винцо, и слушал хозяйку.

— У нормальных мужиков в доме карабины есть, а у нас только это ружьё на стенке висит. От прадеда ещё. Ашот у меня большой, сильный, но мирный совсем.

— А в армии он служил?

— Конечно служил, художником при штабе каком-то.

— Ануш, сладкая моя, должна ты мужа бояться и слушаться.

— Ага, уже испугалась.

— Сейчас высохнет и можно надевать — обратился Ашот к поручику — У вас камуфляж универсальный, а я конкретно под нашу местность сделал. У меня глаз такой, позволяет очень точно цвет подобрать.

— Он когда дом кому покрасит — сказала Ануш, обнимая мужа — в нем жить радостно.

Андрей посмотрел на часы. До времени выхода ещё полчаса, пусть бойцы отдохнут.

Их полк подняли по тревоге вчера вечером. Он оглядывал построившихся солдат, когда в наушнике прозвучало: "Поручик Романов, к первому срочно"

Командир полка был мрачен и сосредоточен.

— Поручик, смотри — он подошел к карте — вот тут прорыв границы.

Со стороны Турции периодически случались такие прорывы. Банда в десяток-другой стволов пересекала пограничную реку, углублялась километров на пять, там её обычно и хоронили. Проходило какое-то время, османы набирали новую банду из отребья со всего Ближнего Востока и все повторялось.

— Банда в тысячу рыл, а её прорыв поддерживает бронегруппа.

"Турки рехнулись", подумал Андрей, мы же можем им Босфор расширить, сделать его

от Балкан до Кавказа. Хотя мочь-то можем, но явно не будем. Разрядка и политика мирного сосуществования. Тьфу!

— Но это ещё не все плохие новости — продолжал комполка — Над перевалом гроза, вертушки не пройдут. Полк пойдет по дороге, на броне. Можем не успеть, и они вырежут все села в долине. Твоя задача — Десантируешься вот тут и рвешь этот мост, после чего отходишь, не вступая в бой. На какое то время это банду задержит. Сам понимаешь — ночью в горы я могу сбросить только твоих, если полк сбрасывать — половина побьется.

Десантирование прошло штатно, мостик через речку они рванули и под утро вышли к большому армянскому селу. Там царила суета, но какая-то странная, совершенно не похожая на спешное бегство. Андрей увидел мужчин с оружием и поспешил в правление, узнать, что здесь происходит. За столом в кабинете председателя сидел совершенно седой человек в форме ещё предыдущего царствования, на столе лежала вытертая добела "Светка", а мужчина набивал магазины.

— Вас что, не известили, сюда банда идет, срочно эвакуируйте все население!

— Не успеем мы убежать, старики, дети. Нам придется по дороге идти, а они по горам нас догонят. Мы решили обороняться в селе.

— Там броня идет, вас всех тут перебьют! Мы задержку им организовали, взорвали мост, но это не надолго. Срочно уводите людей!

— Поручик, ты сам понимаешь, что не успеть. Это наша земля и мы будем за неё драться.

Председатель поднялся из за стола и стал распахивать магазины в допотопные подсумки

— А ты, поручик, свою задачу выполнил, можешь уходить.

— Фельдфебель смирно! — Андрей аж задохнулся от негодования. Как он посмел подумать, что десант может уйти, бросив мирняк на растерзание бандитам! — Разговорчики! Как старший по званию принимаю командование!

— Доложить сколько людей, чем вооружены! — Уже спокойнее сказал он.

— Семьдесят восемь ополченцев, Вашеблагородие, оружие — Мосинки, есть несколько самозарядок. Ещё человек двадцать ограниченно годных — старики и малолетки. Старый солдат вытянулся во фрунт, и Андрей разглядел затертые орденские ленты. Ого, сколько — подумал он — мне такой иконостас вовек не собрать.

— И это, Вашбродь, не обижайтесь товарищ поручик! — смущенно произнес председатель.

Андрей Романов лежал за большим камнем и думал: "Как же больно!" Ему распоролось бедро осколком, ногу он перетянул, но болела она страшно. В аптечке, конечно, был трамедол, но колоть его сейчас — это улететь напрочь, а ему нужна трезвая голова.

Сначала они неплохо повоевали. На дороге внизу чадили два транспортера, бойцы непрерывно маневрировали и точным огнем не давали врагу продвигаться. Правда за подбитую броню они заплатили Сашкой Томилиным, и это была не последняя потеря. А потом духи разместили на противоположном склоне минометы, и те стали бить прямой наводкой. И не достанешь — далеко. Прижатых к земле бойцов стали обходить со всех сторон, Андрей уже слышал стрельбу сзади, в селе. Сколько их осталось он не знал, так как рацию разбил, падая в укрытие. Он выглянул из-за камня и тут же спрятался обратно. Внизу, совсем близко он засек движение. "А вот зря вы поторопились, у меня еще гранаты

остались" Андрей вытащил из сумки три эргэошки и веером запустил их вниз. Трижды хлопнуло и снизу раздался истошный визг. "Это я удачно зашел" — успел подумать он, когда что-то сильно ударило его в плечо, настолько сильно, что он выкатился из-за укрытия. Перед ним открылось все ущелье. На той стороне поднимали пыль проклятые минометы. А внизу вставали в полный рост бородатые люди с английскими автоматами и не прячась шли в его сторону. "Похоже, что орденов у меня точно много не будет" — почему-то пришла в голову спокойная мысль — "разве что медальку посмертно". В этот момент там, где стояли минометы, распустились ярко-оранжевые огненные цветы, а бородачей внизу стали протыкать и отбрасывать на землю длинные красные копыя трассирующих пуль. По дороге на бешеной скорости неслись наши коробочки и поливали склоны из пушек и пулеметов. "А может, и будут ордена, но это потом, сейчас надо перевязаться и трамедол вколоть. Как там Ануш с Ашотом?" — подумал он, покачиваясь на носилках и погружаясь в сладкий наркотический сон.

Ануш с Ашотом лежали во дворе своего дома, перечеркнутые одной очередью. В руках у Ашота было его древнее ружье. Мирный и добрый человек ушел из жизни как воин, защищая свой дом с оружием в руках.

Председатель правления общины, Вазген Караян, сидел на крыльце полуразрушенного здания конторы и курил. Многие люди после боя испытывают возбуждение, кого-то трясет, кто-то смеется без остановки, а Вазген всегда ощущал странное умиротворение (это если цел оставался). В селе рычали моторы, раздавались команды и сустились солдаты, а он сидел на крылечке с чужим автоматом на коленях и ничего не делал. Мысли плавно текли в голове. Он опять остался жив. Правда, винтовку жаль, разбило напрочь, а этот огрызок, он посмотрел на трофейный Энфилд — тьфу, а не оружие. Но ничего дела в селе поправим, можно будет и в город съездить, заказать новую. Мимо него по дороге проехала санитарная "буханка", увозя раненых. Он вспомнил молоденького поручика, у которого даже имени не спросил. Хорошо, что не убило его, а то сколько таких офицериков сложили свои головы на его глазах, в бесконечных войнах и конфликтах. "На кого-то он похож" подумал Вазген поднимаясь и закидывая на одно плечо автомат, а на другое разгрузку с магазинами. Разгрузка была вымазана кровью, и с дыркой от кинжала. Его кинжала. Он не спеша пошел в сторону своего дома и вдруг остановился как вкопанный. Он вспомнил, на кого похож офицер! Много лет позади его стула в правлении висел портрет "ЕИВ Ольга Первая с Государственными Регалиями"

1978 г.

о. Эйзель. г. Новопетровск.

Этот автосервис ничем не отличался от множества других кооперативных предприятий. Когда российский флот, а за ним и армия стали насыщаться сложной техникой, неизбежно встал вопрос о её ремонте. Военные гарнизоны уже не могли обходиться малыми мастерскими, как раньше, и стали обрастать различными ремонтными предприятиями, естественно казенными. Однако несложный подсчет приводил к грустным мыслям — в случае войны этих ремонтных мощностей будет катастрофически не хватать. Можно построить заводы заранее, оборудование законсервировать, но где брать на них персонал? Рабочих в солидол не положишь, а обучать новых с началом войны — пока обучишь, она

кончится. Выход был найден каким-то ушлым снабженцем. На судоремонтном заводе создали "Товарищество на доверии", которое работало на простаивающем оборудовании, естественно не платя за это ни копейки. Производило оно моторные лодки. Лодки пользовались успехом, рабочие радовались хорошей зарплате, а "отец-основатель" считал барыши.

Как известно, счастье длится недолго. Пришли нехорошие дяди и увезли шустрого подпола в места отдаленные. Однако идея не заглохла — видимо кто-то из высокого начальства её оценил. И стали появляться в военных городках и дальних гарнизонах разнообразные кооперативы. Они работали на казенном оборудовании, арендуемом по льготным расценкам. Кто-то чинил мотоциклы, кто-то клепал "неубиваемые" фонарики. Одни, благодаря трудолюбию и удачливости, процветали, другие перебивались с хлеба на квас, но в целом система работала и позволяла государству иметь солидный мобилизационный резерв.

Данный автосервис явно знал лучшие времена — забор обветшалый, очереди клиентов не видно. К ржавым, с отслоившейся краской воротам подъехал потрепанный "козлик" с гражданскими номерами. Где еще чинить старый армейский "проходимец", как не на таком дешевом сервисе? Ворота поехали в сторону, пропуская автомобиль на изрядно захлавленную территорию. Водитель, среднего роста ничем не примечательный мужчина, вылез из машины и направился к двери мастерской. Дверь вполне соответствовала окружающей неухоженности — дерматин облез и местами свисал клоками. За ней был небольшой тамбур со второй, уже железной дверью. Мужчина остановился, не делая попыток постучать или позвонить, да и кнопки звонка все равно не было. Спустя пару минут дверь бесшумно открылась, посетитель вошел и оказался в помещении совершенно не подходящем для автосервиса.

В России землю рыли давно и делали это с умением и любовью. С момента основания военно-морская база на Эйзеле расширялась вглубь. Инженеры мучились с гидроизоляцией, материли пловуны, но упорно продолжали строить бункеры и тянуть потери. По мере совершенствования средств нападения, подземелья уходили все глубже и расползались все шире. Люди не сведущие рассказывали о секретных ветках метрополитена и крысах мутантах. Наиболее часто повторялась история, в которой школьники залезли в подвал в Новопетровске, а вылезли в Ревеле, Риге или Гельсингфорсе. В самом эффектном варианте путешественники выбрались на свет божий аж во Владивостоке. Так как за время блужданий по подземельям они выросли, обросли и совершенно одичали, то были посажены в клетку с табличкой "Пещерный человек". Люди сведущие не рассказывали ничего, так как давали подписку о неразглашении.

Серая шаровая краска на стенах, яркий свет, массивная броневая плита впереди и торчащие по бокам короткие раструбы казематных огнеметов. Посетитель вставил в узкую прорезь электронный пропуск и, дождавшись открытия бронедвери, прошел внутрь. Далее ему неоднократно пришлось показывать пропуск, называть пароли и набирать коды пока он не очутился в помещении, судя по всему, предназначенном для отдыха. Фикусы, неяркое освещение, диваны, аквариум. Находящиеся в комнате люди, в гражданской одежде, но с военной выправкой, при виде вошедшего явно испытали немалое облегчение.

— Ну наконец-то Георгий Васильевич, мы уж заждались.

— Господа! Вы скоро дождетесь не меня, а пришествия северного лиса.

— Это ещё почему?

— В связи с расширением наших...мм... структур, утечки становятся неизбежными. Пока их удастся оперативно купировать, но из-за увеличения числа посвященных, информация в ближайшее время неминуемо выйдет из-под контроля. Не забывайте, что наша деятельность подходит под определение "заговор", с которыми я обязан по долгу службы бороться.

— Михаил лежит опутанный проводами и капельницами. Его жизнь поддерживается искусственно. Наследника нет. В случае смерти Императора смута неизбежна.

Седой, коротко стриженный человек с жестким лицом говорил короткими рублеными фразами.

— Если мы создадим свою систему, которая перехватит власть — обойдемся малой кровью. Если нет, то "старая гвардия" утянет страну в пропасть. Они и сейчас договориться не могут, а без Государя сцепятся в открытую. На удельные княжества распадемся.

— Насчет того, что распадемся на княжества, Вы, господин генерал, несомненно правы. А вот то, что им не удастся договориться, вызывает у меня сомнение. Ведь конечная цель всех этих людей в том и состоит, чтобы из государственного чиновника, пускай и высокопоставленного, превратиться в самовластного правителя. Когда после смерти Ольги возникла похожая ситуация, связанная с отсутствием наследника, они посадили на трон компромиссную фигуру — Михаила. После многих лет жесткой, а порой даже жестокой верховной власти, возникла эйфория от вседозволенности. Многие вспомнили о своем былом величии, о "несправедливо осужденных" и "незаконно конфискованных" миллионах. Страна продолжала двигаться вперед по инерции, добиваясь новых успехов. Они эти достижения приписывали себе, а сами тем временем, как мыши, тащили все, что плохо лежит каждый в свою норку. Теперь они готовы довести дело до логического конца — разделить страну на части. Им не приходит в голову, что только будучи "государевыми людьми" они могут распоряжаться гигантскими людскими и материальными ресурсами, что только в этом случае им подвластна вся мощь Империи. Они думают, что освободившись от опеки из Москвы, заживут своим умом. На самом деле они моментально превратятся в марионеток зарубежных радетелей "свободы и демократии". Не бывает в этом мире независимости, не опирающейся на силу. К сожалению, сейчас они этого понять не могут, а когда поймут, будет уже поздно. Сейчас они прилагают все силы к тому, чтобы посадить на трон слабую фигуру, которая не будет им мешать, а потом развалить страну — с горечью произнес пожилой мужчина, единственный из присутствующих не щеголявшей военной выправкой.

— Кстати, мне известно о четырех сформировавшихся группах. Каждый такой "кружок по интересам" имеет собственную кандидатуру на трон — выдал справку Георгий Васильевич.

— И чем тогда мы от них отличаемся? Мы такие же заговорщики...

— С точки зрения закона — да. Но есть одно кардинальное отличие. Мы все связываем свою судьбу, свое будущее, свое материальное благополучие наконец, только с большой и сильной Российской Империей. Вот Вы, Евгений Владимирович, сейчас командуете Балтийским Флотом и наверняка мечтаете о должности Главкома...

— Откуда Вы знаете, о чем я мечтаю — буркнул адмирал, худощавый, с тонкими чертами лица, больше похожий на профессора, чем на военного. За глаза адмирала Бакатова

частенько называли "Арамисом". Данное прозвище ему льстило, намекая на успех у женщин и хитроумие.

— Работа у меня такая, все знать. Но продолжу о печальном. В случае победы наших многочисленных оппонентов ни о каком Российском Императорском Флоте и речи не будет. Будут Флоты Герцогства Курляндского и Княжества Лифляндского. И состоять эти могучие флоты будут из моторных лодок с пулеметами, а не из ракетных крейсеров, при этом адмиралов там будет больше, чем кораблей. Перспектива оказаться во главе такого флота Вас вряд ли устраивает. То же можно сказать и обо всех, здесь присутствующих. Мы предпочитаем быть солдатами великой империи, а не маршалами республики Сан-Марино. Лично я в данный момент возглавляю организацию, работающую по всему миру. И поверьте на слово, неплохо работающую. При реализации самого негативного сценария, я, если конечно повезет выжить, возглавлю спецслужбы Самостийной Московии или какой-нибудь Тверской Республики. И буду отчаянно интриговать против таких же мелких соседей за владение заливным лужком, не более. Не хочу!

— Господин генерал, они прекрасно договорятся, если им станет про нас известно. Пока о том, что кроме глухого недовольства офицеров и чиновников есть что-то ещё, они не знают. А вот как узнают... Тут они точно объединятся, чтобы отстоять свое место у трона, который сами же собираются разрушить — добавил один из присутствующих.

— И что Вы предлагаете? Ситуация выходит из под контроля! — разом заговорило несколько человек. Георгий Васильевич поднял руку, восстанавливая тишину.

— Я предлагаю сделать все немедленно, не дожидаясь пока нас раскроют.

— А Государя Вы убить намереваетесь? — спросил кто-то.

— Михаил давно уже мертв. А грех отключения реанимационной аппаратуры я возьму на себя. Бог рассудит — твердо ответил Георгий Васильевич и отвернулся к аквариуму, с демонстративным интересом разглядывая рыбок.

— Скажите, Евгений Леонидович, Вы твердо уверены в Вашем протеже? Насколько я знаю он не в курсе своей грядущей судьбы. Не закружится ли голова у мальчишки от столь быстрого возвышения? Не получим ли мы на троне неадекватную личность? Станет ли он слушать советы тех, кто его туда посадил? — Обратился к высокому и широкоплечему мужчине, сидевшему на диване, адмирал Бакатов.

— Господин адмирал, Андрей не мальчик, а боевой офицер. В тех операциях, что он участвовал, он показал себя толковым и смелым командиром.

— Российская Империя несколько больше батальона, которым он сейчас командует.

— Образование, которое он получил, воспитание в раннем детстве, как члена Императорской Фамилии, позволяют надеяться, что он справится. У парня светлая голова, Вы уж поверьте его воспитателю. Те настроения, что он проявляет в частных беседах, убеждают, что он видит ситуацию в России, так же как и мы. А опасения, что едва взойдя на престол, Андрей начнет избавляться от соратников по заговору — беспочвенны. Мы для него станем "своими". А спецназ своих не бросает.

— А как Вам вообще пришла в голову идея сделать из Андрея спецназовца?

— Офицер подразделения, которое действует автономно, несколько отличается от обычного армейца. Он не может спрятаться за спиной начальства, ему надо самому принимать решения, от которых зависит его жизнь и жизнь его подчиненных. От него требуется способность просчитать риск и принять решение, ставя на кон все. Кто не справился — тот не выжил. Немаловажное умение для главы государства. Кроме того, я

хотел убрать его подальше от Москвы. Тут климат для возможных наследников Престола вредный. Вспомните судьбу его родителей.

— Служба в "горячих точках" тоже может оказаться вредной для здоровья.

— Риск сложить голову, безусловно, был. Но зато мы теперь имеем ответственного взрослого мужчину, а не комнатное растение. А прикрыть его от "случайного" выстрела в спину — это вполне в моих силах. В любом случае шанс на выживание был выше, чем вблизи трона. Кстати, Георгий Васильевич, не просветите нас о несчастных случаях с его отцом и матерью? Да и смерть самой Ольги вызывает вопросы, не все там чисто.

— Евгений Леонидович, если я сейчас суну нос в эту историю, то мне его как той Варваре, оторвут-с! Вот когда возьмем власть в свои руки, тогда и спросим со всех причастных.

— Обязательно спросим! И за Ольгу, и за бронеходы порезанные, и за линкоры, на иголки попиленные, за многое спросим!

— Прежде чем спрашивать, надо дело сделать! Смотрите, вот перечень задач...

Заговорщики разошлись сильно за полночь, через разные выходы. Офицер службы безопасности выключил магнитофон, достал кассету и убрал в сейф. Его начальник, который был в этом заговоре главным, наверняка захочет прослушать. После чего достал из другого магнитофона ещё одну, и спрятал в тайник. Это — для Императора. Когда в России снова будет Император.

1978 г.

г. Москва

В одном из подсобных помещений Большого Кремлевского Дворца на маленьком жестком диванчике сидели два офицера в парадной форме. Один — генерал-полковник с кучей орденов на роскошном мундире, высокий и массивный словно медведь. Второй — капитан АМВ, чуть выше среднего роста, гибкий и подвижный. На его груди был всего один орден, а сильный загар говорил о месте службы, явно далеко от Москвы.

— Дядя Женя, ну зачем оно мне — вдруг с тоской сказал капитан — Я же не по этой части, ничего не знаю...

— Андрюша, у нас выхода другого нет. А что не умеешь — научим...

— А не хочешь, заставим — криво улыбнулся капитан.

Дверь в помещение бесшумно приоткрылась, и в нее не вошел, а как-то просочился лакей во фраке и белых перчатках.

— Как там, Георгий Васильевич? — спросил генерал.

Лакей неувовимо преобразился. Исчезли угодливо- суетливые движения, изменилась осанка, а взгляд блеснул оружейной сталью.

— Все готово. По нашему профилю — чисто.

— Не удивительно, раз сам начальник СБ в поле вышел. Ну, с Богом!

— С Богом! — Андрей перекрестился, привычным жестом выровнял фуражку, и, выпрямив спину, как на параде, вышел из комнаты. К славе или позору — неизвестно, но, чтобы это узнать, надо сделать шаг вперед.

ГЛАВА 20

1979 г.

Москва.

В большом кабинете с высокими окнами было пустынно. Только пылинки плясали в солнечных лучах. Андрею показалось, что сейчас из маленькой дверцы в углу выйдет хрупкая женщина в простом платье, пройдет, неслышно ступая легкими туфельками по мягкому ковру, и улыбнется своей знаменитой улыбкой. А потом посмотрит не менее знаменитым "стальным" взглядом и мановением руки возведет города и повергнет в прах царства. Свою двоюродную бабушку он представлял, по книгам и фильмам, как существо совершенно мифическое, с возможностями, недоступными обычному человеку. Только взойдя на престол и получив доступ к закрытой информации, он смог оценить каких трудов стоила эта кажущаяся легкость в решении проблем.

После смерти Ольги, в 1955 году, этот кабинет пустовал. Михаил Второй большую часть времени проводил в многочисленных загородных резиденциях, а самому Андрею было не до кабинетов. Когда на него, совершенно неожиданно, свалилась корона, пришлось мотаться по всей стране, наводя порядок. Конечно, штурмовать дворцы местных князьков с автоматом в руках, ему не требовалось. Но вот руководить этим процессом, а потом подписывать расстрельные списки довелось изрядно. Лучше бы сам с автоматом бегал, и вообще, без привычной тяжести АКМ на плече, было ощущение неадекватности. Но — неуместно!

Он не испытывал особой благодарности к тем, кто вознес его на вершину власти. Вот если Вам на спину взвелят мешок и обрадуют, что так до конца дней его и таскать, Вы будете за это благодарны? Вряд ли. Однако он понимал, что если пошатнется под своей ношей, то это будет означать смерть не только для него, но и для всей страны. Как говорится "попала белка в колесо — пищи, но беги".

Андрей потрогал рукой большое кресло с потертой кожаной обивкой, потом сел в него. А ничего так, удобно. Все, решено, здесь и обоснуюсь. И менять ничего не буду, разве что телефоны в музей отправлю, антиквариат это здорово, но удобство связи важнее. Андрей обернулся, разглядывая большую карту Империи позади кресла. Вся она была покрыта многочисленными пометками. Вот еще одна вещь на замену, писать поверх Ольги рука не поднимется. И в музей не отправишь, разве что лет через двести — тут секретов полно.

Напольные часы в углу солидно отбили время, и тут же негромко звякнул один из телефонов. Андрей, не сразу разобравшись, какой аппарат звонит, поднял трубку, выслушал адъютанта и коротко бросил "Да, просите"

В кабинет стали заходить приглашенные. От блеска орденов на парадных мундирах рябило в глазах.

— Господа, прошу вас, проходите, садитесь — Император показал на стулья за длинным столом.

— Почему они так скованно себя ведут? — удивился Андрей. Вряд ли они робеют перед молодым человеком, которого сами посадили на трон, скорее на них аура места так действует. Подсознательно ждут, что сейчас откроется дверь и войдет "Хозяйка". Выходит, что бабушка мне и с того света помогает. Ну чтож, нет пока своего авторитета, будем пользоваться заемным.

— Я позвал вас для того, чтобы посоветоваться — Андрей посмотрел на адмирала Бакатова. Тот чуть дрогнул лицом. Намек на сомнения адмирала в том, что, став Императором, он будет "слушать старших", был более чем прозрачным.

— Я хочу изменить закон о престолонаследии. Точнее сам принцип наследования власти.

На лицах собравшихся появилось изумление. У некоторых отчетливо читалась мысль "Ну вот, началось!"

— Ваше Величество, а с чем связано Ваше пожелание? — министр двора, князь Васильчиков был, как всегда, осторожен в формулировках — Наследника престола пока нет, торопливость в этом вопросе вряд ли уместна.

— Князь, совершенно с Вами согласен. Любой вопрос лучше обдумать заранее. Вот я и пригласил вас, чтобы поделиться своим видением проблемы. Никому не надо объяснять пагубность занятия трона неподходящим для этого человеком. Наследник по закону может оказаться некомпетентным или слабовольным. Решение я вижу в том, что трон Империи сможет занять, теоретически конечно, любой человек.

Вот тут Андрей их добил. Столько отвисших челюстей разом он ещё не видел.

— К-к-как л-любой... — выдержка опытного царедворца не помогла. Князь даже заикаться начал.

— Очень просто. В закон вносится дополнение, о том, что Император может усыновить кого-либо и объявить его наследником. Если найдет достойного.

— Г-где н-найдет?

— А я его искать не буду. Этим вы займетесь.

— Й-й-я-я... — Министр двора, похоже, начал впадать в прострацию.

— Не Вы лично, Кирилл Александрович, не волнуйтесь. Вы все — Андрей обвел рукой собравшихся.

— Однажды подобная задача уже была вами решена. Хорошо или плохо — время покажет, главное, что опыт у вас есть. Для этих целей будет образован специальный совет. Вы все станете его членами. Совет будет рекомендовать Императору наилучшую кандидатуру для наследования трона.

— А мы-то где его возьмем?

— Воспитаете. И не одного, а нескольких, что бы выбирать можно было.

— И как же нам его воспитывать? — придворные быстро приходили в себя. Умение держать удар и справляться с шоком нужно не только на поле боя, но и на дворцовых паркетах. Тем более, что в идее Императора явно было рациональное зерно.

— Я это вижу, как закрытый лицей. Медики вполне могут отобрать в него кандидатов по здоровью. Контрразведка проследит, чтобы у них в роду не было уродов, физических или моральных. Учителя смогут определить наиболее способных. Как первых космонавтов отбирали. Учиться они будут по специальным программам, опережая сверстников. Естественно, о том, для чего это делается, ни кто знать не должен, будет называться этот лицей Академией управления или что-то в этом духе. В любом случае, на выходе мы получаем управленцев высокого класса. А вы, совет по наследованию, внимательно следите за тем, как растут ваши подопечные. И если возникнет необходимость — рекомендуйте мне. Думаю, что дети Императора должны обучаться в том же лицее.

— Ваше Величество, предложение настолько неожиданное...

— Господа, вас ни кто не торопит, вопрос касается самих основ Империи и ошибка здесь недопустима. Обдумайте все хорошенько, посоветуйтесь. Это только идея, во что она выльется — неизвестно. Жду вас через месяц в том же составе, всего доброго!

После того, как всем в России стало ясно, что Андрей Первый — это всерьез и надолго, к нему со всех сторон потянулись различные просители. Понятно, что желающих получить "орден оль деревеньку" отсекали еще на дальних подступах к монаршему телу, однако и тех, кто шел к Императору с более серьезными вопросами было немало. Дипломаты говорили о необходимости срочно поддержать одного заморского деятеля и начать гнобить другого, ученым позарез требовалась установка непонятного назначения и фантастической стоимости, военные хотели всего и много. Поначалу опешивший от такого напора "ходоков" Андрей, однако, сумел удержаться от скоропалительных решений и пообещав всем просителям решить их вопросы в ближайшем будущем, собрал "ближний круг". То есть тех людей, которым он и был обязан своим восшествием на престол. Мысль, которую он постарался довести до своих сподвижников была проста: "Господа! Понимаю что обязан всех вас вознаградить, но давайте не будем делать резких движений! Кардинальные изменения надо сначала хорошо обдумать. Согласуйте свои пожелания между собой, составьте программу, а потом уж приходите ко мне. Мы ваши предложения еще раз обсудим и только потом будет приниматься решение. Не волнуйтесь, без своих плюшек вы не останетесь!" Провозгласив девизом своего царствования преемственность и стабильность, Андрей, тем не менее не забыл, что есть одна вещь, которую он хочет изменить быстро и решительно. Да и ноющее к непогоде плечо забыть не давало.

За годы "мирного сосуществования" вдоль всей южной границы Империи расплодились многочисленные банды. Назывались они, естественно, не бандами, а борцами за свободу, повстанцами или оппозиционерами. Суть дела это не меняло. На сопредельной территории, находились тренировочные лагеря, финансируемые из Лондона или Вашингтона. Это открыто, под громкие лозунги о борьбе за свободу, а втихаря деньги в эти образования вливали очень многие заинтересованные лица. Если у некоторых лиц есть экономические противоречия с Россией, то почему бы не воспользоваться таким способом ослабления конкурента? В эти лагеря собирали всю шваль, какую только могли найти. Большинство "оппозиционеров" попали сюда после фразы: "Либо ты, мерзавец, за свои преступления садишься (в тюрьму, на электрический стул, на кол) либо идешь бороться против тирании." Всем им было обещано полное прощение грехов, чистые документы и много денег. Естественно, выполнять эти договоренности ни кто не собирался, убийцы и бандиты никому не нужны. А так от них хоть какая-то польза будет. В задачу всех этих, весьма разнообразных по названию, но совершенно однотипных по сути формирований входило только одно — пакостить России. Тактика у них тоже была стандартная. Пробрался на русскую территорию, сжег деревню (или устроил засаду на дороге), а потом вернулся назад (если не поймали). Тысячи километров границы, проходящей по труднодоступной местности, редкое население в смежных с границей областях весьма этому способствовали. Как ни старались русские пограничники, но предотвратить подобное они не могли просто физически. Им приходилось действовать только по факту нарушения границы, то есть заранее отдавать инициативу противнику, а это не способствует успеху. Пересекать линию границы или стрелять в её сторону было строжайше запрещено многочисленными инструкциями и грозными приказами. Нарушители об этом прекрасно знали. Да, на русской территории можно запросто расстаться с жизнью, но если пересек ленточку, то все, ни кто тебе ни чего не

сделает. Можно расслабиться (вино, наркотики, девочки или мальчики, короче все, что пожелаешь) и готовиться к следующему рейду.

Приказы и инструкции ни кто не отменял, но сверху вниз по инстанциям была спущена совершенно неофициальная информация, что "Теперь — можно!" И начались для "борцов за свободу" черные дни. Горные егеря больше не останавливались у пограничной реки, с тоской глядя на удирающую банду, а продолжали преследование. При этом они не стеснялись вызвать воздушную или артиллерийскую поддержку. Естественно, ни какие бандиты противостоять русскому спецназу, да ещё прикрытому с воздуха, не могли. Те из них, кто был поумнее, да и просто более везучими, ломанулись от границ с Россией со всей возможной скоростью. Там поймают, или нет — бабушка надвое гадала, а тут точно не светит. Те, кто соображал медленнее, остались лежать на земле, в малоаппетитном виде. Пограничники сопредельной стороны, ранее добросовестно закрывавшие глаза на деятельность всех этих "оппозиционеров" спохватились и бросились ловить разбегающихся бандитов. Противодействовать русскому спецназу никто даже и не пытался. "Вам надо с русскими воевать — вот сами идите и воюйте, а мы без такого счастья обойдемся!" Хозяева всего этого цирка, видя как рушится на их глазах заботливо выстроенная за четверть века система, забили тревогу. Взыли о загубленных невинных жертвах газеты и телевидение. Гневные ноты обрушились на российских дипломатов. Однако дипломаты непонимающе хлопали глазами и продолжали твердить мантры о мире и дружбе. Вот только в этих речах нет-нет, да и проскальзывали угрожающие нотки. На неофициальном уровне, на уровне контактов между спецслужбами, эти угрозы звучали более открыто. "Посылаете к нам бандитов? Построили для них новый тренировочный лагерь? Очень хорошо, мы как раз учения у ракетчиков проведем. Вы же нам еще и должны будете, за то, что мы уничтожим тех, до кого у вас руки не доходят". А люди, живущие у границы, были просто рады тому, что до соседней деревни теперь можно доехать без сопровождения военных и не проводя инженерную разведку.

1980 г.

Москва.

— Вся гусеничная техника будет базироваться на трех платформах, унифицированных по двигателю, ходовой и трансмиссии. Между собой платформы будут так же унифицированы, насколько это возможно. Общими для всех видов станут радиостанции, средства наблюдения и многое другое. Стоимость навесного оборудования составляет от трети до половины стоимости изделия, так что экономия будет весьма ощутимой. — Начальник ГАБТУ, генерал-полковник Маев перевел дух и выпил воды. Доклад о перспективах развития бронетехники был длинным.

— Планируется создать три вида платформ. Легкая, с максимальной массой в 25 тонн, средняя в 50 и тяжелая в 75.

— Для чего нужна тяжелая? С таким весом она ни где не проедет, да и в транспортировке неминуемы проблемы. — Слушатели явно не во всем были согласны с докладчиком.

— Расчеты показывают, что для надежной защиты от перспективных бронебойных боеприпасов меньшим весом не обойтись. Данные машины будут выпускаться ограниченной серией, и служить частями качественного усиления. В них мы собираемся применить все те

технические решения, которые не годятся для массовых серий из-за высокой стоимости. Проходимость будет чуть хуже, чем у более легких машин, но достаточная для действий на большинстве имеющихся ТВД и превосходящая зарубежные аналоги. Проблему создадут габариты. В железнодорожный стандарт они не вписываются, перевозка возможна лишь по магистралям с трехметровой колеей. Будем решать задачу перевозки автомобильными и воздушными средствами. — У генерала Маева явно были заранее заготовлены ответы на все вопросы.

— А почему легкая платформа имеет вес в 25 тонн? Как она плавать будет? — оппоненты не сдавались.

— Плавать она не будет, для того, чтобы техника плавала, её вес пришлось бы ограничить пятнадцатью тоннами. Это если оставаться в разумных габаритах. С законом Архимеда не поспоришь. При таком весе бронезащита не может быть достаточной.

— И как Вы собираетесь решать задачи требующие форсирование рек? Или высадку с моря?

— При помощи навесных понтонов. При высадке, технике не требуется плавать туда и обратно, достаточно доплыть от корабля до берега, а на берегу важнее лишние миллиметры брони.

— А этот понтон не пойдет на дно от одной пулевой пробоины?

— Нет, понтон сделан из пластика и наполнен пеной. Что бы его утопить, его надо разорвать на части, да и те не утонут.

— Знаем мы, что не тонет... — негромко произнес кто-то. Маев зыркнул злобно, но с темы не сбился.

— Вес одного модуля — несколько килограмм, крепится на место одним человеком за секунды. По результатам испытаний установили норматив подготовки к преодолению водных преград в две минуты. Стоимость одного модуля, при серийном производстве, будет примерно полкопейки, не жалко бросить.

— А форсирование рек с ходу?

— За последние сорок лет мы реки форсировали с ходу только на учениях. В реальном бою придется все равно делать переправу для снабжения войск. Грузовики у нас не плавают. Кстати, эти понтоны прекрасно подходят для создания наплавного моста, и тут у нас унификация будет. Возможность плавать будет только у колесных машин. На них ляжет обязанность разведки, захвата плацдарма и другие задачи, где требуется плавучесть. Новые колесные машины перекрывают весь спектр задач, которые сейчас выполняет легкая гусеничная техника. При этом они экономичнее и маневреннее.

— Какие части будут оснащаться этой техникой? — Задал вопрос Император. С начала совещания он больше слушал, но видно пришел к какому-то выводу и решил поучаствовать в дискуссии.

— Колесные машины пойдут частям постоянной готовности. Они участвуют в непрерывных стычках на наших южных границах, машины все время в эксплуатации, гусениц не напасешься. В этих условиях важна скорость, а сильного противодействия не ожидается. Для усиления там будет гусеничная техника легкого класса. Средними бронеходами оснастим гвардейские полки, им в дело вступать только в случае серьезной войны. Тяжелых будет несколько бригад, в качестве последнего козыря из рукава. Хотя возможен и другой вариант. Среднюю технику держать в ангарах с максимальной секретностью, а тяжелую показывать на парадах и маневрах. Пусть враги думают, что у нас

её много.

— Что будет в случае мобилизации? Чем оснащать массовую армию?

— Машины предыдущего поколения, по мере насыщения новой техникой кадровых частей, будут выводиться на модернизацию и потом в резерв. То, что сейчас у нас на вооружении, будет боеспособно ещё много лет, а при минимальном усовершенствовании не намного хуже новых образцов.

— Так может проще не делать новых машин, а модернизировать старые?

— Их модернизационный потенциал почти исчерпан, а наука не стоит на месте. Не успеем перевооружиться, как изобретут что-нибудь новенькое и начинай все сначала. Этот процесс бесконечен.

— Спасибо за хорошую работу! Но я хочу, прежде чем принимать решение, посмотреть на всю эту технику, так сказать, живьем. Проедусь на полигон, потрогаю руками, а после на Госсовете уже обсудим окончательно. Готовьтесь, господин генерал!

1980 г.

Нижегородская губерния. Площадка N4.

Дежурный по части штабс-капитан Миронов маялся от скуки. По оконному стеклу ползла сонная муха. В углу бубнил в полголоса телевизор, показывая новости. За столом негромко сопел дежурный писарь. Вот сразу видно старослужащего — подумал штабс-капитан — спит с открытыми глазами! Выходной, никого нет, жара, духота. Пойти, что ли, караул погонять? Устроить им тренировку по отражению нападения на пост? Нет, не пойду, лень, подумал Миронов, когда до его слуха донесся звук вертолета. Кого это к нам несет?

На площадку села потрепанная транспортная вертушка. Из неё вышли три офицера в камуфляже, с чемоданчиками в руках, и направились к штабу. Все ясно, приехали командировочные. Ну хоть какое-то развлечение. Миронов развалился в кресле и представил, как будет сейчас поучать новичков. Ведь полигон это вам не обычная воинская часть. Тут существует масса традиций и неписаных правил, которые вызывают у непосвященных удивление, граничащее с охренением. А вот потом произошло то, что заставило штабс-капитана открыть рот, и долго служило в части темой для пересудов.

Из-за угла штаба выскочил комполка, полковник Тепенко, и, рубя строевым шагом, как на параде, направился к приехавшим. Шедший впереди капитан небрежно махнул рукой, обрывая доклад, и первым протянул руку здороваясь. После чего офицеры, не заходя в штаб, направились к ангарам с техникой. Миронов в обалдении огляделся вокруг. Все было на своих местах, мир не перевернулся. По телевизору показывали какое-то торжественное заседание. Титры в углу говорили, что это прямая трансляция. Штабс-капитан зажмурился, а потом снова открыл глаза, но ничего не изменилось. В президиуме сидел давешний капитан, только в гражданском, и одобрительно кивал кому-то головой.

— Иван Саввич, для начала покажите мне легкую бронетехнику. Я знаю, что Ваша любовь — это тяжелые бронеходы, но мне интереснее посмотреть то, в чем я немного разбираюсь.

— Андрей Георгиевич, тогда нам в этот ангар. Вот самая легкая из наших новых машин.

— Это же обычный "бардак", хотя нет, колеса больше и форма немного другая.

— Машина абсолютно новая, со старой БРДМ общего — только назначение.

Сочно щелкнула, открываясь, боковая дверь. Андрей залез на сиденье, поерзал,

устраиваясь поудобнее и огляделся.

— Да тут как в самолете, одни экраны! Техника явно сложная, как все это использовать?

— Техника сложная, но в обращении очень простая — Тепенко сел на правое сиденье — Вот, например, панель контроля — полковник ткнул пальцем в клавишу, и перед ними засветились разноцветные окошки — Водитель видит состояние всех узлов машины. К сожалению, полноценные экраны нам обещают лет через десять, не раньше.

— А тесно-то как!

— А это плата за хорошую защиту. Разнесенная броня весь объем съела!

— Откуда здесь хорошая защита возьмется? Насколько я помню, БРДМ только из пистолета не пробивается!

— Ваше Величество, Вы преувеличиваете, но в принципе все верно. Лучшей защитой разведывательной машины служат скорость и маневренность. Но тут, кроме скорости есть еще и броня. Эта машина держит винтовочную пулю по кругу и до тридцати миллиметров спереди!

— Как у неё с весом?

— Тот же, что у прежней машины. Защиту дали новые сплавы и пластики. Можете сами убедиться — вон стоит корпус, который мы обстреливали. Снаружи все порвано, а сквозных пробитий нет.

Бронемашина, подвергшаяся обстрелу, выглядела жутко. Всю поверхность покрывали рваные пробоины.

Андрей потянул на себя дверцу, которая на этот раз противно заскрипела, и остолбенел. На водительском месте сидел совершенно голый мужик в мятой фуражке. Все безволосое розовое тело было густо покрыто многочисленными татуировками.

— Твою мать через коромысло! Сгною в нарядах! — Тепенко взревел как раненный буйвол — Вот куда они его спрятали!

Андрей проморгался и сообразил, что видит манекен, используемый при испытаниях. Просто вся его поверхность была покрыта надписями, сделанными фломастером. Надписи носили весьма разнообразный характер, от классики "ДМБ- 80" до проклятий в адрес неведомого фельдфебеля.

— Понимаете, Ваше Величество, у нас на полигоне существует примета, что если манекен исписать всякой похабенью, то он обязательно уцелеет при обстреле — полковник был изрядно смущен — мы с этим боремся, но сами понимаете...

— А какого фельдфебеля Ваши солдаты так поносят? Такую нелюбовь надо постараться заслужить!

— Это ещё одна наша легенда, про Черного Фельдфебеля. Будто бы когда-то давно, при испытаниях, погиб фельдфебель. И погиб он по вине солдата — разгильдяя. С тех пор по полигону бродит призрак, который этим самым разгильдяям делает всякие гадости, вплоть до смертельных.

— Неплохая легенда, полезная — ухмыльнулся Император — Вы бы её поддержали как-нибудь.

— Мы так и делаем — сказал Тепенко и смутился еще больше.

Представив полковника, который пугает новобранцев по ночам, изображая привидение, Андрей расхохотался.

Потом начальник полигона демонстрировал шестиколесные агрегаты, потом восьми,

потом пошла гусеничная техника.

— Ваше Величество, обратите внимание вот на эту машину.

— Какая-то она несуразная. На деревенского колодезного журавля смахивает...

— Если практика подтвердит все теоретические выкладки, в эту машину заложенные, то такой вид приобретет вся бронетехника будущего. Фактически, это уже следующее поколение.

— И что же в ней такого замечательного, кроме странного внешнего вида?

— Конструкторы данного образца смогли разрешить давнюю техническую проблему всех бронеходов. Дело в том, что современная бронетехника использует два варианта установки орудия. Первый, наиболее традиционный, это когда пушка стоит в корпусе машины, спереди или сверху, в неподвижной рубке. Такая установка имеет врожденный недостаток — малые углы наведения. В бою такой недостаток может стать фатальным, не успев повернуться — получи снаряд в борт. Второй вариант, принятый в настоящее время для большинства машин, это установка орудия во вращающейся башне. Здесь с маневренностью огнем все хорошо, но вот мощность орудия сильно ограничена техническими причинами. В данном экземпляре орудие установлено сверху, без башни. Заряжается и наводится оно дистанционно, экипаж размещен в корпусе...

— Установка пулеметов, управляемых дистанционно применяется уже довольно давно.

— Пулеметов — да, давно, но пушку так смогли поставить только сейчас. Артиллеристы, как только были сняты ограничения по длине унитара и величине отката, тут же предложили на выбор несколько очень мощных орудий. Они были у них давно разработаны, но не проходили по габаритам. В результате, этот малыш имеет броню и вес совершенно "детские", а вот пушку более чем "взрослую".

— Отдачей его не перевернет?

— Нет, он стрелять только лежа будет.

— Это как, лежа?

— Машина оборудована гидропневматической подвеской. Дорого, сложно, но оно того стоит. Забравшись в любую ямку или промоину, она ложится на днище, над землей только пушка торчит. Если нет подходящего укрытия, то она его сама себе устроит. Для этого у нее бульдозерный отвал имеется. Её работа на поле боя — это работа снайпера. Один выстрел — один труп, и немедленная смена позиции.

— Основным бронебойным средством в настоящее время считаются различные ракеты. От ручных гранатометов до крылатых ракет с кассетной БЧ.

— Все виды вооружения имеют, как свои достоинства, так и недостатки. У ракет ахиллесовой пятой является наведение. Если ракета управляемая, то этому управлению всегда можно помешать. Бронетехника оборудуется различными средствами противодействия в первую голову именно управлению вражеских ракет. Тут и средства ослепления наводчика и различные установщики дымовых завес или аэрозольных облаков, да вообще много чего. От оперенного лома, летящего с гиперзвуковой скоростью, помехами не закроешься. Ручные же гранатометы далеко не "вундерваффе", как казалось после их изобретения. Тогда говорили, что раз теперь любой пехотинец способен подбить бронированную машину, то их все надо списывать в утиль. Практика показала, что это далеко не так. При грамотном использовании бронетехники, подобраться к ней на сотню метров для прицельного выстрела из гранатомета далеко не так просто и может стоить пехотинцу жизни.

Перед глазами Императора снова встало то ущелье, где начинали разгораться чадным пламенем подбитые транспортеры, а на земле лежала, изломанная автоматными очередями человеческая фигурка. Ну зачем он второй выстрел с той же позиции делал!

Мотнув головой, Андрей прогнал наваждение и стал слушать объяснения полковника дальше, стараясь запомнить и осознать как можно больше.

Вскоре у Императора уже голова кружилась от обилия информации.

— Все, перерыв — Андрей устало опустил на скамейку в курилке.

— Иван Саввич, Вам с Калашниковым общаться приходилось?

— Конечно, он ведь только недавно с поста главы концерна ушел. А так он у нас часто бывал, уж на всех испытаниях своих бронетранспортеров обязательно.

— Я у него дома был в прошлом году, на юбилее. Не дом, а музей технических диковин, заполненный разными механизмами, непонятно как работающими, часами хитрыми, оружием фантастическим. И все сделано руками хозяина, у него в подвале сплошь станки прецизионные. Я ему говорю — Михаил Тимофеевич, это все в Политехнический музей надо. А он ни в какую, отвечает — если им надо, пусть сами сделают, если смогут. Вот говорит, как помру — все забирайте, а сейчас не отдам, это жизнь моя.

— Да, с характером дядька, он на испытаниях у нас кровушки попил. Но должен признать — по делу.

В ясном небе плыли редкие облачка. Сквозь шум листвы доносилось птичье щебетание и дальше та-таканье. "Крупняк" — автоматически отметил Андрей. Так бы и сидел, наслаждаясь хорошей погодой и приятным теплым ветерком, но — увы...

— Ну чтож, продолжим осмотр.

Вечером, сидя в штабе и попивая чай с плюшками, Император собирал воедино весь тот огромный объем информации, что он получил за день.

— Скажите, Иван Саввич — Андрей сделал паузу, формулируя вопрос — Вся та техника, что Вы показали, обильно начинена электроникой. Что будет если она откажет? Неисправность или боевые повреждения...

— При полном отказе всех электронных систем машина сможет только быстро убраться с поля боя. Двигатель от электричества не зависит. Хотя это маловероятно, все системы дублированы.

— Получается, что мы делаем сложную и дорогую технику, которая может стать небоеспособной от замыкания маленького проводочка? Нет ли в этом ошибки?

— Боевая эффективность машин, оснащенных всей этой электронной заумью, настолько велика, что тем, у кого её нет, просто нечего делать в современной войне. Они там будут только в качестве мишеней. Через ствол, как мой отец в Германскую, не постреляешь.

— Ваш отец воевал?

— Да, три дня. Георгия солдатского получил.

— Это как? — Император был изрядно удивлен.

— Он в корпусе Буденного служил. С начала войны они почти целый год в тылу учения проводили, чуть было до солдатских волнений дело не дошло." Как так, наши там кровь проливают, а мы в тылу околачиваемся!" А потом прорыв, на третий день его ранило, как из госпиталя вышел — уже война кончилась.

— А Георгия за что?

— Их самоход в траншее застрял, немцы по нему пристрелялись и подбили. Отец рассказывал, что когда в себя пришел видит, весь экипаж убитый. Другие бронеходы вперед ушли, а пехота отстала. Хотел из машины вылезти, да к своим бежать. Как дверь открыл, а там смерть со всех сторон свистит, страшно нос высунуть. А пушка немецкая по ним стрелять продолжает, вот-вот добьет. Ну и решил он свою шкуру подороже продать, стал в ствол наводить, да той пушке отвечать. Когда пехотинцы подошли, то очень его за эту стрельбу благодарили, говорили сильно помог.

ГЛАВА 21

1982 г.
Москва.

— Господин адмирал, Вы хотите вбухать уйму сил в строительство флота, который мне кажется устаревшим на полвека минимум! Огромные надводные корабли годятся лишь демонстрировать флаг. В случае войны они все будут немедленно утоплены. Я понимаю, что в юности Вы служили на линкорах, и это накладывает отпечаток на Ваши предпочтения, но надо же быть реалистами!

— Государь, позвольте объяснить все по порядку!

— Слушаю Вас внимательно — Андрей был здорово раздражен. Ведь любому мало-мальски грамотному в военном деле человеку было ясно, что век бронированных гигантов давно прошел. На море правят бал авианосцы и подводные лодки, а эти чертовы адмиралы просто хотят потешить свое самолюбие!

— Ваше Величество, очевидно я не сумел правильно изложить свои мысли в том докладе, что был Вам предоставлен. Признаю свою ошибку, но от идей, в нем изложенных, ни в коем случае не отказываюсь. Крупные надводные корабли нашему Флоту необходимы. В данный момент существует стереотип мышления, в котором большие корабли выглядят как дредноут-переросток с гипертрофированными пушками и чудовищным бронированием. Это в корне не верное заблуждение, подобных монстров строить ни кто не собирается.

— А что же Вы собираетесь строить? Как я понял из доклада, там упомянуты именно такие монстры!

— Ещё раз прошу меня простить за нечеткое выражение своих мыслей. Мы собираемся строить корабли, которые смогут завоевать и удержать господство на море. Да, они будут чрезвычайно сложны и дороги...

— Вам что, денег на Флот не хватает? — с раздражением бросил Император.

— Ваше Величество, денег не хватает всегда, таково их свойство — постарался сгладить острый вопрос адмирал — Но дело не в деньгах. В настоящее время мы тратим на флот средства, сравнимые с суммами, которые выделяют наши потенциальные противники, при этом господство на море остается у них.

— И чем же, по Вашему мнению, это можно объяснить?

— Несбалансированностью флота. Наши подводные лодки в состоянии нанести врагу огромный урон, но принципиально не могут выполнять множество других задач, это удел надводных кораблей. При этом содержание подлодки дороже, чем содержание корабля

равного водоизмещения. Неуязвимость подводных лодок так же весьма относительна. Главным оружием подлодки является её скрытность. Как только она себя обнаружит — она из охотника превратится в дичь.

— Так и надо для завоевания господства на море строить авианосцы! Россия была одной из первых стран, построивших авианесущий корабль, а сейчас у нас их всего два, тогда как у англичан пяток, да у американцев десяток. И они еще строят! — Андрей в возбуждении махнул рукой.

— Перекос в любую сторону делает флот уязвимым. Большое количество авианосцев из преимущества может превратиться в недостаток. — голос Бакатова был мягок и настойчив.

"Вот прямо как моя жена, подумал Андрей. Она тоже головой кивает, во всем со мной согласная, а потом все равно переворачивает все по своему. Вот же лис хитрый!" Но обсуждаемая сейчас тема несколько важнее милых домашних мелочей. Вопрос ставится о будущей морской стратегии государства, и стоит даже не миллиарды, а триллионы. Эмоции здесь не уместны. Император несколько раз с силой вдохнул и выдохнул, восстанавливая спокойствие.

— Хорошо, Евгений Владимирович, давайте Вы мне все расскажете ещё раз, а я попробую понять — Андрей сложил руки на столе, изображая примерного ученика, который слушает учителя, и улыбнулся. Адмирал переключил картинку в проекторе, и, поддерживая игру Императора, стал вещать менторским тоном.

— В случае военного конфликта большой интенсивности, говоря по-простому Мировой Войны, наши корабли сделают залп ракетами, который уничтожит многое, но далеко не все. После чего их даже топить не требуется, они для врага опасности не представляют, пока не перезарядятся, а это можно сделать только на базе. В результате на море будут безраздельно господствовать наши противники. Для изменения сложившегося положения нами, МорГенштабом, разработана большая кораблестроительная программа. Вот её основные положения:

Первое. Для завоевания и дальнейшего удержания господства на море требуется повысить боевую устойчивость надводных кораблей. Все современные корабли являются одноразовыми. Они построены из расчета "пустил ракеты, а там трава не расти, все равно все умрем"

— А разве не так — перебил адмирала Андрей — После ядерной войны победителей не будет.

— Всемогущество атомной бомбы является мифом, призванным эту ядерную войну не допустить. Вы сами, как офицер, знаете о низкой эффективности ядерных зарядов против подготовленных войск. Ущерб гражданскому населению выше, но при заблаговременном предупреждении может быть так же сильно уменьшен. Против кораблей, особенно броненосных, ядерный заряд тоже не "абсолютное оружие". На Новой Земле догнивает остов "Ретвизана", который пережил три ядерных испытания и остался на плаву. Вывод — атомное оружие не является волшебной палочкой, которая приносит победу. Это всего лишь одно из средств ведения войны, причем с массой недостатков, снижающих саму вероятность его применения. Поэтому отказываться от брони — глупо! Это то же самое, что солдатам отказаться от каски и бронежилета из-за того, что существует атомная бомба.

— У солдата на передовой не так уж велик шанс оказаться в эпицентре ядерного взрыва. А на ударную эскадру враги спецзаряда точно не пожалеют.

— Применить ядерный заряд по эскадре далеко не так просто. Современные корабли

обладают мощной противоракетной обороной, которая имеет все шансы сбить большую часть ракет, прорвутся единицы. Количество спецзарядов ограничено экономическими соображениями, снарядить каждую ракету ядерной боеголовкой не получится — они дороги в изготовлении и, особенно, в хранении. На любой эскадре, хоть нашей, хоть вражеской таких ракет всего несколько штук. Следовательно, вероятность того, что прорвется именно ядерная ракета, стремится к нулю. Поэтому такие ракеты в атаке на соединение обладающее мощной ПРО применять нет смысла. Атомное оружие будут держать в качестве последнего козыря.

— Но ведь даже в неядерном оснащении современная ракета способна пробить любую броню!

— Ваше Величество, это не совсем так. Точнее совсем не так! В настоящее время ни кто не оснащает ракеты бронебойными боеголовками. Просто потому, что для них нет соответствующих целей. От оружия требуют максимальной эффективности. Самый эффективный способ вывести вражеский корабль из строя — это его потопить. Самый эффективный способ потопления — лишить корабль остойчивости. Поэтому современные ракеты несут боеголовки внешнего подрыва. Они взрываются в нескольких метрах от борта и делают в нем пробоину размером с ворота. Например, стоящая у нас на вооружении ПКР "Самоцвет" несет боевую часть весом 750 кг. При подрыве у борта вражеского корабля она сделает в нем отверстие площадью около тридцати квадратных метров, через которое внутрь хлынут тысячи тонн воды. Корабль класса "эсминец" перевернется мгновенно, корабли побольше могут ещё помучиться, но недолго. Если же данный взрыв происходит возле бронированного борта, то мы имеем погнутые леера и обгоревшую краску, не более.

— Так ведь переоснастить ракеты недолго и уж по любому дешевле, чем корабли бронировать!

— И мы получаем бронебойную боеголовку весом 750 кг. Такими снарядами у нас ещё "Измаилы" стреляли, и далеко не всякая броня им была по зубам.

— Ракета весит семь тонн, если мне память не изменяет...

— И сделана эта ракета из алюминия и магния. Чтобы снаряд из таких материалов смог пробить броню его скорость должна превышать десяток километров в секунду. На этих скоростях действуют уже другие законы физики. А пока таких скоростей не достигнуто, то работают старые, проверенные временем, формулы бронепробиваемости. А они нам говорят, что снаряд должен иметь прочность большую, чем у преграды, перед ним стоящей, иначе разрушится ничего не пробив.

— Как — то мне все равно не верится в неуязвимость бронированных кораблей.

— Ваше Величество, создать неуязвимый корабль невозможно. Задача состоит в том, чтобы снизить эффективность вражеских снарядов и бронирование с этим неплохо справляется. Мы не собираемся, как в старину, вешать на борт массивную плиту на тиковой подкладке. Защита будет многослойной и максимально возможно интегрированной в несущие конструкции.

— Хорошо, про броню Вы мне объяснили. Что еще Вы предлагаете изменить?

— Состав вооружения корабля. Основным оружием на море, несомненно, являются противокорабельные ракеты. Но у них есть врожденный недостаток — это большой занимаемый объем и как следствие ограниченный боезапас. Последние достижения в ствольной артиллерии дали ей дальность, сравнимую с тактическими ракетами, а управляемые снаряды обладают необходимой точностью. Боекомплект для пушек занимает

мало места, зато весит изрядно. Следовательно, надо комбинировать ракетное и пушечное вооружение, чтобы они дополняли друг друга. Такая комбинация, кроме увеличения боекомплекта, дает интересные тактические возможности. По предварительным расчетам отразить одновременный удар ракет и управляемых снарядов на сегодняшний день не сможет ни кто.

Кроме этого, мы определили ещё несколько основных принципов, по которым будет строиться новый флот.

Первый принцип — это модульность. Должен признаться, что это с одной стороны наиболее затратная часть проекта, а с другой дающая в будущем наибольшую экономию.

Как известно, быстрее всего устаревает электронная начинка кораблей, а модернизировать корабль частично мы не можем, потому что новая аппаратура не стыкуется со старым оборудованием. Переделывать корабль полностью под новую начинку — слишком затратно, проще построить новый. Нами были разработаны новые стандарты, которые будут обязательны для всех разработчиков, хоть казенных, хоть частных. Это позволит без особого труда модернизировать корабли и увеличит срок их службы. Но внедрение этих норм потребует больших затрат, а где-то полной перестройки всего производства.

Второй принцип — максимально возможная автоматизация. Корабль становится дороже в производстве, но дешевле в эксплуатации. При этом растет его боевая мощь.

— А почему дешевле? — не понял Андрей.

— Меньше экипаж. Меньше расходы на еду, жалование и главное обучение — адмирал включил картинку с графиками — вот смотрите, наши предварительные расчеты.

— Ваше Величество, для наглядности вот Вам пример. На корабле есть какой-то рубильник или вентиль, который надо по команде открывать или включать. Если мы приставим к этому вентилю матроса, то сам агрегат будет простым, даже примитивным. Как следствие, он будет дешевым и надежным. Это плюс. А вот дальше начинаются минусы. В отсек, где находится матрос, надо подать свет, вентиляцию, отопление. Самому матросу надо где-то спать и что-то есть, а если пост круглосуточный, то матросов становится трое. Наконец в этот отсек должна быть дверь с удобным проходом. А, как известно, если есть дверь, которую можно забыть запереть, то рано или поздно это случится. Сколько кораблей потонуло из-за не задраенных вовремя переборок!

В случае с автоматом всего этого не будет, а сам отсек превратится в крысиную нору, наглухо заваренную ещё на заводе, которую при нужде не жалко затопить. И не придется морякам задраиваться в отсеке и погибать, спасая корабль.

Адмирал зябко передернул плечами, явно вспоминая что-то неприятное. Потом встряхнулся, будто отбрасывая плохие воспоминания, и продолжил.

— Теперь по кораблям. Основу флота, его становой хребет, образуют два типа кораблей. Мы их называем легкий крейсер и эсминец, у европейцев это, соответственно, фрегат и корвет. Общим для кораблей одного типа будет корпус и силовая установка, а оборудование с оружием будут меняться в зависимости от театра и задач. Кораблю на Севере требуется усиленное отопление, в южных морях нужнее хорошие кондиционеры. Так же и по задачам. Если надо обеспечить выход подлодок на рубеж — важна гидроакустика, если будем поддерживать десант — нужны пушки для стрельбы по берегу. Принцип модульности как раз нам и позволяет на основе двух базовых кораблей сделать множество модификаций, а при нужде быстро и дешево перепрофилировать корабль на другие задачи. Эти крейсера и эсминцы будут строиться массовыми сериями для всех четырех флотов. Новое оружие и

газовые турбины для них уже проектируют.

Большие корабли планируются только для Северного флота и потом, возможно, для Тихоокеанского.

— А почему другие флоты обижают?

— Балтийский флот, бывший когда-то основным, стал флотом вспомогательным. Там все просматривается и простреливается с берега. Ракетные батареи Моонзунда перекрывают все Балтийское море с прилегающими странами. Авиация с островных аэродромов контролирует всю Европу и Северное море.

— На Черном море приоритет отдается десантным средствам. Там на вооружении стоят новейшие аппараты на воздушной подушке и экранопланы. Самолеты из Крыма совместно с малыми кораблями обеспечивают наш контроль над Черным и Средиземным морями. А большим кораблям там просто тесно будет.

— Я до сих пор не могу понять — задумчиво произнес Андрей — почему Турция пропускает наши самолеты через свою территорию? Ведь отношения у нас далеки от хороших.

— Все очень просто — улыбнулся адмирал — каждый год мы проводим большие учения, на которые обязательно приглашаем турецких наблюдателей. Сценарий учений всегда один и тот же. Корабли выходят в море, потом возвращаются и высаживают десант. При этом расстояние, которое они проходят всегда равно расстоянию до Босфора. Турки засекают время и понимают, что случись война, они не успеют даже Аллаху своему помолиться, как мы Стамбул займем. Приятно смотреть, как их от страха корежит. Но вернемся к нашим большим кораблям. Все они будут иметь атомные котлы.

— Это зачем, чтобы подороже были? — с иронией спросил Император.

— Нет. Чтобы были быстрее. И чтобы силовая установка меньше по размеру была.

— Так вроде самая компактная силовая это газотурбинная?

— Такой мощности газовую турбину мы пока сделать не можем. И когда сможем — неизвестно. Там большие проблемы с материалами. Паровые же турбины любой мощности мы делаем давно, все технологии отработаны. Для корабля с атомным котлом турбина выйдет весьма компактной — отпадает нужда в специальных ступенях экономического хода. Да и обводы корпуса будут оптимизированы под полный ход, проектировщикам не придется искать компромисс для уменьшения расхода топлива. Вес самого котла от мощности мало зависит, там вся масса на биологическую защиту тратится.

— А как с опасностью все вокруг радиацией заразить?

— От водки в России в год умирает намного больше народа, чем от радиоактивного заражения. Чтож водку не запретить?

— Но-но, Евгений Владимирович, на святое не покушайтесь!

— Так я и сам выпить не дурак! Просто если к любому делу подходить без ума — кончится плохо. А мы к реакторам кого попало, не подпускаем.

— Есть еще одна идея, достаточно смелая. Любой военный корабль большую часть своей жизни проводит не в бою, а в мирной службе. И для этой службы ему нужна масса вещей, в бою только мешающих. В дальних походах экипажу надо не просто где-то спать. Ему надо отдохнуть от вахты, кино посмотреть, в бассейне поплавать. Что за кают-компания без рояля и без попугая в клетке? Нужны маломерные суда, катера и шлюпки, по нынешним нормам нужен вертолет, для оперативной доставки чего-нибудь или для спасения тонущих. Все это занимает достаточно много места и в бою очень хорошо горит.

Вот наши молодые проектировщики и предложили, все ненужное для боя разместить в легких надстройках, которые при угрозе войны с корабля снимаются. Боевой корабль при этом становится похожим на круизный лайнер, что и вызывает резкое неприятие этой идеи. У некоторых. Мол, военный корабль Империи должен врагам страх внушать. Я же считаю, что внушать страх он должен в бою, когда огонь откроет, а в мирное время можно и лайнером прикинуться.

— Что, совсем как мирный теплоход будет выглядеть?

— Нет, конечно. Просто наши корабли будут смотреться, как непродуманный проект, в котором обитаемости уделили слишком большое внимание, а про оружие позабыли. Ведь эти надстройки скроют часть ракетных шахт и орудийных башен.

— А Вы знаете, мне такой подход нравится — задумчиво сказал Император — скрыть наши действительные возможности от неприятеля — дело хорошее. Какая скорость у них будет?

— Сорок узлов. Атомный котел это позволит. Раньше так только эсминцы ходили.

— Вот и пусть в мирное время максимальной скорости не развивают, а ходят как все, а лучше помедленнее. В случае чего еще один козырь в рукаве будет.

— Ну чтож, господин адмирал, будем считать, что Вы меня убедили и "добро" на все эти проекты у Вас есть. Как скоро будут построены новые корабли, сколько на это надо денег и когда их выделять?

— Ваше Величество, деньги на проектирование надо выделять уже сейчас. Стоимость кораблей, хотя бы в первом приближении, будет ясна по его окончании. Закладывать первые серии малых кораблей можно будет лет через пять, а вот по большим кораблям даже примерных сроков я Вам назвать не могу, там слишком много технических проблем, которые требуют решения.

— Ну вот, как всегда, деньги давай сейчас, а когда товар будет — неизвестно — рассмеялся Император.

1986 г.

Москва.

Среди всех многочисленных проблем, с которыми приходится сталкиваться Императору, Андрея больше всего раздражали проблема научные и технические. Да, у него великолепное образование. Да, служба в дальних гарнизонах научила его держать в руках не только автомат, но и гаечный ключ. Но не может один человек разбираться во всем на свете! А ведь от него требовали решения по вопросам, о существовании которых он раньше просто не знал. И это решение было окончательным и вело к расходованию многих миллиардов полновесных золотых рублей. Конечно, он старался использовать опыт и знания других людей, тех кто в данном вопросе компетентен. Но как быть, если сами эксперты имеют прямо противоположные мнения? Спор двух академиков, признанных корифеев в своей области, о том, каким должно быть топливо для ракет, перешел уже все границы допустимого. От научных аргументов ученые мужи перешли к рукоприкладству, которое к счастью удалось вовремя остановить и закончили доносами во все инстанции. Разобраться, кто из них прав Андрей не мог, да и ни кто, кроме них самих не смог бы. А решение принимать ему. Да, тяжела ты, Шапка Мономаха!

Вот и теперь начальник ГРАУ просит аудиенции по технической проблеме. Что ещё за техническая проблема, с которой целый генерал разобраться не может? Андрей вздохнул и

пригласил очередного посетителя.

— Для начала позвольте небольшой экскурс в историю. После Германской войны, вдохновленные фантастическими успехами российских бронеходов, все страны бросились создавать как аналогичную технику, так и средства противодействия. У нас, для борьбы с бронетехникой, была создана пушка АМО-2 калибром 57мм. Орудие имело рекордные по тем временам характеристики, но было крайне сложно в изготовлении. Промышленники долго мучились, осваивая серийное производство. За это время "Армory" и "Панцеры" изрядно нарастили броню, и пушка перестала соответствовать поставленным задачам, да и новые системы появились, значительно более могущественные. Пытались на основе этого ствола сделать зенитку, но ничего путного не вышло. Чтобы не потерять прибыль, производители всячески лоббировали против снятия этого орудия с вооружения. В итоге мы имеем много потраченных денег, несколько тысяч ненужных стволов на складах и миллион с лишним снарядов, у которых истекает срок годности.

Теперь о делах нынешних. Самым грозным противником бронеходов является вертолет с управляемыми ракетами. Для противодействия этой угрозе в штате бронечастей есть самоходные зенитки. Сначала они имели калибр 14,5мм, потом 23мм, а сейчас происходит перевооружение на системы 30мм. Однако новейшие бронебойные ракеты имеют дальность, превосходящую радиус поражения этих зениток. Группа молодых инженеров, в инициативном порядке, спроектировала зенитный автомат на основе старой бронебойки, благо стволов 57мм на складах в избытке.

— Подождите, Вы же говорили, что зенитка была неудачная!

— В том виде, что её делали в конце сороковых — безусловно. Полуавтоматическая пушка с ручным наведением для стрельбы по самолетам не имела смысла. А вот автомат, оснащенный вычислителем и сопряженный с локатором, имеет эффективную дальность поражения большую, чем у систем наведения нынешних бронебойных ракет. Если же в будущем эта дальность у ракет вырастет, то все равно, для стрельбы с большого расстояния вертолету придется подняться выше, где он сам станет легкой добычей уже для зенитных ракет. Поскольку изготовление опытных образцов почти ничего не стоило, заказали партию в дюжину машин.

— Ничего не стоило?

— В стоимости любой артиллерийской системы 70 процентов приходится на боекомплект и лишь 30 на само орудие. В стоимости орудия 70 процентов приходится на ствол. Все это лежит на складах, куда девать, не знаем.

— Понятно.

— Машины успешно прошли полигонные испытания и были отправлены в разные округа для проверки в войсках. Ещё до завершения срока испытаний, из Закавказья, Афганистана и Восточного Туркестана поступили запросы на боекомплект и просьбы прислать таких машин побольше. Мы всполошились, неужто у тамошних бандитов появились вертолеты?

Оказалось, нет, из зениток стреляли по наземным целям, радары даже не расчехляли. Отзывы сплошь восторженные. Старые осколочные снаряды прекрасно прочесывают зеленку, а бронебойные катушки шьют любые дувалы насквозь.

— Да, зеленка это та ещё гадость... Но раз так хорошо получилось, в чем проблема?

— Этот калибр не вписывается в имеющуюся систему. Поставить его вместо тридцатки

не получится, слишком тяжелый. Единственное решение — вводить в штат дополнительные машины, а это не так просто.

— Наверно, надо наладить выпуск машин без локаторов и добавить их вне штата в части быстрого реагирования на южные рубежи. Это будет быстро и дешево, а душманам понравится. А насчет зенитки подумайте, может, есть смысл в этом калибре создать новую систему, на основе последних достижений?

ГЛАВА 22

1992 г.

Красноярск.

— Уважаемые пассажиры, до отправления поезда пять минут, просьба занять свои места — нежно проворковал динамик. Сергей поерзал на сиденье и приготовился ловить момент начала движения. На предыдущих станциях ему это сделать не удалось, уж больно плавно трогался состав. А пока он просто разглядывал изнутри знаменитый Красноярский "Летающий Вокзал" Что в нем такого замечательного он понять не мог. Ну вокзал, ну большой, а так ничего особенного. Но он твердо знал, что это местная достопримечательность, и построил её в стародавние времена какой-то сумасшедший архитектор-авангардист. То ли Бенуа, то ли Бериуа, во вспомнил — Бериа. Француз, судя по фамилии.

А еще, Сергей занимался тем, чего делать дома он не стал бы. Он... хрустел французской булкой. Дело в том, что дома, с малых лет, в его обязанности входило покупать хлеб. Сбегать в соседнюю булочную недолго и вполне по силам даже мелкому школьнику. Но вот удержаться от того, чтобы на обратном пути не отломить от одуряюще вкусно пахнущей булки корку выходило не всегда. Сереже объясняли (иногда с помощью подзатыльника) что так делать не следует, он и сам это прекрасно понимал, но... проявить силу воли удавалось далеко не в каждый раз. И корочка обычной белой булки стала для него запретным, а оттого ещё более возжеленным лакомством. Поэтому Сергей на первой же остановке купил у лоточника пару булок и теперь с наслаждением отламывал корочку и... хрустел.

— Добрый день! Это восьмое купе? — услышал он и обернулся. В дверях купе стоял вылитый "добрый доктор" из кино — седая бородка клинышком, очки, в руках чемоданчик.

— Да, проходите — Сергей посмотрел в окно и увидел, что вокзал уплывает назад. Ну вот, опять прозевал- подумал он — Ну ничего на следующей станции обязательно поймаю.

— А когда следующая остановка — обратился он к попутчику — Ой, извините, меня Сергей зовут.

— Ничего страшного, молодой человек — улыбнулся тот — Евгений Владимирович — и изобразил поклон — очень приятно. А следующая остановка- Новосибирск. Прибытие — он глянул на часы — через три часа, двенадцать минут. Вы наверно впервые едете?

— Да, экспрессом впервые. А обычным поездом мы на Дальний Восток ехали. Правда , плохо помню, маленький был.

— Зато теперь Вы вполне взрослый и самостоятельный человек, раз путешествуете.

— Я в Москву еду. Поступать.

— И куда же, если не секрет?

— МВТУ или МИРА, ну в общем на радиоинженера.

— А зачем так далеко ехать? Дальневосточный Университет, насколько я знаю, обучает по этой специальности. Или Новосибирский, тот вообще один из ведущих в сфере электроники?

— Понимаете, хочется начать самому, в смысле без надзора, то есть самостоятельно...

Сергей запнулся и смущенно попытался изобразить что-то руками.

— Отлично понимаю, хочется свободы от родительского пригляда.

— Да нет, у меня предки классные, все понимают. Но все равно надо самому начинать. Если все время за спиной у родителей прятаться — толку не будет!

— Ну чтож, со времен Михайлы Ломоносова юноши в Москву идут за знаниями. А Вы знаете, мой дед тоже когда-то в столицу пешком пришел.

— Откуда пришел? — не понял Сергей.

— Из деревни.

— Здорово! Дед — крестьянин, а внук — профессор!

— Не совсем так, профессор — это мой отец. Когда будете учиться, наверняка столкнетесь с его учебником по металловедению.

— Обалдеть, сын крестьянина — профессор, учебники пишет! А еще говорят, что в России кругом невежество дремучее!

— Так и дед тоже написал. Не совсем учебник, скорее методичку, но весьма нужная книжка получилась.

— О чем? Вы же сказали, что он крестьянином был...

— О некоторых, весьма специфичных, математических функциях и их применении.

— Охреносоветь!

— Как Вы сказали?

— Ну, это выражение такое, в смысле обалдеть — Сергей смутился — меня отец ругает, за словечки всякие, а они сами как-то произносятся. Говорит, что засорять речь негоже, а что я могу сделать, оно само получается...

— А батюшка Ваш, простите, кем работает?

— Мой отец морской офицер! Капитан первого ранга!

— А Вы на него лицом похожи?

— Да, мать говорит вылитый батя в молодости.

— То-то я все думаю, кого же Вы мне напоминаете! Как увидите Анатолия Ивановича, передавайте привет.

— А Вы его, откуда знаете?

— Мы в прошлом году в Москве познакомились. А что же Вы по родительским стопам не пошли? — удивился "профессор".

— Да мне отец с матерью тоже говорят: Поступай в Морское... А я сам хочу, сам понимаете! — Сергей начал горячиться.

Поезд набирал ход. Смазывались в неразличимые глазу полосы кусты и деревья вблизи полотна, медленно уплывали назад те, что были подальше. Плавno покачивался вагон, мягко светили плафоны. Единственно, чего не хватало романтикам дальних дорог, так это стука вагонных колес на стыках. Его не было, совсем, как не было стыков на рельсах "бархатного

пути".

Интерлюдия

В конце сороковых годов перед Россией встала в полный рост проблема транспортной связанности. Повышение эффективности производства требовало все большей специализации отдельных заводов. Это в свою очередь увеличивало нагрузку на транспорт. Везде, где это было возможно, строились новые дороги. Но что делать там, где узкое место создано самой природой? Таким местом был участок Транссиба от Иркутска до Читы. Солидный кусок государства висел на тоненькой ниточке Кругобайкальской дороги.

Строительство новой магистрали севернее Байкала, несмотря на сложность, давало многие выгоды, позволяло взяться вплотную за освоение обширных земель, но проблему транзита не решало. Был объявлен конкурс. Решившему задачу увеличения пропускной способности Транссиба сулили золотые горы. Предложения поступали разные. От вполне разумных, технических и административных, до ненаучной фантастики вроде моста через Байкал. Проект железной дороги с трехметровой колеей поначалу отнесли к бредовым. Авторы с насмешкой спросили: "Кто Вам запрещает шире размахнуться? Рисовали бы сразу метров десять!" Инженеры не смутились и показав вполне профессиональные расчеты объяснили, что три метра сделать хоть и дорого, но можно, а вот больше — увы, сопромат не дает. Вскоре выяснилось, что данный проект является единственным, решавшим проблему кардинально. Все остальные, естественно выполнимые, делали это только частично. За расчеты взялись всерьез. Показали наметки строителям. Те посмотрели, почесали затылки и выдали вердикт, что построить данное чудо они смогут, было бы финансирование. И после отмашки с самого верха поплыли над тайгой дирижабли, развозя по трассе геодезистов.

Весь мир с интересом следил за очередным мегапроектом русских. Комментарии звучали разные, от сатирических до панических. Англичане исходили ядовитой желчью: "Русские сдуру решили перекопать всю страну. Ничего у них не выйдет!" В американском Конгрессе фракция алармистов пробила новые ассигнования на флот. Если Россия что то затеяла, то это не к добру, а значит нам надо сплотиться и крепить оборону! Японцы не говорили ничего, но портовые сооружения в Аките и Ниигате расширяли. Надо быть готовыми к увеличению грузопотока. Во Франции, при обсуждении военного бюджета, депутат от партии бонапартистов заявил, что если половину того бетона, что идет на строительство оборонительных сооружений, пустить на мирные цели, то можно всю страну новыми дорогами застроить. Депутата заклеили, как агента Москвы, и решили создать комиссию по оборонному строительству, за места в которой сразу началась свара.

Ажиотаж в газетах уже начал стихать, когда масла в огонь подлили немцы. Они задали русским простой вопрос: А почему это ваша дорога называется Москва-Владивосток? Нам кажется, что название Берлин- Владивосток будет звучать лучше. Вот у нас и тепловоз для этой дороги нарисовали, смотрите, какой красивый! А наш главный архитектор, Альберт Шпеер, уже вполне оправился после заключения в Моабите, где он сидел за имперский образ мыслей, и готов построить вокзал в Берлине, да такой, что ваш Берия от зависти есть-пить не сможет. Предложение немцев было принято, и геодезисты стали работать не только к востоку от Москвы, но и к западу. За обсуждением нового поворота этой увлекательной истории прошло незамеченным сообщение о том, что комиссия французского Парламента, которая инспектировала форты на восточной границе, таинственным образом исчезла.

Работа над новой дорогой постепенно выходила из фазы проектирования. Где-то

забивали в землю колышки, а где-то уже рубили лес. В разряд новостей сообщения о стройке перевели бельгийцы. Они скромно поинтересовались, а нельзя ли вашу дорогу протянуть подальше? Совсем немножко, например до Антверпена. Вокзал мы, так и быть, сами построим, архитекторы у нас свои есть. Тут же влезли голландцы, мол Роттердам ни чуть не хуже. Поскольку бельгийцы давали денег много, а голландцы совсем чуть-чуть, то им пришлось обойтись без Роттердама. Через Эйндховен дорога пройдет, а на большее не рассчитывайте. Во Франции эти новости не заметили, так как наконец-то нашлась пропавшая парламентская комиссия." Депутаты были обнаружены в офицерском винном погребе форта номер семь. Сейчас с ними работают врачи и психологи. Судя по состоянию слуг народа до них дотянулась кровавая рука агентов Кремля." В Америке заявили, что построят свою дорогу, лучше, чем у русских, и стали создавать фонды и трасты.

Спустя какое-то время, когда дорогу уже начали строить, а немцы всю демонстрировали на выставках новый тепловоз, проснулись и англичане. Они стали интересоваться участием в столь перспективной затее, но были посланы подальше, мол и без вас тут тесно. В Америке благополучно лопнул первый из фондов. Создатели пирамиды растворились в воздухе, вместе с деньгами, а участники остались с кучей разноцветных фантиков на руках. Во Франции бонапартисты, чья партия увеличила представительство в Парламенте, заменив павших в борьбе с алкогольной интоксикацией коллег, безуспешно призывали прекратить зарывать четверть бюджета в землю и присоединиться к международному проекту. От них раздраженно отмахивались. Зачем ломать хорошо работающую схему? Военный заказ приносит стабильную прибыль, откаты поделены, а все остальное не важно. Франция решила на строительство дороги только когда в России уже заработали первые участки, а с орбиты весело библикал русский спутник, намекая на то, что циклопические сооружения на границе безнадежно устарели. И сейчас дорога называлась Париж-Владивосток, миллионы тонн грузов и сотни тысяч пассажиров перемещались между континентами, а рекорды скорости на железнодорожном транспорте регулярно обновлялись.

Москва встретила очередного провинциала, прибывшего покорять столицу суетой, шумом, и вонью подгоревшей шаурмы. Вагонные разговоры со случайным попутчиком естественно забылись, но в подсознании Сергея осталась мысль заложенная "добрым доктором", о том, что продолжить дело своих предков будет правильно. Это и повлияло на его дальнейшую судьбу.

Вступительные экзамены в МИЭМ Сергей Михеев провалил. Может, перенервничал может, просто не повезло. Поскольку возвращаться домой, не солоно хлебавши, очень не хотелось, он, на остатки денег, купил билет до Питера, где к своему удивлению, легко поступил в Морское Училище. Там, среди портретов знаменитых выпускников он и увидел фотографию своего попутчика. "Добрый доктор" звался Адмиралом Флота Бакатовым и являлся для курсанта Михеева наиглавнейшим начальником, так как этим самым Флотом командовал.

1992 г.

Москва.

— Здравствуйте, Евгений Владимирович, как съездили?

— Спасибо, Ваше Величество, съездил прекрасно. Теперь я полностью уверен в том, что Большой Флот будет создан в срок. Отчеты, это конечно хорошо, но самому все увидеть и

потрогать это совсем другое. Заодно пообщался с теми, кто все это своими руками делает, узнал много нового и интересного. Да и сам Сталинград впечатляет.

Интерлюдия

Когда развитие авиации дало ей практически межконтинентальную дальность, а мощь оружия стала таковой, что даже один прорвавшийся сквозь ПВО бомбардировщик мог уничтожить город, руководство России сильно задумалось. Результатом этих раздумий стало решение спрятать от врага наиболее важные для обороны заводы подальше и зарыть их поглубже. Сказано — сделано. Зарычали бульдозеры, поползли вереницы самосвалов, взвыли, врубаясь в диабаз, проходческие буры. Сначала под землю ушли цеха по производству ядерного оружия. Многие люди, из тех кто был в курсе, вздохнули с облегчением. Ведь случись, не дай Бог, авария на атомном производстве, заражение на пол страны не расползется. Потом рядом возникли заводы делающие оптику, электронику, хитрую химию и много чего ещё. Неизвестно, кто первым назвал возникший подземный город именем человека, руководившего стройкой, но это название прижилось и даже перекочевало в официальные документы.

О том, что в России, где-то в Сибири, есть особый город, весь из себя секретный, знали все. О том, что он находится неподалеку от Красноярска — многие, Сталинград был завязан технологическими цепочками с тысячами предприятий. А вот где он находится конкретно, не знал практически никто, включая людей, в нем работающих.

Поутру, когда все едут на работу, народ спешил к вестибюлям метро. Красноярский метрополитен спорил своей красотой с Московским и Тифлисским, и уж точно превосходил Питерский. Голос диктора объявлял: "Станция Старокупеческая, переход на станцию Второй Цех". Люди шли по переходу, проходили через турникет и оказывались на таком же перроне. Правда турникет требовал не пятак, а пропуск и взгляд у теток, что стоят на контроле, был слишком жесткий. Сама же станция по красоте и богатству отделки ничем не уступала, а то и превосходила обычные. Каждый цех считал свою станцию лицом предприятия и на затраты не скупился. Учитывая, что название "Цех" в Сталинграде носил немаленький завод, возможностей для того, чтобы поразить воображение было в достатке. Оформление зависело от вкусов и предпочтений начальства и варьировалось от строгой классики до совершенно фантастического авангардизма. Например станция "Четвертый цех" была оформлена как внутренности космического корабля, а материалы, использованные при отделке можно было потрогать рукой только здесь. Ну или на околоземной орбите. На рабочем месте-то особо не потрогаешь — технологическая дисциплина!

Второй цех сделал свою станцию в виде сказочного сада с фантастическими растениями. Чудесные цветы переливались всеми возможными и невозможными оттенками, но люди этой красоты привычно не замечали. Им предстояло еще полчаса покачиваться в вагоне, а потом будет нужная остановка, проходная уже конкретного участка или отдела и очередной рабочий день, со всеми его заботами и проблемами. Где конкретно находится их рабочее место людей мало волновало. Важно что зарплата приличная, работа интересная, и доехать можно быстро и комфортно. А о том, что над головой пара сотен метров скальных пород никто не задумывался. Какое Вам дело до перекрытий, если Вы конечно работаете, а не плюете в потолок?

— И что же Вас впечатлило, кроме дворцов подземных?

— В первую голову это новые одноразовые реакторы.

— Одноразовые?

— Имеется в виду, что реакторы данного типа снаряжены топливом на весь свой срок службы. Потом реактор, в процессе планового ремонта целиком снимается с корабля и отправляется на завод, на переработку. Атомщики говорят, что в нем за время работы образуются какие-то хитрые изотопы, которые на вес даже не золота, а бриллиантов. А нам, морякам, не придется возиться с перегрузкой ядерного топлива. Прямо гора с плеч. Вспомните аварию в Заячьей Губе. Тогда при выгрузке отработанных топливных элементов из-за одного похмельного крановщика всю бухту заразили.

Кроме реакторов там много ещё новинок. Например краска новая.

— Что за краска?

— На слово "краска" создатели этого покрытия сильно обиделись и долго мне объясняли хитрую физику, что там работает. Толком я так и не понял, уж больно заумно все. Но главное до меня все таки дошло. Это покрытие поглощает радиоволны, как песок воду. Отраженный сигнал падает на несколько порядков.

— Мне про эти работы докладывали. Принцип я тоже не до конца понял, но помню, что для работы этому покрытию требуется большая толщина, в несколько сантиметров. Для наземной техники, а тем более для воздушной это, увы слишком много.

— Но для кораблей это не так существенно. Несколько сотен тонн лишнего водоизмещения вполне приемлемая цена за радионезаметность. В добавок это покрытие превосходный термоизолятор. Тепловым головкам самонаведения тоже будет труднее наши корабли отыскать. Когда наши корабли сбросят жилые надстройки, как змея кожу, они пропадут с экранов локаторов.

— Евгений Владимирович, надстройки с кораблей "трансформеров" предполагается снимать на базе, при помощи портовых кранов. А что будет если сигнал тревоги застанет их в море?

— Какую-то часть кораблей он застанет в море обязательно. Они свои надстройки просто сбросят в воду. Конструкция это сделать позволяет, а сами надстройки построены из легких сплавов и стоят недорого.

— Что нового по вооружению этих кораблей?

— По ракетному вооружению никаких особых новостей нет. Работают по плану, утвержденному на прошлом заседании Госсовета. Сейчас основные трудности у конструкторов связаны с универсальными транспортно-пусковыми контейнерами. Там масса технических проблем, но разработчики обещают все недоработки устранить к сроку. А вот по артиллерийскому вооружению есть интересный альтернативный проект, разработанный в инициативном порядке. Мы планировали вооружить новые корабли 305мм главным калибром и 120мм универсальным. В новом проекте предлагается увеличить их соответственно до 420мм и 152мм.

— Универсальные орудия в шесть дюймов? Не многовато ли? Они же тяжелые, следовательно скорость наведения и перезарядки упадет...

— Современным универсальным орудиям нет нужды бешено вращать стволами во все стороны, отмахиваясь от наседающих на корабль торпедоносцев. Их цель в воздухе это противокорабельные ракеты. При отражении воздушного нападения они будут стрелять на 30–40 км, и задача состоит в том, чтобы создать в нужном месте максимальную плотность

поражающих элементов. В большем калибре это получается лучше. При стрельбе по берегу шестидюймовки тоже предпочтительнее. Как меня просветили инженеры-фортификаторы, полевые сооружения рассчитывают на противостояние снарядам не более, чем 120мм. Бронеходы, даже самые тяжелые, выдержать попадание пятидесятикилограммового снаряда тоже не могут. Меньшее количество орудий будет с лихвой компенсировано большей эффективностью.

Главный калибр будущего корабля составят два орудия калибром 420 мм. К ним разрабатывается широкая гамма снарядов разнообразного назначения. Для стрельбы на максимальную дальность, это порядка четырехсот километров, будут применяться снаряды с прямоточным двигателем, фактически уже не снаряды, а ракеты...

— Неужели наши артиллеристы смогли сделать то, что никак не выходит у ракетчиков? Насколько я знаю разработка прямоточных двигателей еще очень далека от завершения и трудностей там впереди немало.

— Совсем даже наоборот, Ваше Величество. Прямоточные двигатели нам любезно предоставили наши многоуважаемые разработчики ракет. Просто требования у нас сильно разнятся. Нам достаточно того, чтобы двигатель проработал несколько минут. Такой результат был достигнут уже давно. А вот ракетчиков и тем более авиаконструкторов это не устраивает, им десятки часов нужны, что пока не получается.

— Понятно. Скажите, Евгений Владимирович, а откуда вообще появились эти орудия? Я не слышал о том, чтобы данная тематика у нас разрабатывалась. Да и калибр какой-то новый.

— Ваше Величество, это длинная история.

— Ну так расскажите.

— Сверхдальнобойную стрельбу начали изучать немцы, ещё при Втором Вильгельме. Достигли в этом изучении впечатляющих успехов, сделали немало научных открытий, а потом положили все результаты в архив. Что толку от того, что ты можешь стрелять на двести километров, если попасть на такой дистанции можно только в цель размером с город! К нам результаты этих многолетних опытов попали в сороковом году, по репарациям. Взяли по принципу "шоб було", и так же положили на дальнюю полку.

Вторая компонента, "жидкий порох", тоже имеет немецкое происхождение. В прошлом десятилетии многие страны стали проектировать орудия для бронеходов на жидких метательных веществах, но реальную конструкцию смогли сделать только в Германии. Пушка разгоняла снаряд до просто космических скоростей, но была настолько дорогой, сложной и капризной, что ни о каком практическом применении речи не шло. А вот нашему Институту Стали она оказалась нужна для испытания новой брони, и мы эту пушку вместе со всей технологией у Рейнметалла купили.

Третья часть — твердотельная система наведения. Она была создана по заказу Министерства Обороны нашими учеными для управляемого оружия, в том числе и управляемых снарядов. В снаряд, как в ракету, гироскопы не поставишь, ускорения слишком большие. А новые пьезоэлементы, разработанные в Институте Кристаллографии, позволили сделать блоки управления не только малогабаритными, но и не боящимися перегрузок.

Соединили все это вместе на Царицынском оружейном заводе. Им, для каких-то испытаний потребовался ствол чуть большего калибра, чем выпускаемые там серийно шестидюймовки. Подходящего ствола миллиметров на 180 — 200 они не нашли. Зато обнаружили в своих закромах стволы калибром 406мм, оставшиеся от старого производства

пушек для линкоров.

— Что-о? Вы хотите сказать, что порывшись в какой-нибудь каптерке можно найти любое оружие, вплоть до орудий всепокрушающего калибра?

— Ваше Величество, Вы не хуже меня знаете, что интенданты как хомяки, тащат в нору все подряд и потом чахнут над золотом не хуже Кощея. Мне недавно один знакомый генерал рассказал, что обнаружил у себя на складе РАВ кирасирские палаши времен войны 1812 года.

— Я знаю, что Суворов завещал интендантов, после трех лет службы, вешать без суда и следствия.

— Увы — без них тоже нельзя.

— Так что же вышло у Царицынских оружейников?

— Вышел у них грандиозный конфуз. Хорошо ещё обошлось без жертв. Решив, что больше — это не меньше, они приспособили найденное орудие для своих испытаний. Убрали нарезы и получили гладкий ствол 420мм. После первого же выстрела снаряд улетел за пределы полигона. Когда его нашли, то на месте падения уже была полиция и жители ближайшего поселка, весьма агрессивно настроенные. От удара полутонной чушки в землю у них все дома подпрыгнули. Насилу успокоили. Поклялись Христом-Богом весь ущерб возместить и больше так не шутить. По какой причине снаряд улетел так далеко ни кто не знал. Создали комиссию по расследованию ЧП. Хорошо, что кто-то вспомнил о наличии в архиве старых немецких документов на эту тему. А потом были многочисленные опыты, конструкторские разработки и вот результат. Благодаря данным немецких исследований многих проблем сумели избежать. Этим и объясняется такая быстрота разработки весьма сложной техники.

— Евгений Владимирович, а как Ваш сын поживает? — неожиданно спросил Император.

— Нормально поживает, Ваше Величество — удивился вопросу адмирал — служит на Северном Флоте, недавно принял дивизион эсминцев под команду...

— Мне тут недавно — Андрей достал из папки лист бумаги — прислали интересный документ. В нем кратко изложена карьера Вашего сына. Каждый год — то звание внеочередное, то орден.

Адмирал надулся, как мышь на крупу. Он догадывался, от кого пришел донос. Император тем временем продолжал:

— Я заинтересовался столь впечатляющими успехами и не поленился узнать подробности. Дело в том, что многие даты в карьере Вашего сына показались мне смутно знакомыми. Например в 84 году произошел захват террористами лайнера "Енисей". Лейтенант Бакатов получает золотое оружие за храбрость. Смотрю подробности и выясняю: "Возглавил абордажную партию... Получил ранение..." Через два года происходит инцидент с "Саутгемптоном". Ваш сын получает внеочередное звание. Помню, как мы лихо тогда утерли нос британцам. "Заберите свой разведывательный корабль. Он в наших терводах без хода стоит. Все, что нам нужно, мы с него уже сняли". Смотрю, кто командовал артиллеристами, которые снайперской стрельбой остановили англичанина, сумев при этом его сильно не повредить — опять Бакатов. Скажите, как Вы умудряетесь все время ставить его туда, где он оказывается в центре событий?

— Ваше Императорское Величество...

— Отставить! — Император улыбнулся — Евгений Владимирович, я у Вас не как Главнокомандующий спрашиваю. Просто я тоже являюсь отцом, и прошу у старшего товарища совета, как правильно воспитывать сыновей.

Адмирал тяжело вздохнул. Император частенько припоминал Бакатову сказанные тем давно, ещё до восшествия Андрея на престол, слова.

— Ваше Величество, ещё когда Николай учился в школе, я понял, что таким, как все, он не будет. Характер не тот. Да и способности у парня есть, программу он усваивал играючи. Либо он станет первым, первым во всем, либо превратится в типичного "золотого мальчика" — пустую никчемную куклу. Поэтому я всячески старался усложнить ему жизнь. Ты не просто теорему докажи, это любой сможет. Ты приведи пяток разных способов, чтобы учитель удивился. И в Морском Училище я всем преподавателям прозрачно намекнул, что адмиральского сынка надо спрашивать с особой жестокостью, а кто будет ему поблажки делать, тому не поздоровится. Как результат — закончил курс первым в выпуске. Вот и звание сразу.

— А Вы не боитесь, что он при таком подходе на Вас обидится?

— Нет. Обижает несправедливость, а я ещё в детстве объяснил ему, что кому больше дано, с тех и спрос выше.

ГЛАВА 23

2012 г. Март.

Северная Атлантика.

Погода была просто отвратительной. Другой в это время года в Северной Атлантике и не бывает. Ветер шесть баллов, волнение до пяти, облачность — сплошная. Наилучшие условия для выхода эскадры на рубеж незамеченной. А вот в каюте адмирала, естественно, было тепло, сухо, и непривычно для Николая Евгеньевича Бакатова тесно. Помещение больше напоминало вагонное купе, только без окна. Сходство с поездом добавлял и чай в стакане с подстаканником на маленьком столике, неяркое освещение и еле заметное, неспешное покачивание. Что для линкора шесть баллов, так, пустяк.

Адмирал глянул на часы, мигающие в углу планшета. До времени "Ч" ещё три часа с минутами. Все приказы отданы, всё идет как задумано (тьфу-тьфу-тьфу). Что делать? Сидеть в каюте — невыносимо, пойти на КП и стоять над душой у работающих офицеров — глупо. А пойду-ка я проветрюсь, подумал Бакатов, и, закрыв планшет, положил его в карман комбинезона.

Заперев личной карточкой каюту он пошел по коридору в сторону КП, но, не доходя до него свернул к лифту и поднялся на десять этажей.

— Адмирал на мостике!

— Вольно — адмирал махнул рукой — занимайтесь.

И про себя хмыкнул — чем заниматься-то, делать на мостике было нечего, все управление кораблем осуществляется с центрального поста и вахта здесь неслась исключительно в силу традиции.

Пройдя полутемный тамбур, Николай Евгеньевич разблокировал внешнюю дверь, и его сразу оглушило ревом ветра, а когда он вышел на небольшой открытый мостик, ещё и

чувствительно прижало к поручням. Вокруг была тьма. Лишь когда глаза немного привыкли, Бакатов стал различать море, черное с клочками пены, небо, тоже черное, но по-другому, и борт линкора далеко внизу очерченный белым буруном. Других кораблей видно не было, но адмирал знал, что они рядом, привязанные к флагману невидимыми импульсами лазерной связи, так же несутся сквозь мрак. Постояв минут десять он ощутил, что нервное напряжение потихоньку уходит, будто выдуваемое ледяным ветром, сменяясь уверенностью и спокойствием. Все сделано правильно. Критических ошибок не допущено. Он не подведет Государя.

— Ну, господа англы и прочие саксы, будет вам веселье — подумал адмирал и, уйдя с открытой площадки, снова оказался в другом мире — сухом, теплом и светлом, наполненном негромким гудением аппаратуры, мерцанием многочисленных экранов и тихими переговорами вахтенных.

Николай Евгеньевич принял душ, тщательно побрился, попил чаю — короче постарался, как мог убить время. Наконец просто сел, включил планшет и стал почти бездумно смотреть на бегущую вниз ленту с заголовками новостей.

— 02.38. Гавас. В Мали Французские колониальные войска понесли потери от атаки террориста-смертника.

— 02.46. Киодо Ньюс. В Японии полностью устранены последствия цунами. Император Акихито обратился к подданным с благодарственной речью.

— 02.51.РосТА. Генерал-губернатор Сахалина снят с должности.

— 03.00.....

Бег заголовков по экрану остановился. В углу замерцали значки "Нет сети", Время "Ч"

В Москве, в доме, что стоит на углу Денежного и Глазьевского, на четвертом этаже в это позднее (или раннее?) время тоже горел свет. Валентин Бакатов, внук адмирала писал шпаргалку. Точнее, не совсем шпаргалку, а скорее краткую выжимку из того материала, который завтра (уже сегодня) надо кровь из носу сдать. Компьютер был включен на показ новостей, но студенту было явно не до них.

— 03.00.РосТА. На архипелаге Грумант успешно завершено ядерное испытание. Взрыв сверхмалой мощности произведен в научных целях в верхних слоях атмосферы. Ученые собирают и анализируют полученную информацию. Академик Мезенцев, руководящий проектом изучения ионосферы, уже заявил о крайне интересных результатах.

— 03.02. Таймс. Ирландские сепаратисты нанесли артиллерийский удар по позициям королевских войск. Потерь нет.

— 03.05 Голос ИРА. Королевские каратели обстреляли Дандолк. Есть жертвы среди мирного населения.

— Стив, что это за долбанная хрень? — Адмирал Гринерт, обычно сдержанный, не мог скрыть раздражения. В этом походе ему не нравилось все. Не нравилась поспешность, с которой было сформировано их оперативное соединение. Не нравился весь тот политический ажиотаж, что был вокруг похода. А еще больше ему не нравилось это чертово ядерное испытание этих чертовых русских. То, что оно подняло по тревоге всю Америку, его мало волновало, но вот то, что он остался без наблюдения со спутников и дальней связи,

здорово нервировало. Конечно северное сияние, что полыхало в небе днем и ночью, зрелище красивое, но разговаривать со штабом в Норфолке по коротким волнам, сквозь шум и треск, как во времена Японской Войны — это напрягает. К тому же не работает Джи-Пи-Эс, и приходится пользоваться гирокомпасом. Да ещё, на всякий случай, вернули самолеты дальнего дозора. Вдруг электроника откажет, как их сажать потом? И теперь адмирал смотрел на отметки целей на тактическом дисплее, и пытался понять, что же это такое.

Коммодор Стивен Бреннет уже успел пообщаться с локаторщиками, и к вопросу адмирала был готов.

— Сэр, это соединение из восьми русских корветов.

— Корветов? Им сюда добраться дальности не хватит!

— Они вполне могли дозаправиться от танкера.

— Все равно не понятно. Почему русские послали встречать нас мелочь, и где их большие корабли? Наши "маркони" не могли ошибиться?

— Никак нет, сэр! То, что они с большим трудом выделили из помех, никак не соответствует сигнатурам русских плавучих дворцов, слишком маленькая ЭПР.

Стивен был уверен в своих словах. Когда русские корабли появлялись в пределах досягаемости, их прослушивали и просматривали во всех диапазонах, запись велась непрерывно. Большие корабли, прозванные за роскошные условия для экипажа дворцами, давали на экранах радаров огромную засветку. Как предполагал Стив, эти корабли были построены исключительно для демонстрации флага. Пускать в бой корабль, по дизайну напоминающий роскошную яхту сумасшедшего миллионера ни кто не будет.

— И все равно, не нравится мне это. Пошли разведчика, пусть глянет на них вблизи.

"Улучшенный Сокол" с подвесными контейнерами, набитыми радиоаппаратурой, ушел на северо-восток.

— Сэр — хрипло прозвучало из динамика — Меня встретили русские, и вышли на связь.

Приближаться к чужим кораблям без разрешения было чревато. Это было ни где не записанное правило, но оно строго соблюдалось. Пилот выходил в эфир и говорил. "Эй ребята! Я мирный, белый и пушистый! Просто лечу мимо, не надо меня обижать!" И если следовал ответ "Ну, раз мирный, лети себе на здоровье!" — можно было пролететь мимо чужих кораблей и немножко пошпионить. Если же отвечали "Вали отсюда шпион (русский, английский и т. д.)" то надо было разворачиваться восвояси, иначе собьют. И плевать морякам было на нейтральные воды и прочую подобную чепуху, дипломаты потом все уладят.

— Мак, что они говорят?

— Они говорят "Разворачивайся назад, иначе собьем!"

Адмирал выхватил у Стива микрофон.

— Посылай их в задницу! — заорал он — Если они посмеют атаковать, я их уничтожу!

— Сэр, они говорят "Прыгай, парень!" Пш-ш-ш...

— Мак, ответь! Мак не слышу тебя!

— Почему нет отметок на экране! — вдруг заорал Гринерт — Они там совсем обленились!

Стив не командовал радиотехниками, но раз оказался под рукой, то пришлось получать совершенно не заслуженную выволочку. Он стоял смирно, пропуская мимо ушей

начальственный крик, а в голове билась мысль. "Что-то не так. Что-то я упустил!"

— Авианосец — сказал Бреннет, воспользовавшись паузой в словах адмирала.

Гринерт поперхнулся, и уставился на коммодора. Потом махнул рукой и сел, устало откинувшись в кресле.

— Прости Стив, нервы стали ни к черту. Что ты сказал?

— Если бы Мак увидел корабли, он бы доложил "Я их обнаружил", а он сказал "Меня встретили". Это самолеты, а значит, у русских есть авианосец. Просто мы его не видим. Мы вообще сейчас ни черта не видим из-за помех.

Адмирал задумался. Выпустив пар, он снова стал тем, кем он был — опытным профессионалом, просчитывающим все ходы. Эскортный авианосец (других у русских не было) прикрытый корветами, для него не противник, можно действовать нагло, не боясь получить в ответ по зубам.

— Сэр — прервал его размышления Бреннет — Там сейчас мой парень болтается в море на плотике. Надо высылать вертолет.

— И потерять заодно и его?

— Прикрыть парой машин...

— Нет, так не пойдет — адмирал совершенно не походил на орущего солдафона, каким он был минуту назад. Сейчас он напоминал хищного зверя, быстрого и смертоносного.

— Бить врага надо наповал, чтоб не встал. Мы не школьники, которые перед дракой долго толкаются и обзывают друг друга.

Адмирал жестом руки остановил Бреннета, хотевшего что-то возразить.

— Коммодор! Поднимайте авиагруппу! Всю, как положено. Ударные машины, плюс прикрытие. И атакуйте русских по всем правилам, а что там потом высокое начальство скажет, не Ваше дело! Вам ясен приказ?

— Да сэр!

Адмирал Бакатов просматривал на экране своего монитора отчет по отражению ракетной атаки американцев. Его расчет, на то, что они отвернут, оправдался. Он вовсе не считал американцев трусами. Летчики морской авиации ими не бывают по определению. Просто они шли не воевать, а хорошенько шугануть группу мелких корабликов, серьезной ПВО на которых нет. Обнаружив, что это не так, янки пустили ракеты по принципу "на кого Бог пошлет" и развернулись восвояси. Ведь приказа "умри, но вцепись врагу в глотку", им ни кто не давал, войны между нами нет. Большую часть ракет сбили истребители, для них дозвуковая и неманевренная цель на один укус. Остаток легко расстреляли зенитчики, ещё на дальних подступах. До зоны действия артиллерийских автоматов дошла только одна ракета, да и та из-за грубой ошибки оператора. Правда эта единственная ракета, взорвавшаяся вблизи его кораблей, умудрилась нанести серьезный вред. Крупный обломок вывел из строя одну из пушечных башен на "Аскольде".

Адмирал щелкнул клавишей, и на экране появилось лицо командира крейсера "Аскольд".

— Сергей Анатольевич, как же Вы умудрились проворонить эту злосчастную ракету?

— Виноват, Ваше Высокопревосходительство! — Капитан первого ранга Михеев вытянулся во фрунт — Лично моя недоработка, не проконтролировал. Молодой оператор от волнения просто перепутал команды.

— Фамилия оператора?

— Ваше Высокопревосходительство! Лейтенант Гордеев грамотный специалист — встал горой за подчиненного Михеев — ошибка произошла исключительно от волнения, первый бой...

— Соедините с ним.

— Лейтенант Гордеев, дежурный ЗРК-2!

Бакатов молча всматривался в лицо лейтенанта. Обычное лицо, как у нас говорят — Рязань матушка. Правда, уши подозрительно красные, явно получил втык от своего командира.

— Лейтенант, сейчас Вы сдадите пост сменщику — адмирал сделал паузу, наблюдая, как уши Гордеева краснеют ещё больше — потом выйдете на верхнюю палубу — В глазах лейтенанта стало появляться недоумение. Неужто адмирал прикажет прыгнуть за борт или застрелиться?

— Там Вы перекурите пятнадцать минут, успокойтесь, и вернетесь на своё место. Надеюсь в будущем слышать про Вас только похвалы. Выполняйте!

— Сергей Анатольевич, а что там с поврежденной башней?

— Обломок ракеты загнул броневой лист, ствол заклинило.

— Плохо, быстро такое не исправить.

— Ремонтники обещают через двадцать минут.

— Это как?

— Сами посмотрите, господин адмирал — Михеев переключил изображение на камеру внешнего обзора. Бакатов увидел пострадавшую башню, возле которой возились два человека в комбинезонах ремонтников. Чуть в стороне стоял ещё один моряк, голый по пояс, несмотря на холод, и с кувалдой в руках. Ростом он был за два метра, а по ширине плеч превосходил обоих инженеров, вместе взятых. Механики отодвинулись в сторону, детинушка взмахнул кувалдой, и изображение на экране подпрыгнуло. "Его бы на американский авианосец с этой кувалдой забросить" — помечтал Бакатов — "Он там все за полчаса на запчасти разберет"

На американском авианосце русского моряка с кувалдой не было, к сожалению (это для русских к сожалению, для американцев к счастью) Там был командир авиакрыла Бреннет, в летном костюме, со слипшимися от пота волосами и мешками от перегрузок на лице. Он поднялся в "башню", где и докладывал адмиралу о проведенной атаке, удачной, по его мнению (потеря двух машин в данных условиях — это неслыханная удача) Адмирал Гринерт придерживался другого мнения. Все корабли русских остались на плаву, а этого, после атаки полного авиакрыла, быть не должно.

— Почему Вы атаковали на шести тысячах футов, а не снизились к самой воде, как положено?

— Потому что меня сопровождали две группы русских истребителей. Они шли параллельно, не делая попыток атаковать, но если бы я ушел вниз, они бы прижали нас сверху и расстреляли, как в тире. Ударные машины и так не слишком маневренны, а с подвешенными ракетами они как жирные утки, для истребителя легкая добыча. Одна группа русских могла связать боем прикрытие, в то время как другая будет безнаказанно убивать "Интрудеры".

Коммодор по привычке всех летчиков показывал руками, что происходило в воздухе. Адмирал поморщился.

— Стив, я считал Вас более решительным командиром. А Вы отстрелялись с максимальной дистанции и сразу бросились назад.

Бреннет набылся. В трусости его ещё никогда не обвиняли, тем более так незаслуженно.

— Сэр адмирал! Промедли я с командой на разворот, у Вас бы больше не было половины самолетов! И так, двое замешкались, и не успели уйти. Если бы мы продолжали двигаться вперед, нас бы просто смело с неба! Когда я включил радар, там все просто рябило от отметок ракет. Сэр, это не корветы и даже не фрегаты, такое количество зенитных ракет дальнего действия на них просто не поместится. Я не знаю, что это за корабли, но чувствую, что у нас впереди большие неприятности!

Предчувствия его не обманули.

— Ракетная атака! Цель скоростная, высотная, групповая. Цель скоростная... — забубнил оператор, повторяя информацию появившуюся на дисплеях. Атаку отражала автоматика, он просто дублировал её голосом.

В широкие окна поста управления полетами было видно, как с кораблей сопровождения поднимаются длинные белые шлейфы зенитных ракет.

— Ракетная атака! Цель низколетящая...

Голос оператора дрогнул. На экранах появлялось все больше отметок, и все они приближались. Они шли на разных высотах, с разных ракурсов, группами и поодиночке. Это было страшно, такую массированную атаку ни кто не ожидал. Однако все продолжали делать своё дело, трусов и паникеров здесь не было.

Прямо за окном "башни" адским демоном взвыл "Вулкан", заглушая разговоры и бросая оранжевые отсветы на потолок, а потом помещение вздрогнуло. Все, кто был на ногах, схватились за ближайшие предметы, чтобы не упасть. И вовремя, авианосец, огромную махину в девяносто тысяч тонн снова тряхнуло.

Адмирал держался двумя руками за спинку кресла и как замороженный смотрел в окно. Ближайший к авианосцу эсминец, новейший "Митчер", как заправский курильщик выпустил из трубы аккуратное кольцо дыма. А потом вдруг распался на две половинки, которые разъехались в стороны и синхронно нырнули в море. Над водой осталось только дымное кольцо.

Снова заработал "Вулкан", отражая невидимую для людей смерть, несущуюся к авианосцу. Похоже, эта задача оказалась для него непосильной, так как на носу корабля вспух огненный клубок. К счастью, бронестекла выдержали ударную волну от взрыва, произошедшего в сотне метров от них. Гринерт потряс головой, прогоняя звон в ушах, и схватился за микрофон.

— Миллер, Вы как там, живы? — связался он с командиром корабля. Ходовой рубке, где тот находился, должно было достаться от последнего взрыва сильнее. — Доложите о повреждениях!

— Сэр! Мы в порядке, хотя приложило здорово, есть раненные. На носу пожар, сейчас потушим, о других повреждениях доклада пока не поступало, линия повреждена. Как восстановим, сразу доложу.

Операторы, отойдя от шока, включились в работу. Восстанавливалась связь, запускались дублирующие системы, взамен вышедших из строя. Штаб как губка впитывал информацию. А адмиралу Гринерту предстояло на её основе принимать решения.

— Сэр адмирал! — вышел на связь командир корабля — пожар на палубе и в ангаре

потушен. Выведены из строя катапульты номер три и четыре. Потери в самолетах уточняются. А вот пробоины... — Миллер замялся.

— Что там? Не тяните!

— Сэр! У нас две пробоины с левого борта. Такое впечатление, что нам прилетело из главного калибра линкора.

— Какого к черту линкора! Где Вы его видите? Все линкоры давно списаны на иголки!

— Повреждения похожи на результат попадания крупнокалиберного снаряда. Нас прошили до самых потрохов, один из реакторов заглушен автоматикой. Но самое плохое то, что до сих пор не удастся остановить поступление воды. Крен пока компенсируем, но скоро не сможем.

Гринерт задумался. Страшен авианосец, когда его авиагруппа в воздухе, и беззащитен он, когда самолеты на палубе. Во всех морских академиях изучали историю "Леди Сары".

В сороковом году, при прорыве в Сингапур, авианосец "Саратога" нарвался на японские линейные крейсера и был расстрелян, как мишень. Неужели на русских кораблях есть пушки, стреляющие на сто семьдесят миль? Это в корне меняет всю ситуацию. Несмотря на потерю двух эсминцев и повреждения авианосца, его эскадра ещё представляет собой немалую силу. Если поднять авиагруппу... А вот этого ему сделать не дадут. Едва он начнет выпускать самолеты, русские повторят атаку. Они держат его на прицеле, но не стреляют, давая ему шанс уйти.

— Приказ по соединению! К развороту!

Спустя два часа, когда были посчитаны потери и устранены повреждения, грузно осевший в воду авианосец шел домой, окруженный поредевшим эскортом.

— Сэр адмирал! — вырвал Гринерта из задумчивости голос командира авиакрыла — Мы все вам благодарны, что Вы, нарушив приказ, вытащили из дерьма наши задницы. Но Вам наверняка за такое здорово влетит...

— Стивен, не волнуйся! — адмирал невесело улыбнулся — Нас ещё и наградят!

— Это как?

— Стив, ты классный пилот и хороший командир авиакрыла, но чтобы подняться выше, тебе надо стать политиком. Дело это грязное, но без него никак. Вспомни, какое задание у нас было?

— Мы шли с миротворческой миссией по просьбе союзника.

— А то, что перед походом из соединения убрали всех ирландцев, ты заметил?

— Да, было такое... Но я как то не задумывался...

— А задумываться надо, у тебя голова не только для ношения фуражки! Англичане давно бы перебили всех своих сепаратистов, но на них давит Европа с Россией. Устрой они в Ирландии резню — сразу окажутся в полной изоляции, если не хуже. Вот они нас и позвали.

— Они хотели нас подставить? Но как же на это пошло наше правительство?

— Стив, парни из Вашингтона вовсе не являются одной командой. Там у всех есть свои интересы, часто противоположные. Лайми договорились, с кем надо, что-то им пообещали, те надавили в нужном направлении и вот результат.

— А Вы, Сэр адмирал, Вы знали?

— То, что эта затея дурно пахнет, было ясно с самого начала. Но если бы я отказался вести эскадру, то она все равно бы ушла, только без меня. А я бы полетел со своего места в отставку. Это в лучшем случае.

— И что теперь?

— А теперь мы возвращаемся молодцами. Это если все правильно подать. Смотри: у русских был туз в рукаве. Мы их заставили этот козырь бросить на стол. Да, они взяли банк, но разве ставки были высоки? Если бы мы шли на Мурманск, или они на Нью-Йорк, то наша эскадра так легко бы не отделалась. Зато сейчас у нас есть информация о новых русских кораблях. Наши парни погибли не зря. Надеюсь, наши умники окажутся не хуже, чем у них, и что-нибудь придумают в ответ. В следующий раз мы будем готовы. А то, что мы не стали подставляться ради англичан, добавит очков тем политикам, которые болеют за свою страну. Ведь не все в Вашингтоне продажные шкуры, там есть и хорошие парни. А как ты знаешь, хорошие всегда побеждают плохих, важно самому правильно выбрать сторону, чтобы оказаться в числе победителей.

ЭПИЛОГ

2012 г.

Лондон. Закрытый клуб.

Расшифровка аудиозаписи.

Архивный номер 1745-23-45s-5 в МИ-5

Архивный номер 264-Д5-л8 в СВР Российской Империи.

— Господин...ээ... Иванов, как Вы оцениваете агрессивные действия Российского флота?

— Как маловероятные, господин...мм... Смит.

— Простите, не понял.

— Математика учит нас, что произойти может любое событие, просто вероятность этого разная. Вероятность того, что русский флот поведет себя агрессивно я расцениваю как очень низкую, почти нулевую.

— Но я говорю не о каких-то гипотетических действиях в будущем, а о том, что произошло в Атлантике!

— Никаких агрессивных действий с нашей стороны в имевшем место инциденте не было. Сразу по прибытии эскадры в Мурманск была дана пресс-конференция на которой журналистам показали записи систем объективного контроля...

— Американцы утверждают, что это все ложь.

— Однако своих записей они до сих пор не предъявили, наверно ещё подделать не успели. А наши данные совпадают с тем, что говорят американские пилоты, вытщенные нами из воды. Именно американцы сначала совершали провокационные действия, а потом предприняли полноценную атаку на наши корабли. И адмирал Бакатов продемонстрировал выдержку и миролюбие...

— Если это миролюбие, то что же в Вашем понимании агрессия?

— Искренне желаю Вам этого никогда не узнать. Россию не зря сравнивают с медведем. Когда косолапый неуклюжий Мишка собирает малину, то он очень милый и симпатичный. Но если Вы, не дай Бог его разозлили, то он становится смертельно опасным зверем. Вывод очевиден — не надо злить медведя!

Гайдзин — дикарь. Общее название для всех не японцев.

ЮМЖД — Железная дорога от Харбина к Порт-Артуру.

Для получения первого офицерского звания в мирное время, лицам со средним и высшим образованием надо было год прослужить в вольноопределяющихся, а потом сдать экзамен. В военное время этот процесс упрощался.

Пятилинейная лампа — дешевая керосиновая лампа

РБВЗ — Русско-Балтийский Вагонный Завод.

Люнет — легкое полевое укрепление.

ГУК — Главное Управление Кораблестроения.

ХЗФ — Хох Зее Флоте — Флот Открытого Моря, самоназвание Германского военного флота.

Мателот — соседний корабль в сраю.

Великолепные кошки — принятое в обиходе название английских линейных крейсеров Лайон, Тайгер.

Эскарп — фортификационное сооружение в виде уступа, обращенного к неприятелю.

В Бундесвере, при занятиях бегом, сержанты и в двадцать первом веке подгоняют солдат криком — Быстрее! Русские сзади!

Цирк Гэнда — авиашоу, состоящее из летчиков — асов. Пропагандировало в Японии авиацию, в частности морскую.

ДОСААФ — Добровольное Общество Содействия Армии Авиации и Флоту.

Светка — СВТ, Самозарядная Винтовка Токарева.

РГО — Ручная граната оборонительная.

АМВ — Аэромобильные Войска

СБ- Служба Безопасности.

АКМ — Автомат Коробова Модернизированный.

ГАБТУ- Главное Авто- Броне- Техническое Управление.

ТВД — Театр военных действий.

БРДМ, в просторечии "бардак" — боевая разведывательно-дозорная машина.

БЧ — боевая часть.

ПРО — Противоракетная оборона.

ПКР — Противокорабельная ракета.

ГРАУ — Главное Ракетно-Артиллерийское Управление.

Подкалиберные бронебойные снаряды ранних выпусков имели форму, напоминающую катушку для ниток.

Бакатов В.М. Материаловедение. Москва 1978

Бакатов М.И. Управление артиллерийским огнем посредством прибора Гейслера. СПб. 1915

РАВ- Ракетно-артиллерийское вооружение.

КП — Командный пункт.

Вольно, занимайтесь — уставная военная команда.

ИРА — Ирландская Республиканская Армия.

ЭПР — эффективная площадь рассеивания. В радиолокации параметр, определяющий

величину отраженного сигнала.

Башня — на авиационном жаргоне диспетчерский пункт управления полетами.

Интрудер — палубный штурмовик.

Вулкан-Фаланкс — пушечный комплекс ближней обороны сопряженный с локатором.